

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Тимошина Ирина Николаевна

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ И СТУДЕНТОВ
ОБ ИНТРАГРУППОВОМ И СОЦИАЛЬНОМ СТАТУСАХ ЛИЧНОСТИ**

19.00.05 – Социальная психология
(психологические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата психологических наук

Научный руководитель:
доктор психологических наук, доцент
Сачкова Марианна Евгеньевна

Москва – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4-13
ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ.....	14-165
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СТАТУСЕ ЛИЧНОСТИ.....	14-83
1.1. Статус как значимая единица анализа общественных и межличностных отношений	14-32
1.1.1. Понятие «статус» в социальной психологии и социологии.....	14-18
1.1.2. Межличностный статус как характеристика субъекта в малой группе	18-32
1.2. Теоретические предпосылки изучения социальных представлений.....	32-57
1.2.1. Концепция социальных представлений в зарубежной и отечественной психологии.....	32-53
1.2.2. Изучение социальных представлений о статусе в социальной психологии.....	53-57
1.3. Гендерные представления как область исследований в социальной психологии.	57-83
1.3.1. Социально-психологические подходы к определению понятия «гендер»	58-71
1.3.2. Гендерные представления как общественная категория.....	71-75
1.3.3. Возможности анализа гендерных характеристик на межгрупповом и групповом уровнях.....	75-83
ГЛАВА 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СТАРШЕКЛАССНИКОВ И СТУДЕНТОВ ОБ ИНТРАГРУППОВОМ И СОЦИАЛЬНОМ СТАТУСАХ ЛИЧНОСТИ.....	84-165
2.1. Структура, выборка и методы исследования.....	84-98
2.2. Результаты исследования представлений старшеклассников о статусе в ученической группе и обществе.....	98-129
2.2.1. Анализ представлений старшеклассников об интрагрупповом статусе личности.....	98-112
2.2.2. Структура социальных представлений старшеклассников о социальном статусе личности.....	112-129
2.3. Результаты исследования представлений студентов о статусе в группе и обществе.....	130-161

2.3.1. Представления студентов о статусе личности в учебной группе.....	130-143
2.3.2. Структура социальных представлений студентов о социальном статусе личности.....	143-161
2.4. Сравнительный анализ представлений старшеклассников и студентов об интрагрупповом и социальном статусах личности.....	161-165
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	166-169
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	170-187
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	188-225

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Постоянная трансформация общества, глубинные изменения и усложнение социальных структур ставят перед учеными задачу всестороннего изучения данных феноменов. Одним из таких феноменов, несомненно, является статусная дифференциация социума. Понятие «статус» стало объектом изучения в таких науках, как философия, история, экономика, политология, социология, психология. В социальной психологии упор делается на изучении личностных факторов, а также особенностей межличностных отношений, влияющих на формирование определенной статусной позиции индивида как в малой, так и в большой группе. На данный момент немаловажным является изучение представлений о статусе как в контактных, так и массовых сообществах. Понимание того, как в обыденных представлениях человека отражаются факторы формирования высокого и низкого статуса, насколько они пропитаны стереотипными категориями, какое влияние на них оказывают смежные социально-психологические явления, способствуют не только уточнению самого понятия «статус» и его составляющих, но и дает основу для объяснения детерминации статусного положения личности в различных социальных группах. Такого рода исследования требуют многоступенчатого подхода к анализу. Во-первых, в связи с тем, что понятие «статус» является многогранным, требуется разделить подход к исследованию представлений на уровне общества и на уровне контактной группы. Во-вторых, необходимо рассмотреть понятие «статус» во взаимосвязи с зависимыми переменными, которые уточнят механизмы формирования отношения к тем или иным статусным категориям. Изучение представлений в группах школьников и студентов о статусах становится актуальной задачей, в первую очередь, в связи с важностью вопросов престижа, востребованности, личностной значимости на данных возрастных этапах. Обращенность в будущее в старшем подростковом и юношеском возрастах связана с потребностью как реализовать себя внутри малых групп, так и самоопределиться в социуме, в том числе в вопросах выбора профессии и занимания благополучного положения в будущей взрослой жизни.

Это требует разработки стратегий успешной социализации современного подрастающего поколения. На данный момент проведено большое число исследований, учитывающих различные аспекты восприятия социальной жизни в молодежной среде, при этом феномен статуса не так часто рассматривался в них в качестве самостоятельного объекта теоретико-эмпирического анализа. Одной из сторон изучения характеристик статуса является их связь с особенностями гендерных представлений и стереотипов, активно формирующихся в юношеском возрасте. При этом группа сверстников является ведущей структурой, влияющей на формирование отношения к гендерным паттернам поведения (И.С. Кон, Т. Лобел, С. Файринг).

Таким образом, актуальность проводимого исследования обусловлена необходимостью уточнения представлений о статусах личности в группе и обществе с учетом анализа значимых зависимых феноменов, которыми являются интрагрупповой статус в малой контактной группе, гендерные особенности представлений (гендерные стереотипы и тип гендерной идентичности респондентов), а также возрастной контекст.

Степень научной разработанности проблемы. В социальной психологии накоплен большой объем теоретических и эмпирических работ по проблеме статуса и статусных отношений. Понятие «статус» изучалось как отечественными авторами (А.В.Петровский, Н.И.Сарджвеладзе и др.), так и зарубежными учеными (Р. Мертон, Т. Парсонс, Дж. Бергер, С. Розенхолц, Дж. Зелдич и др.). Наибольшую разработанность в отечественной социальной психологии получило изучение статусной структуры малой группы (Я.Л. Коломинский, М.Ю. Кондратьев, М.Н. Расходчикова, М.Е. Сачкова и др.). При этом задача изучения особенностей представлений о статусных категориях в более широких социальных структурах в этих исследованиях практически не ставилась. В теории социальных представлений, разрабатываемой научной школой С. Московиси, существует несколько подходов (динамический, структурный, конструктивистский и др.), позволяющих изучать данный феномен с различных точек зрения. Ряд авторов отмечают значимость изучения гендерных особенностей социальных

представлений, так как гендерное разделение общества является одним из основных и укрепившихся феноменов в социальной структуре (Ж. Дювен, О. Серрано). Помимо этого в русле гендерных исследований показано, что гендерные роли, закрепленные в культурных ценностях конкретного общества, отражаются на статусных позициях в группе, а также имеют стереотипный характер (Т.В. Бендас, Д.В.Воронцов, И.С. Клецина, И.С. Кон). Несомненно, это требует проведения комплексного исследования, в котором представления о статусе рассматривались бы с учетом таких зависимых элементов, как статусная позиция личности в референтной группе, ее возрастные и гендерные особенности.

Целью исследования стало выявление структуры и специфики представлений старшеклассников и студентов об интрагрупповом и социальном статусах личности с учетом их социально–психологического положения в ученической группе и особенностей гендерных характеристик.

В качестве **объекта исследования** выступают представления старшеклассников и студентов о статусе человека в малой группе и обществе.

Предмет исследования – структура и особенности представлений старшеклассников и студентов о высоком и низком интрагрупповом и социальном статусах личности.

В соответствии с поставленной целью был выдвинут ряд **задач исследования:**

Теоретические задачи:

1. Проанализировать исследования, посвященные статусному структурированию подростковых и юношеских ученических групп.
2. Сопоставить концепции и выводы эмпирических исследований по вопросу социальных представлений, в частности восприятия социального статуса в больших и малых социальных группах.
3. Рассмотреть социально-психологические и социологические работы о гендерных представлениях, гендерных стереотипах, гендерной идентичности, гендерных ролях в возрастном и межличностном аспектах.

4. На основании проведенного теоретического обзора и в соответствии с поставленными задачами подобрать комплекс эмпирических методик и провести исследование представлений старшеклассников и студентов о статусах в ученической группе и обществе.

Эмпирические задачи:

1. Выявить и проанализировать особенности статусного структурирования школьных и студенческих групп по показателям аттракции, референтности и неформальной власти для определения интегрального статуса каждого учащегося в ученическом сообществе.
2. Изучить особенности представлений школьников и студентов о самих себе, включая тип гендерной идентичности.
3. Определить структуру и специфику социальных представлений школьников и студентов об интрагрупповом и социальном статусах личности.
4. Выявить и описать особенности гендерных представлений старшеклассников и студентов о личности с высоким и низким статусами в ученической группе и обществе в целом.

Основная гипотеза исследования:

Представления старшеклассников и студентов об интрагрупповом статусе имеют больше сходства, в то время как социальные представления о статусе личности в обществе – больше различий, что обусловлено возрастными и гендерными характеристиками учащихся, а также их положением в ученической группе.

Основная гипотеза конкретизируется **частными гипотезами:**

1. Представления об интрагрупповом статусе личности схожи у разностатусных старшеклассников и студентов.
2. Социальные представления студентов о статусе в обществе отличаются категориями ядра, а также их большей согласованностью и взаимосвязанностью в сравнении с представлениями старшеклассников.
3. Ядра социальных представлений высокостатусных студентов о высоком статусе личности в обществе и низкостатусных студентов о низком статусе

личности в обществе отличаются наибольшей категориальной наполненностью в отличие от других статусных слоев. В старшем школьном возрасте такую тенденцию демонстрируют среднестатусные учащиеся.

4. Для лидеров студенческих групп значимой детерминантой положения в обществе являются властные полномочия, в то время как для низкостатусных студентов – личностные особенности. Высокостатусные и низкостатусные старшеклассники при оценке социального положения человека в первую очередь ориентируются на личностные характеристики.
5. В школьных и студенческих группах представления о внутригрупповом и социальном статусах включают в себя гендерные стереотипы, заключающиеся в приписывании маскулинности высокостатусным и фемининности низкостатусным личностям, однако эти характеристики не проявляются в представлениях лидеров и аутсайдеров ученических групп о самих себе.

Теоретико–методологические основы исследования составляют: системный подход к исследованию в психологии (Б.Г. Ананьев, В.П.Кузьмин, Б.Ф. Ломов); основные положения социальной психологии по проблеме статуса и статусных отношений в малых группах и обществе (Дж. Бергер, Е.М. Дубовская, В.А. Ильин, Я.Л. Коломинский, М.Ю. Кондратьев, Р.Л. Кричевский, Т. Парсонс, М.Е. Сачкова, Л.И. Уманский и др.); трехфакторная модель «значимого другого» (А.В. Петровский); теоретические концепции, раскрывающие особенности старшего подросткового и юношеского возрастов, а также социализации личности (Л.И.Божович, И.С. Кон, И.Ю. Кулагина, А.В. Мудрик, А.В. Петровский, Д.И. Фельдштейн, Э.Эриксон и др.); труды по психологии ученических групп (В.В. Абраменкова, М.Ю. Кондратьев, Ю.М. Кондратьев, Л.И. Новикова и др.); концепция социальных представлений (М. Бауэр, Дж. Гаскелл, У. Дуаз, Д. Жоделе, С. Московиси, А.М. де Роса, И.Б. Бовина, Е.А. Володарская, А.И. Донцов, Е.П. Емельянова и др.), в первую очередь структурный подход к исследованию социальных представлений (Ж.–К. Абрик, П. Вержес, Дж. Дювин, К. Фламент и др.); социокультурный подход к изучению гендера и гендерных

представлений (С. Бэм, И.С. Клецина, И.С. Кон, Н.К. Радина, Г. Траутнер, Т. Экес и др.).

Для проверки гипотез исследования был применен **методический комплекс**: блок социально-психологических методик, направленных на изучение интрагруппового статуса индивида, включающий социометрию, референтометрию и методический прием определения неформальной интрагрупповой структуры власти в контактном сообществе (М.Ю. Кондратьев); методика исследования структуры социальных представлений П. Вержеса; вопросник С. Бэм (в модификации И.С. Клециной) и метод семантического дифференциала (по О.Л. Кустовой). В работе были применены следующие статистические критерии: описательные статистики, t-критерий Стьюдента, двухфакторный ранговый дисперсионный анализ Фридмана, U-критерий Манна — Уитни, критерий Краскела — Уоллиса, T-критерий Вилкоксона, факторный анализ, кластерный анализ. Для статистической обработки данных использован пакет IBM SPSS Statistics 22.

Выборку составили 286 респондентов: 151 участник (57 юношей и 94 девушки) – студенты 2–3 курсов московских университетов (Московский государственный психолого-педагогический университет, факультет социальной психологии, Государственная классическая академия имени Маймонида, факультет журналистики и юридический факультет), средний возраст которых — 19,8 лет; 135 респондентов (85 юношей и 50 девушек) – ученики 9–10 классов общеобразовательных школ г. Москвы (ГБОУ СОШ №936, ГБОУ СОШ № 985), средний возраст которых – 16,2 лет.

Научная новизна диссертационной работы определяется тем, что:

– проведено комплексное исследование представлений о статусе личности на основе многоуровневой модели анализа социальных репрезентаций. Особенности представлений старшеклассников и студентов о статусе раскрываются на уровне малой контактной группы членства и на уровне социума, при этом учитываются такие переменные, как возраст, интрагрупповая позиция в ученической группе и гендерные особенности респондентов;

– выявлена возрастная специфика социальных представлений, заключающаяся в том, что студенты имеют более логичную и обоснованную структуру представлений о социальном статусе, нежели чем старшеклассники;

– показано, что разностатусные старшеклассники и студенты обладают различной структурой социальных представлений о высоком и низком статусах в обществе, но схожей структурой представлений о статусе личности в группе членства;

– обнаружено, что социальные представления высокостатусных студентов о высоком статусе в обществе и низкостатусных студентов о низком статусе в обществе отличаются от представлений других по статусу одноклассников наибольшей категориальной наполненностью, а в старшем школьном возрасте среднестатусные учащиеся обладают наиболее расширенным, а также приближенным к общему показателю группы ядром представления;

– зафиксировано проявление гендерного стереотипа, заключающееся в приписывании образу высокостатусного человека маскулинных черт. При этом доказано, что реальные лидеры школьных и студенческих групп такими характеристиками не обладают.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что разработана и верифицирована многоуровневая программа исследования представлений учащихся о статусе, включающая три значимых фактора: возраст, интрагрупповой статус, гендерные характеристики. Описана структура представлений студентов и старших школьников о высоком и низком статусах личности в обществе и в малой (ученической) группе и раскрыты содержательные характеристики составляющих ее категорий. Сформулированные по результатам работы выводы, зафиксированные зависимости вносят существенный вклад в разработку вопроса восприятия и принятия социального и интрагруппового статусов индивидом на этапах личностного и профессионального становления – в старшем подростковом и юношеском возрастах, а также способствуют уточнению вклада межличностных отношений и гендерных ролей в формирование представлений о статусе.

Практическая значимость исследования заключается в возможности интеграции полученных результатов в психокоррекционную работу с развитием самовосприятия и восприятия «других» в период старшего подросткового и юношеского возрастов, в профориентационную работу со школьниками, а также при консультировании студентов по планированию их профессионального и личностного становления. Выводы исследования представляют значимость для работы по профилактике социальной дезадаптации в молодежной среде, так как они уточняют возможные факторы успешной социализации личности в условиях современной общественной действительности. На диагностическом этапе данной практической работы с учащимися психологами образовательных организаций может быть применен предложенный и апробированный комплекс социально-психологических методик.

Результаты исследования включены в программу психологической работы со старшими школьниками по оптимизации системы межличностных отношений ГБОУ «Школа № 2116».

Внедрение выводов работы, основанных на выявленных эмпирических закономерностях, возможно в дисциплины по социальной психологии больших и малых групп, гендерной психологии, психологии статусно-ролевых отношений.

Надежность и достоверность исследования обуславливается высокой степенью проработанности литературных источников по проблематике статуса и представлений о нем, подбором валидных методик, репрезентативностью выборки, качественным статистическим анализом полученных данных.

Положения, выносимые на защиту:

1. Специфика структуры и содержания представлений старшеклассников и студентов о групповом и социальном статусах личности обусловлена такими значимыми переменными, как возраст, положение в ученической группе и гендер.
2. Старшеклассники и студенты, занимающие разное положение в структуре межличностных отношений, имеют схожие представления об интрагрупповом статусе личности в связи с близостью социально-психологических характеристик функционирования ученических сообществ в

данные возрастные периоды. Они проявляются в приписывании высокостатусным членам групп способностей к лидерству и пониманию других, быстрому принятию решений, силы духа, низкостатусным членам группы – скрытности, неискренности и низкой результативности деятельности.

3. Представления о социальном статусе личности имеют возрастные особенности. Ядро социальных представлений студентов о статусе личности в обществе представлено характеристиками, демонстрирующими высокую референтность и степень влияния высокостатусного человека и пассивность в деятельности низкостатусного члена общества. Периферическая часть представления логично уточняет содержание центральных элементов. В старшем школьном возрасте подобной четкой структуры представления не наблюдается.

4. Структура и содержание представлений о социальном статусе связаны с внутригрупповым положением личности в ученической группе. Социальные представления высокостатусных студентов о высоком статусе и низкостатусных студентов о низком статусе в обществе отличаются наибольшей категориальной наполненностью. В старшем школьном возрасте подобную тенденцию демонстрируют среднестатусные учащиеся.

5. Для лидеров студенческих групп в качестве детерминанты положения индивида в обществе, в первую очередь, выступают факторы власти и доминирования, для низкостатусных студентов центральным элементом представления являются личностные особенности носителя статуса: сила его характера и волевые задатки. Высокостатусные и низкостатусные старшеклассники при оценке социального положения опираются больше на личностные характеристики и уровень интеллектуального развития человека.

6. Существует рассогласование между представлениями старшеклассников и студентов о личностных особенностях лидеров и аутсайдеров и реальными характеристиками высоко- и низкостатусных учащихся. У разностатусных старшеклассников и студентов маскулинные гендерные черты являются ведущими в представлениях о высоком интрагрупповом и социальном

статусах. При этом реальные лидеры ими не обладают. Фемининные гендерные черты в представлениях о статусе не проявляются.

Апробация результатов исследования проводилась на расширенных заседаниях кафедры теоретических основ социальной психологии МГППУ (2014–2017 гг.), на I и II Международных научно-практических конференциях «Социальная психология в образовательном пространстве» (2013, 2017 гг.), на X Международной научной конференции «Высшее образование для XXI века» (2013 г.), на XIII и XIV Городских научно-практических конференциях «Молодые ученые – столичному образованию» (2014, 2015 гг.), на Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов – 2014», Общих собраниях Европейской ассоциации социальной психологии в Нидерландах, г. Амстердам (2014 г.) и Испании, г. Гранада (2017 г.). Основное содержание работы отражено в 19-ти публикациях, четыре из которых входят в журналы, рекомендованные ВАК РФ, одна из которых – в базу Scopus.

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы (189 наименований, из них 48 на иностранных языках), приложений и содержит 12 рисунков, 21 таблицу. Общий объем основного текста работы (без приложений) составляет 187 страниц.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СТАТУСЕ ЛИЧНОСТИ

1.1. Статус как значимая единица анализа общественных и межличностных отношений

1.1.1. Понятие «статус» в социальной психологии и социологии

Вопрос социального распределения общества волновал умы великих теоретиков еще в античные века. Так, Платон и Аристотель рассматривали понятия господство и подчинение как основополагающие типы межличностной связи [32]. Постепенно иерархичное понимание общественных отношений стало анализироваться в таких науках, как социология, антропология, политология, а вслед за этим и в социальной психологии.

После публикации в 1936 году работы социолога и антрополога Р. Линтона понятия «социальная роль» и «социальный статус» прочно вошли в научный обиход. Под статусом Р. Линтон подразумевал положение в социальной системе, занимаемое определенными индивидами; под ролью – поведение, в котором реализуются ожидания, связанные с этим положением [6]. При этом статус не может быть рассмотрен отдельно от понятия роли: роль – это динамический аспект статуса, с помощью которого человек должен оправдать занимаемый им статус.

Существует два вида статусов: предписанный и приобретенный. В продолжение данного подхода Р. Мертон замечает, что каждый социальный статус связан не с одной ролью, а с целым спектром ролей [73]. Например, человек может занимать статус школьного учителя. При этом он будет по-разному относиться к ролевым установкам: его поведение будет отличаться при взаимодействии с учениками, родителями учеников, руководством, коллегами. «Полный комплект ролевых отношений, которыми люди обладают вследствие того, что занимают определенный социальный статус» Р. Мертон назвал «набором ролей» [71, С. 539]. А комплект социальных статусов индивида, которые он имеет на

протяжении конкретного отрезка времени, носит название «набор статусов». Таким образом, автор демонстрирует сложность анализа статусно-ролевой структуры индивида. Однако наряду с большим количеством статусов, у каждого субъекта выделяется один главенствующий статус, подчиняющий себе остальные. У ребенка-дошкольника это статус возраста, который дает ему право вести себя определенным образом, после этот статус переходит в статус школьника, студента, у взрослых людей главенствующим становится преимущественно профессиональный статус.

С конца 40-х годов XX века термин «социальный статус» постепенно заменяется понятием «социальная позиция» [126]. Т. Парсонс выделил три группы признаков статусной позиции:

- 1) Характеристики, которыми люди обладают от рождения (этнические особенности, половозрастные особенности, родственные связи, физические особенности).
- 2) Признаки, связанные с исполнением ролей (например, профессиональные).
- 3) Элементы «обладания»: собственность, материальные и духовные ценности, привилегии [82, С. 144].

В социальной психологии статус понимается как «положение субъекта в системе межличностных отношений, определяющее его права, обязанности и привилегии» [94, С. 145]. Важными характеристиками социального статуса являются понятия авторитета и престижа. Престиж является мерой признания заслуг индивида, соотносимой со шкалой ценностей определенной общности [94]. Авторитет является средством влияния/власти в определенной общности, мера которого основана на занимаемом статусе [94, С. 103]. Авторитет статуса может трансформироваться в личностный авторитет и выступать в виде некоторого пропускного билета к активной деятельности, представляя собой «внутреннее признание окружающими за индивидом права на принятие ответственного решения в условиях значимой совместной деятельности» [57, С. 29]. Однако, случаются и такие ситуации, когда потеряв формально-статусную позицию, человек теряет и должный уровень авторитета

в группе, так как не обладает должным уровнем личного авторитета. Таким образом, каждый статус негласно обладает своим рангом престижа и авторитета, что со временем вырабатывает в обществе определенную, хотя и негласную иерархию статусов и статусных групп. Примечателен и тот факт, что человек всегда наделен каким-либо статусом. Теряя один статус, мы сразу же приобретаем другой, например работающий – безработный, учащийся школы – учащийся ВУЗа.

Исходя из классификации групп в зависимости от количественного состава и формы осуществления связей, можно разделить статус на групповой и межличностный (личный). Групповой статус – это положение человека в обществе, которое он занимает благодаря принадлежности к какой-либо большой социальной группе. Он зависит от национальной принадлежности, пола, социально-экономического класса, профессии, религии, то есть в целом от положения рассматриваемой большой социальной группы в социальной стратификации общества. Межличностный статус – это положение индивида в малой группе, которое определяется личностными качествами индивида, а так же зависит от того, как ее оценивают и воспринимают члены малой группы.

Н.И.Сарджвеладзе формулирует схему типологии социального статуса (рисунок 1) [103].

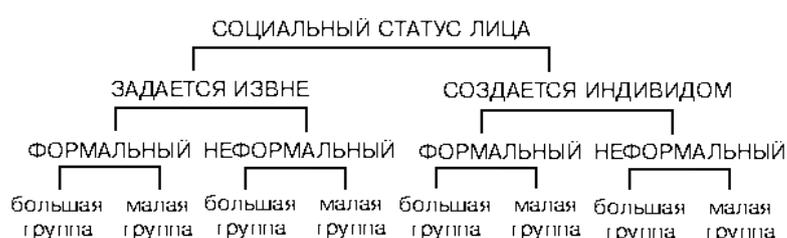

Рис. 1. Классификация социальных статусов индивида (по Н.И.Сарджвеладзе).

По данной модели мы видим, что статус может задаваться извне, то есть быть приписанным, но также может и создаваться индивидом, то есть быть достигнутым. Каждый из этих статусов может соотноситься как с

формальными, так и неформальными статусно-ролевыми функциями и проявляться как в малых, так и в больших группах.

Одной из теорий, описывающих механизмы получения социального статуса является теория статусных характеристик Дж. Бергера, С. Розенхольца и Дж. Зелдича [50]. Статусные убеждения формируют отдельный элемент в культурных стереотипах групп и активизируются, когда субъекты в группе категоризируют друг друга, согласно ценному для статуса групповому различию (например, гендерная принадлежность). Те или иные статусные характеристики могут быть выражены при соблюдении двух условий. Во-первых, она должна дифференцировать акторов, а во-вторых, должна быть культурно связана с целью, задачей или контекстом группы. Таким образом, возникновение лидерства в конкретной группе имеет под собой общекультурные основания, однако связанные с деятельностью группы. Приведем пример со статусной характеристикой «гендерный статус». В разнополой группе с нейтральной для гендерных ролей задачей, гендерный статус ставит мужчин в умеренно выгодное положение в плане власти (это заложено на общественном уровне). Однако когда перед такой группой возникает стереотипно мужская задача, выгодность положения мужчины будет в разы выше, чем женщины, так как эта статусная характеристика стала релевантной для выполнения актуальной задачи. То же самое касается «женских» задач, когда женщина может выйти в лидирующие позиции в группе. Таким образом, статус социальных категорий, к которым принадлежат субъекты в более крупном сообществе (в нашем случае – на уровне больших групп) распространяется на их предполагаемую компетентность, социальное положение и приемлемость в качестве лидера в малой группе. Данная теория возникновения лидерства хорошо перекликается с идеями теории социальных представлений.

Теория статусных характеристик получила свое развитие в гендерных исследованиях. Согласно исследованиям С. Кросс, Л. Мадсон (1994), женщины вынуждены демонстрировать с помощью экспрессивного поведения поддержки и согласия с высокостатусным индивидом, что они не стремятся занять

лидирующие позиции [12, С. 210]. Другие исследования, проведенные К. Бартолом и Д. Мартином (1986) показывают, что если женщина достигнет статуса лидера, то она начнет проявлять поведение, свойственное мужчинам, в том числе стиль, ориентированный на задачу [12, С. 210].

Социально-ролевая теория, предложенная Э. Игли в 1987 году, является продолжением теории Дж. Бергера [12]. Согласно этой теории, чтобы быть принятым обществом мужчина и женщина должны вести себя соответственно гендерной роли, т.е. тех стереотипных ожиданий, которое общество предъявляет индивиду в соответствии с принадлежностью определенному полу. С другой стороны, роль лидера так же предоставляет свои запросы. Так как она, согласно стереотипам, маскулинная, то женщины испытывают конфликт между гендерной и лидерской ролями. Смягчение ролевого конфликта у женщин-лидеров можно достичь несколькими способами: реальными успехами, выбором той области занятий, где лидерская роль по стереотипу не слишком маскулинизирована, демонстрацией относительно фемининного лидерского стиля – демократического и ориентированного на взаимоотношения.

Исследование Т.В. Бендас показало, что гендерный стереотип лидерства подтверждается только при изучении мнений, в которых он содержится, но не подтверждается в реальной жизни [13]. То есть стереотипизированными оказываются лишь представления о лидерстве, но не качества, действительно присущие лидеру.

1.1.2. Межличностный статус как характеристика субъекта в малой группе

С самого рождения человек начинает выстраивать сложную систему отношений с социальной средой, тем самым дает себе возможность развития. Как указывает Л.П. Бучева, в среде формируются и реализуются способности личности [22]. Отношения человека с другими людьми выступают в виде взаимоотношений. Данное понятие подразумевает под собой эмоционально окрашенные непосредственные или опосредованные техническими средствами

контакты, включающие систему «межличностных установок, ориентаций, ожиданий, определяемых содержанием совместной деятельности» [58, С. 107]. Самая близкая часть общества к личности – это его микросреда. Сюда относятся семейное окружение, сверстники: люди, которые находятся в постоянном взаимодействии с индивидом, то есть различные малые группы.

Понятие «малая группа» в социальной психологии рассматривается с точки зрения различных позиций. А.В. Сидоренков выделяет описательные определения – сформулированные на уровне общих представлений, концептуальные определения – в рамках той или иной теории, методологизированные – согласно определенной методологии [108, С. 10-13]. Изучив около полутора десятков вариантов определений, американский психолог М. Шоу, приходит к следующему: малая группа есть «совокупность двух или более лиц, которые в ходе взаимодействия влияют друг на друга» [184]. Однако Г.М. Андреева в своем определении делает акцент на том, что малая группа находится в системе общественных отношений. Она определяет эту структуру, как группу «в которой общественные отношения выступают в форме непосредственных личностных контактов» [5, С. 184]. Таким образом, изучая малую группу, мы должны помнить о личностных характеристиках субъектов общения, но не забывать, что также она является структурой общества, которое на неё влияет.

Группа в значительной степени влияет на развитие её членов. Можно выделить следующие функции малой группы [108]:

1. Социализация. Каждая малая группа оказывает сильное влияние на личностные особенности каждого из её участников, а также на их деятельность. Часто именно малая группа служит основой для закрепления в психике индивида ценностных и поведенческих ориентиров, установок и взглядов на окружающую действительность и самого себя.

2. Аффективно – экспрессивная функция. Она связана с реализацией личностной потребности в социальном принятии, уважении и доверии со стороны группы.

3. Психологическая поддержка. Группа помогает преодолению негативных переживаний, снятию напряженности, оказывает разного уровня психологическую помощь членам группы.

4. Инструментальная функция. Связана с непосредственным выполнением деятельности.

5. Упорядочение взаимодействия. Группа дифференцирует и перераспределяет полномочия исходя их особенностей своего развития на данный период времени, ролей и статусов каждого из членов.

Рассматривая классификацию по социальным функциям, можно выделить особый тип малой группы – ученическую группу, которая зачастую выступает объектом многочисленных социально-психологических исследований. Это однородная по возрастному признаку группа, в которой «педагогами планомерно организуется индивидуальная и совместная деятельность с целью обеспечения психического, личностного, профессионального развития индивидов» [108, С. 17]. В науке и быденном языке помимо ученической группы часто используется понятие учебной группы. Некоторые авторы ставят знак равенства между ними. Так, например, М.Н. Расходчикова считает их синонимами, объясняя это тем, что «в условиях образовательного учреждения именно в рамках официальных групп зарождаются, а затем в реальности и превалируют ... неформальные межличностные отношения и неформальные первичные малые группы» [97, С. 15]. Но мы, вслед за М.Е. Сачковой, придерживаемся другого мнения и разграничиваем данные термины. В учебной группе превалирует система деловых отношений, а ученик выступает как субъект только лишь учебной деятельности. Ученическая группа не ограничивается одним видом деятельности, в неё включаются другие (например, общение с одноклассниками вне школы), т.е. добавляются неформальные межличностные отношения. Данные понятия следует различать, т.к. они находятся на разных уровнях: учебная группа всегда является и ученической, но не всякую ученическую группу можно считать учебной в определенные моменты времени. Однако нужно отметить, что в исследованиях, несмотря на то, что группы называются ученическими или

учебными, изучаются одни и те же группы. Рассматривая же группы как ученические, особое внимание мы уделяем именно неформальным, межличностным взаимоотношениям учащихся в рамках групп их сверстников.

М.Ю. Кондратьев и Ю.М. Кондратьев выделяют следующие особенности ученической группы [58]:

1. ученические сообщества – это формальные, специально созданные группы;
2. чаще всего в рамках образовательного пространства ученическая группа выступает как вторичная малая группа, т.е. та, которая создана для решения определенных задач и почти лишена эмоциональных отношений между её членами;
3. перспектива сохранения ученического сообщества не является целью его членов, напротив, они должны понимать, что выполнение задач связано с окончанием функционирования их группы;
4. ученическая группа является частью более широкого социального сообщества – учебно-воспитательного коллектива образовательного учреждения.

Второй пункт явно сводит ученические группы к учебным. Мы же считаем, что в ученической группе доминирует система межличностных неформальных отношений, хотя существуют они в формально заданном учебном пространстве. В связи с этим мы считаем, что ученические группы выступают не только как вторичные, но и как первичные объединения для своих членов.

Структура ученической группы предполагает три типа отношений, которые выделила Л.И. Новикова [80]:

1. Деловые отношения взаимной зависимости, контроля, ответственности, которые возникают в процессе общей деятельности и служат для объединения детей;
2. Неофициальные межличностные отношения взаимной заинтересованности, объединяющие ребят как членов одной группы;
3. Межличностные отношения избирательного характера, которые складываются на основе взаимной симпатии, общих интересов отдельных детей.

В.В. Абраменкова, рассматривает типы отношений в группе сверстников (а ученическая группа представляет собой такую), уточняя приведенную выше классификацию [1]:

1. Функционально–ролевые отношения – представлены в виде норм, образцов поведения, которые усваиваются в процессе социализации, и которые зафиксированы в специфических для каждой культуры различных сферах жизнедеятельности детей и взрослых.

2. Личностно–смысловые отношения, которые осуществляются ради другого человека. В данном случае члены группы принимают и переживают интересы и желания другого как свои собственные.

3. Эмоционально–оценочные отношения, в которых проявляются симпатии и антипатии детей.

Таким образом, в малой группе можно выделить три уровня отношений, исходя из которых осуществляется как совместная деятельность, так и общение членов группы.

Одной из характеристик малой группы является наличие внутригрупповой структуры. Мы можем описать её через два взаимосвязанных понятия – «статус» и «роль». Понятие статуса рассмотрено нами ранее. Роль же рассматривают как «нормативно заданный, одобряемый образец поведения человека, данный его положением в группе» [104, С. 55]. Ряд авторов в качестве обобщенного понятия для уточнения и описания места личности в системе внутригрупповых отношений предлагают использовать понятие «позиция», причем некоторые противопоставляют её статусу, а другие отождествляют. В позицию входят и объективное место личности в структуре группы, и его отношение к своему положению.

Являясь членом группы, мы воспринимаем и оцениваем других членов, вырабатывая к каждому из них определенное отношение – отношение межличностной значимости. Факторы, лежащие в основе значимости, рассматривались многими авторами (Я.Л. Коломинским, М.Ю. Кондратьевым, Р.Л. Кричевским, Е.В. Щедриной и др.). Основные подходы к данной проблеме

были объединены А.В. Петровским в трехфакторную модель «значимого другого» [88]. Данная модель представлена в виде трехмерного пространства, где каждая ось – это один из факторов. Первый фактор, который выделил автор – *референтность*. Референтность выражает зависимость субъекта от одного индивида и определяет избирательное отношение к нему в условиях выбора. Его мнение может являться как информацией для размышления, так и достаточно значимым ориентиром для планирования действий, либо как прямой указатель на модели поведения в жизненно важных ситуациях [98]. Степень референтности зависит от таких качеств человека, как честность, принципиальность, справедливость и компетентность. Высшая степень референтности – авторитет. Он раскрывается в признании окружающими за «значимым другим» права принимать ответственные решения в существенных для них обстоятельствах. Существует и противоположная характеристика – *антиреферентность*, означающая, что то, что исходит от негативно значимого человека – категорически не приемлется. Следующий фактор – это эмоциональная характеристика – *аттракция*. Она обозначает способность привлекать или отталкивать окружающих, быть социометрически избираемым или отвергаемым, вызвать симпатию или антипатию. Положительный полюс данного фактора представляет «дружественность», а отрицательный – «враждебность». Нейтральная точка – «0» – это неизбираемые члены группы. Третья возможная форма значимого другого – *статус власти*, проявляющийся в системе объективных социальных отношений, обусловленных официальными требованиями или неформальным влиянием. Используя данную модель, мы можем всесторонне оценить внутригрупповую ситуацию в группах, в том числе ученических, где существует как формальная, так и неформальная система отношений.

В каждой малой группе существует три статусных категории: высокостатусные, среднестатусные и низкостатусные члены группы. Наиболее высокая статусная позиция – *лидерская*. Лидером становится такой «член группы, за которым она признает право принимать ответственные решения в значимых

для неё ситуациях» [94, С. 130]. М.Ю. Кондратьев считает лидером такого члена группы, «который либо авторитетен для большинства своих партнеров (непосредственный авторитет), либо авторитетен в глазах тех, кто является авторитетом для остальных членов группы (опосредованный авторитет)» [58, С. 63]. В некоторых ситуациях лидер может быть и руководителем, но чаще всего он выдвигается стихийно и неофициально, он не обременен властными обязательствами. А.В. Сидоренков выделяет два типа лидеров в зависимости от содержания выполняемых ими функций: общегрупповые лидеры и лидеры подгруппы [108]. Функция общегрупповых лидеров заключается в координации активности и отношений подгрупп и не включенных в них членов в процессе решения общегрупповых задач. Задача лидера подгруппы те же, только в рамках своей подгруппы. А.В. Сидоренков отмечает, что общегрупповой лидер, включенный в какую-либо подгруппу более эффективен в своей деятельности, нежели лидер из категории «самостоятельный член группы». В любой реально функционирующей группе в одно и то же время вести свою деятельность могут несколько различных лидеров, которые существуют на разных групповых нишах и не вступают друг с другом в острые противоречия. Г.Ш. Тажутдинова отмечает, что с повышением уровня группового развития в ней становится больше различных проявлений влияния лидеров [108]. Следует также рассмотреть классификацию лидеров по их направленности: они делятся на положительных – организаторов, и отрицательных – дезорганизаторов. Степень их влияния зависит от уровня организованности группы. В своем исследовании Д. Беспалов установил, что в группах средней и низкой организованности многие лидеры могут оказывать на группу одновременно и организующее и дезорганизующее влияние, становясь лидерами смешанного типа. В высокоорганизованных группах больше лидеров-организаторов [16]. Исследователь выделяет следующие социально-психологические особенности лидеров данных типов: дезорганизаторы более агрессивны, доминантны, подозрительны, они постоянно отстаивают свою позицию, сверхчувствительны к замечаниям, нетерпимы к ошибкам партнеров, строги и резки в оценках деятельности других; лидеры – организаторы

отличаются более адекватной самооценкой, высоким уровнем общительности, отличаются бескорыстностью мотивов и самостоятельностью включения в организаторскую деятельность, способны быстро принимать решения, выражать свои требования в разной форме (от шутки до приказа). Практически во всех группах лидеры – дезорганизаторы отрицательно влияют на эффективность совместной групповой деятельности.

Рассматривая природу лидерства, можно выделить несколько точек зрения [12; 50]. На первых этапах исследования данного феномена было распространено мнение, что лидерство – это функция индивидуально – психологических особенностей. Наиболее яркое отображение эта точка зрения получила в теории «черт личности», которая утверждает, что в основе лидерства лежат унаследованные преимущества одних людей над другими. Несмотря на большое количество исследований в рамках данного подхода, ученые не смогли четко выделить группу качеств, отвечающих за статусную позицию. Следующая точка зрения основана на том, что лидером является тот, кто в большей мере, нежели чем все остальные члены группы, соответствует её ожиданиям и наиболее твердо придерживается групповых норм и ценностей. То есть лидер – это функция группы. Минус данного подхода заключается в том, что группа здесь рассматривается независимо от социума. Так же данная теория расходится с данными о существовании «идиосинкразического кредита», которым в той или иной степени обладает каждый лидер – группа дает ему разрешение в большей степени отступать от групповых норм, нежели другим членам групп, что дает ему возможность более успешно выполнять свои функции и содействовать развитию группы. Третий подход основывается на рассуждениях, что лидер является функцией ситуации. Один и тот же человек может выполнять функции лидера в одной ситуации, в другой – быть ведомым, а в третьей – играть роль аутсайдера. Минус данного подхода в том, что он почти полностью противоречит определению группы и сводит все механизмы к влиянию ситуации. Как мы видим, ни одна из предложенных теорий не может быть адекватным объяснением феномена лидерства. Поэтому наиболее перспективный подход – это объединение

их и создание «синтетических теорий». Они подразумевают комплексный, целостный характер изучения лидерства.

Рассмотрим также остальные статусные позиции в группе. Низкостатусный член группы – или *аутсайдер* – является противоположностью лидера. Аутсайдеры получают такой статус из-за игнорирования лидерами, а зачастую и противоборства с ними. Низкостатусные члены группы переживают одиночество, признают свою зависимость от отвергающего его коллектива, страдают из-за невозможности удовлетворить потребность в аффилиации, что в целом ведет к использованию неадекватных стратегий поведения: заискивание, хвостовство, агрессия, сниженность личностных притязаний и др. По исследованиям З.А. Киреевой, люди с низким социометрическим статусом имеют высокие показатели по качествам, препятствующим эффективному взаимодействию: недоверчивость, зависимость, конфронтация, тревожность, агрессивность, избегание теплых эмоциональных отношений, безответственность [45].

Как известно, большинство исследований низкостатусных членов группы проведены на школьниках. Я.Л. Коломинский было обнаружено, что для того, чтобы попасть в категорию непопулярных и изолированных детей достаточно обладать 2-3 отрицательными характеристиками [53]. Психологический механизм возникновения статуса «отверженный» в подростковом возрасте был составлен В.П. Ермиловой на основе выделения и оценки как внешних, так и внутренних условий [37]:

- Блок неспровоцированного отвержения: внешний вид, физическая сила, достижения в деятельности, общая активность, индивидуальные возможности.
- Блок спровоцированного отвержения: агрессивное поведение, неопрятный вид, лживость в отношениях, зависть к другим, ненадежность в делах.

Как неспровоцированное, так и спровоцированное отвержение подкрепляется определенными мотивами. В первом случае это мотив «избегание общения», во втором – «укрепление своей независимости», общим мотивом для

любого типа отвержения является «защита от влияния». Существуют и другие звенья, влияющие на формирование позиции аутсайдера в группе: нравственная регуляция отношений, уровень развития группы, усвоение метаязыка межличностных отношений. Проведенное В.П. Ермиловой исследование позволило сделать вывод о том, что под влиянием осложнения взаимодействия в коллективе в связи с повышением сензитивности и тревожности развивается статус «отверженный».

Наименее изученными остаются *среднестатусные* члены группы. На это обратила внимание в своих работах М.Е. Сачкова. Она отмечает, что среднестатусный индивид имеет свои особенности, а не является «усредненным». Автор предлагает следующее определение: «среднестатусный член группы – это тот, кто занимает промежуточное положение в интрагрупповом статусном ряду и имеет своеобразные черты и особенности ролевого поведения, качественно отличающиеся от характеристик лидерской и аутсайдерской категории контактного сообщества» [104, С. 108]. В ходе эмпирических исследований М.Е. Сачковой были установлены особенности поведения и личностной ориентированности учащихся со средним статусом. Среднестатусные члены группы выполняют функцию сплочения и налаживания позитивных отношений внутри группы, так как они получают (и отдают в ответ) эмоциональные и референтные предпочтения как от лидеров, так и от аутсайдеров, тем самым связывая в единый коллектив группу сверстников. Кроме того, среднестатусные учащиеся достаточно адекватно отражают картину межличностных отношений внутри группы. При этом уровень осознанности среднестатусными учениками отношений в группе растет от младшего к подростковому и старшему школьному возрасту. С.А. Никулин в своем исследовании также показал, что среднестатусные подростки являются наиболее предсказуемыми членами группы, т.к. выборы, полученные именно от них, лучше всего осознаются всеми статусными категориями школьного класса [79].

Кроме того, статусы индивидов необходимо рассматривать не по отдельности, а принимая во внимание статусную композицию группы. Статусная

композиция бывает формальной и неформальной. Формальная композиция заключается в совокупности и дифференциации социальных или организационных статусов, которые имеют члены группы. Неформальная статусная композиция – это совокупность межличностных статусов. Я.Л. Коломинский установил, что в крайних статусных категориях находится меньшее число членов групп [53]. Было также установлено, что с возрастом в крайних статусных категориях увеличивается число индивидов, что говорит о повышении избирательности в межличностных отношениях [108].

Я.Л. Коломинский с коллегами провели исследование наиболее ценных качеств, влияющих на социометрический выбор. Наиболее значимыми в V – VI классах являются внешняя привлекательность и физическая сила. Далее идут коммуникативные качества, после – нравственные качества, навыки труда, хорошая учеба. На последнем месте оказалось стремление командовать. В VII – VIII классах более высокое положение начинают занимать интеллектуальные качества, а лидирующие на прежнем возрастном промежутке «физическая сила» и «внешняя привлекательность» резко падают. Уточнила вышеизложенные данные М.Е. Шмуракова [133]. Автор выявила, что факторы, обуславливающие социометрический выбор партнера в подростковом возрасте, разные для мальчиков и для девочек. Так, «изолированные» девочки предъявляют повышенные требования к своему окружению, им характерна высокая конфликтность, они «непостоянные, недобросовестные, с низкими моральными качествами». У «изолированных» мальчиков отмечается излишняя агрессивность, неумение решать возникшие проблемные ситуации и несамостоятельность. Высокий статус девочек связан с развитыми моральными качествами и высоким интеллектуальным уровнем. А высокостатусные мальчики отличаются высоким уровнем самостоятельности, общительности, умением найти конструктивный выход из проблемной ситуации. В данной работе также была выявлена взаимосвязь между осознанием своего положения в группе и личностными качествами. Адекватное осознание своего положения связано со степенью

привлекательности общения а, следовательно, повышает степень овладения «психологическими знаниями, умениями и навыками в сфере общения».

Исследование Д.В Беспалова позволило выявить возрастные тенденции лидерства [16]. Он описывает возрастной аспект причин выдвижения лидеров. В начальной школе лидером становятся из-за хорошей успеваемости и положительного отношения к ученику со стороны учителя. В подростковом возрасте важным становятся благоприятные отношения со сверстниками (для семиклассников важно, чтобы лидер был надежным товарищем, был хорошим учеником, но при этом обязательно давал списывать («кодекс товарищества»). Автор также отмечает, что существует деструктивный вариант лидерства: когда подростки не имеют возможности выразить потребность вести за собой других, они зачастую становятся лидерами – дезорганизаторами, таким образом, выражая свой нереализованный потенциал. В подростковом возрасте лидер выступает для другого, как носитель личностных качеств, становящихся образцом и ориентиром для подражания и следования, при этом личностные качества лидера отвечают ценностям, которые принимаются и признаются в данной возрастной группе. Подростки оценивают своих одноклассников в соответствии с теми качествами, которые признаются особо ценными в этом возрасте. Обладающие такими качествами товарищи имеют наибольшие основания стать лидером класса.

Итак, статус является одной из наиболее значимых категорий социальной психологии больших и малых групп. Его изучение неразрывно связано с понятием социальных ролей, то есть тех моделей поведения, которые реализуются в соответствии с занимаемым статусом. При этом статус является многокомпонентным образованием: каждый человек имеет множество как общественных, так и личностных статусов. Статус, являясь как характеристикой межличностной значимости, так и общественного положения, отражается на формировании эмоционального самочувствия [127], психологического благополучия [106], самооценки [72], наконец, социальной идентичности.

Особенно ярко данная характеристика проявляет себя в подростковом и юношеском возрасте, когда молодые люди выбирают свой путь, ведущий во взрослую жизнь, когда активно формируется их самосознание, убеждения, взгляды, т.е. происходит самоопределение человека. В процесс юношеского самоопределения включены все общественные уровни, что ведет к влиянию множества социальных факторов, например, таких как семья, референтные сверстники или группы, информационные системы (СМИ, социальные сети), личный опыт, полученный на предыдущих возрастных этапах. Обобщая требования, идущие от разных общественных систем, юноша начинает выстраивать свой жизненный план. И.С. Кон отмечал, что жизненный план возникает, с одной стороны, в результате обобщения целей, которые ставит перед собой личность, являясь результатом построения иерархии мотивов, становления устойчивого ядра ценностных ориентаций, а с другой стороны, – это результат конкретизации целей и мотивов [55]. Данная конкретизация происходит за счет уточняющих категорий, на которые ориентируется человек. В современном мире одной из таких важных категорий становится статус.

Наряду с этим, статус является достаточно динамичной характеристикой, на которую оказывают влияние множество факторов, один из которых – гендер. Социально обусловленные характеристики, разделенные обществом и культурой на «маскулинные» и «фемининные», сказываются на статусной позиции индивида как внутри социальной иерархии общества, так и в малых группах. Данное влияние происходит в ходе социализации и усвоения гендерных установок, стереотипов и представлений, что ведет к принятию и использованию ролевой модели поведения, соответствующей сформировавшейся гендерной идентичности.

Таким образом, важной эмпирической задачей является изучение представлений о статусных категориях, как на общественном уровне, уровне групп, а так же с учетом индивидуальных характеристик. Однако отечественная социальная психология демонстрирует слабую степень разработанности в рамках данной проблематики. Остается неясным, какая методологическая платформа

позволит изучать феномен статуса на различных социальных уровнях. Швейцарский психолог Марио фон Кранах обращает нас к анализу понятия «социальная система» [186]. Автор постулирует, что существует множество видов социальных систем, которые расположены между двумя полюсами: личность и общество – это уровень интеракции, диады, группы, организации. Они различаются от культуры к культуре и характеризуются различными структурами и процессами. Каждый уровень имеет особое строение и характерные процессы, влияющие на функции памяти и методы познания. Однако, мы не можем рассматривать процессы, происходящие внутри этих уровней изолированно друг от друга, так как развитие познания и действий людей включает обработку всех ступеней: от индивидуального до уровня социума по спирали. Таким образом, социальные системы упорядочены в иерархическую, многоуровневую модель.

Проведенный теоретический анализ позволяет нам сделать вывод о том, что исследование представлений о статусе личности в современном обществе является высокозначимой проблемой, изучение которой поддерживается различными теоретическими подходами. Однако эмпирических данных, полученных в рамках исследований представлений о статусе недостаточно, а результаты имеющихся исследований требуют уточнения. Так как социальные представления являются динамичным и многоуровневым образованием, исследования должны включать не только срезовой анализ данных, но и рассматривать их с учетом возрастного контекста, а также места изучаемого феномена в структуре общественных отношений.

Таким образом, в основу нашего исследования заложена многоуровневого изучения представлений о статусе личности в современном обществе и группе с учетом таких зависимых переменных, как возраст (старшие школьники и студенты), статусное положение в группе (высоко-, средне-, низкостатусный) и гендерные характеристики респондентов (тип гендерной идентичности, наличие/отсутствие гендерных стереотипов). Опираясь на уровневую модель общественных отношений М.ф.Кранаха, первоначально необходимо разделить подходы к изучению представлений о статусе в обществе и о статусе в группе. В

первом случае оно будет основано на анализе социальных представлений. Автор модели уточняет, что перспективным направлением изучения социальных представлений, как формы изучения общественной формы познания, является их анализ в контексте мультиуровневой модели с переходом на другие ступени социальных систем [186]. Рассмотрим теоретические предпосылки изучения данных феноменов в следующих параграфах.

1.2. Теоретические предпосылки изучения социальных представлений

1.2.1. Концепция социальных представлений в зарубежной и отечественной психологии

Вторая половина XX века ознаменовалась переворотом в понимании требований к исследованиям в социальной психологии. На смену классическим моделям бихевиоризма, психоанализа, когнитивизма, а также господствующего в то время марксизма и структурализма, которые ограничивали поле деятельности ученых, приходят новые модели, главным звеном которых должен был стать анализ человека, не изолированного от общества, а человека в социальном контексте, с учетом меняющихся событий, и, самое важное – динамики изменений человека в обществе. Такой подход развивался в теории социальных представлений С. Московиси. Анализируя работы Э. Дюркгейма и Л. Леви-Брюля, использовавших понятие «коллективные представления», С. Московиси критически отнесся к взглядам на представления, как на предмет сугубо социологический [178]. По мнению французского ученого, отличие социальных представлений от коллективных заключается как минимум в двух параметрах: динамичности и степени обобщенности. Коллективные представления создаются и поддерживаются всем обществом. Они гетерогенны и могут быть описаны с помощью небольшого числа категорий, таких как религия, наука, миф и пр. В работах Леви-Брюля упор делался на то, что коллективные представления непроницаемы по отношению к опыту, то есть статичны. Социальные представления же являются динамичными образованиями. Они меняют свою

структуру, как реакция на изменения в обществе, а также в зависимости от того социального контекста, в котором они возникают. Таким образом, социальные представления имеют двойственную направленность в своей трансформации: с одной стороны, они находят свою основу в культуре, языке, религии, но с другой – связаны с политическими, экономическими, социальными изменениями, свойственными для конкретных групп. По мнению С. Московиси, главной задачей должно стать изучение представлений в контексте, связанном с взаимодействием на разных уровнях: межличностном, групповом и межгрупповом [178].

Можно выделить как минимум три взаимосвязанные *функции* социальных представлений, действующих на различных уровнях отношений внутри общества: интеграция и адаптация нового опыта в коллективный субъект, детерминация и ориентация поведения и социальных отношений, когнитивная функция [20; 35; 91]. Регулярно в своей жизни человек сталкивается с ситуациями и явлениями, новыми для него самого. Мотив возникновения социальных представлений выходит из проблемы взаимодействия «нечто неизвестное в то, что давно знакомо» [178]. Социальные представления служат способом популяризации науки и технических инноваций. Их формирование идёт по пути, обратному способу формирования научных понятий: от неизвестного и непонятно – к знакомому и простому. Здесь также реализуется защитная функция, с помощью которой индивид ограждает себя от опасности быть погруженным в поле несогласованных знаний, что может вызвать нестабильность эмоционального фона и поведенческих реакций. С. Московиси отмечает, что «мы формируем представления, чтобы свыкнуться со странным, ... для уменьшения некоммуникационного поля» [74, С. 12]. Важность изучения отношения к научному сообществу на современном уровне общественного развития подчеркивает в своей работе Е.А. Володарская. Автор говорит о значимости изучения имиджа науки, так как он влияет на построение системы отношений между наукой и обществом [25]. Однако, «в настоящее время наблюдается все более расширяющаяся пропасть, отделяющая науку от ее понимания публикой»,

что ведет к сомнениям в значимости научных исследований [26, С. 24]. Так, на примере изучения образа идеального ученого Е.А. Володарская и Т.В. Разина показали, что у студентов и работающей молодежи образ ученого упрощен и сводится к стереотипным когнитивным и личностным характеристикам [96]. Авторы объясняют подобную стереотипность представлений отсутствием поступления адекватной информации о научных работниках, прежде всего, в группах работающей молодежи.

Из вышеописанные данных вытекает следующая функция социальных представлений, связанная с регуляцией социального поведения. Социальные представления отражают «что допустимо, терпимо или неприемлемо в социальном контексте» [143]. С одной стороны, происходит упрощение внутригруппового общения посредством усвоения норм и ценностей группы индивидом, использования единой системы верований. Варианты возможного влияния на группу описывает Г.М. Андреева [4]:

1. Группа фиксирует определенные, «выпуклые» аспекты социальной жизни и воспринимаемого явления. Так, представления о современной молодежи будут различны у группы юношей и группы пожилых людей. Для первых актуальный стиль одежды и манеры будут нормой, а для вторых – «выпуклой» характеристикой, входящей в структуру социальных представлений.

2. Группа устанавливает уровень доверия к поступающей информации, источникам получения этой информации и санкции по отношению к несогласным с этим.

3. Группа влияет на частоту использования социального представления в коммуникациях, что демонстрирует уровень значимости данного представления для группы в повседневной жизни.

В данных пунктах прослеживается взаимосвязь теории социальных представлений С. Московиси с теорией социальной идентичности А. Тешфела. Его теория также рассматривается как новый виток в социальной психологии XX века. Главная мысль исследователя заключалась в поиске места человека в социальном мире за счет анализа групповой идентичности, степени

принадлежности индивида к группе в виде внутреннего осознания единства с ней, а также влияние группы на личностную идентичность. Отсюда вытекает теория межгрупповых отношений. Наиболее полный анализ взаимосвязи теории социальной идентичности и теории социальных представлений был проведен в работах Г. Брейквелл [141]. Она считает, что объединение этих двух теорий «способствовало бы созданию более мощной модели поведения». Теория А. Тешфела могла бы дополнить пробел теории С. Московиси в эмпирической верификации гипотезы о группе как генераторе представлений с помощью акцентирования внимания на групповой динамике. В свою очередь, социальные представления способствуют формированию групповой идентичности. На данном уровне они перестраиваются под задачи функционирования конкретной группы, а затем возвращаются на межгрупповой уровень – так формируется картина мира. Наконец, на индивидуальном уровне, социальные представления дают возможность людям включать новые данные в рамки их мыслей, влияют на способ размышления и интерпретации повседневной жизни, конструируя индивидуальную реальность. Данная функция сводит роль социальных представлений к роли категорий, с помощью которых индивид описывает, классифицирует и объясняет события. Обобщая функции социальных представлений можно сделать вывод, что они являются своеобразным фильтром, проходя сквозь который информация из внешнего мира трансформируется и используется на разных уровнях общественного взаимодействия.

Как же происходит **формирование** социальных представлений? С. Московиси описывает данный процесс через последовательное прохождение нескольких фаз [91]. Первая – фаза «якорения», «зацепления» (фр. - *ancrage*). Процесс якорения включает в себя две стадии: классификацию и название (наименование). На первом этапе странный и незнакомый объект пересоздается, встраивается в уже существующие ментальные системы, ежедневно используемые категории. Это может происходить двумя путями: генерализацией или партикуляризацией. Генерализация отмечает схожесть нового объекта с уже существующими в системе представлений, а партикуляризация, напротив,

фиксирует различия или аномальность. Выбор стратегии классификации во многом зависит от целей группы и ценностей, которые ассоциируются с социальными репрезентациями и от рассматриваемого объекта или события. Затем объект получает имя, тем самым снимая с себя анонимность. После прохождения фазы якорения объект помещается в «идентификационную матрицу нашей культуры» [20, С. 103], вступает в нашу социальную реальность. За счет процесса анкеровки новое представление обращается к индивидуальной и коллективной памяти, адаптируясь под воздействием данной информации. С другой стороны, уже существующие представления могут обрести новую жизнь за счет включения в них нового объекта. Следующий этап – «объективация». В результате этого процесса абстрактная мысль превращается в конкретную. Это переход с уровня идей на уровень существования и функционирования в физическом, реальном мире. Так объект представления становится доступным для повседневной коммуникации. Объективация может происходить несколькими способами. Первый способ – схематизация, то есть построение ассоциации на основе визуального конструкта. Другой вариант – персонификация – ассоциирование объекта с конкретной личностью. Описывают также третий способ – онтологизацию или натурализацию, подразумевая под ним наделение объекта представления физическими чертами, в результате чего он становится реально осязаемым (к примеру, социальное представление о СПИДе, как о вирусе (И.Б. Бовина)). Таким образом, процесс формирования социальных представлений зависит от множества факторов социального характера. В своем стремлении отойти от научных знаний и убеждений субъект формирует реально функционирующую в его социальной среде систему представлений. При этом авторы концепции отмечают, что не существует правильных или неправильных представлений, кроме всего в человеке могут сосуществовать два диаметрально противоположенных представления об одном и том же явлении. В зависимости от актуальной ситуации, на первый план будет выходить одно из них. С. Московиси выделяет три типа социальных представлений: руководящие (поддерживаются всеми членами группы, принудительны), эмансипированные (формируются в

подгруппах), полемические (возникают в ситуации конфликта, не разделяются всеми членами группы) [176].

Систематизируя полученные в ходе своих рассуждений и исследований знания, С. Московиси описал приблизительную *структуру* социальных представлений. В своих работах он описал фигуративную и символическую стороны представлений, то есть отношение образа и смысла. Московиси отмечал, что «между субъектом и объектом нет глубокого различия по существу, представлять себе что-то – это значит рассматривать стимул и реакцию вместе, не разделяя их» [178]. Изначально компонентами социального представления являются информация, поле и установка. Основой представления выступает информационная база, то есть сумма знаний об объекте представления, осведомленность о нем. Источниками получения информации выступают различные социальные институты. Поле представления формируется внутри группы и связано с рамками, которые устанавливает данная группа по отношению к поступающей информации. Это иерархизированная система, вне контекста которой представление не может быть осмысленно.

В рамках структурного подхода в развитии теории социальных представлений последователи С. Московиси начали рассматривать структуру поля в виде ядра и периферических элементов [144]. В установке отражается эмоциональная сторона – отношение субъекта к объекту представления, а также готовность высказать свое суждение относительно данного объекта. В этом компоненте обобщаются и интериоризируются знания, полученные из информации и поля представления, а также на основе собственного опыта. Таким образом, складывается как бы уровневая модель социального представления, включающая все слои социальной реальности: культурный, групповой и индивидуальный. В начале 90-х годов 20 века в теории социальных представлений было введено новое понятие «темата» [20]. Оно восходит к работам Дж. Холтона и представляет собой надстойку, первоидею, лежащую в основе формирования научного знания и направляющую его. Согласно схеме структуры социального мышления, предложенной К. Фламаном и М.-Л. Рукетом,

темата является конструктором высокого уровня, отличается низкой степенью варьирования информации (в отличие от конструкторов более низкого уровня, например, социальных представлений, которые имеют более подвижную структуру) [162].

Суммируя подходы к обоснованию теории социальных представлений, обратимся к вопросу *определения* данного понятия. По мнению С. Московиси, социальные представления являются цепочкой идей, метафор и образов, более или менее свободно связанных друг с другом [177]. Данная цепочка в качестве своей основы имеет актуальную социальную реальность, затрагивая при этом все её уровни: личностный, групповой, межгрупповой и культурный. В контексте развития идей С. Московиси можно выделить несколько основных подходов, в каждом из которых раскрывается та или иная сторона проблематики исследований представлений [20].

Наиболее острый вопрос, стоящий перед теорией социальных представлений - взаимосвязь индивидуальных когнитивных процессов с коллективным сознанием. Он раскрывается в *динамическом подходе*, предложенном Уильямом Дуазом в 1992 году (Женевская школа). Он отмечает, что «не все социальные отношения, в которых мы принимаем участие, в равной мере представлены в нашем сознании... В зависимости от ситуации различные отношения становятся выпуклыми» [155, Р. 23]. Идея основывается на мысли С. Московиси о существовании операциональной когнитивной системы, работающей на основе ассоциаций, а так же нормативной когнитивной системы, верифицирующей материал, ориентируясь на правила. Нормативная система – метасистема – является некоторым переходником, фильтром, подстраивающим первичные ассоциации под требования группы. В. Дуаз предлагает понятие «организующий принцип метасистемы», который объясняет различные требования социальных групп к организации материала. Эти принципы отличаются у разных групп, а их характер зависит напрямую от целей группы. Представитель женевской школы описывают три положения своего подхода. Первый постулат гласит, что различные члены изучаемой группы разделяют

общую точку зрения на изучаемый предмет. Во вторых, люди различаются по силе своей приверженности определенным сторонам социального представления, при этом данные различия фиксируются в некоторую систему. Третье положение заключается в том, что сформировавшиеся вариации систем «заякореваются» в коллективном опыте группы и в индивидуальных убеждениях людей [157, Р. 2]. Существует три типа анкеровки (якорения): психологические, социально-психологические и социологические. Первый тип связан с влиянием общих ценностей и убеждений на социальные представления, которые опосредуют отношения между людьми. Второй описывает то, как люди представляют себе взаимосвязь различных социальных категорий. Третий тип может быть выделен при установлении связи между социальными представлениями и конкретными статусными социальными позициями, занимаемыми респондентами. Таким образом, более глобальные и общие принципы мышления управляют позицией в той или иной общности. Поэтому социальные представления в динамическом подходе определяются как «организующие принципы принятия позиции, ... они организуют символические процессы, вторгающиеся в отношения» [156, Р. 243].

Для исследования социальных представлений в рамках данного подхода предлагается трехэтапная система [154]. На первом этапе необходимо выявить само «поле» представлений, то есть результат процесса объективизации. Для выявления данных представлений используется метод свободных ассоциаций, проведение глубинных интервью, анализ содержания масс-медиа (пресса, реклама и др.). Помимо ассоциативных тестов проводятся рисуночные методики. Они используются в группах детей, где образ играет большую роль, чем понятие. На данном этапе исследования выявляется лишь сама информация, но ничего не говорится об особенностях респондентов. Второй этап направлен на изучение социального позиционирования. А. Клеманс отмечает, что люди не могут всё знать и понимать в отношении какого-то объекта, они уделяют внимание различным аспектам [148]. Для того чтобы узнать межиндивидуальные и межгрупповые различия используют стандартизированный опросник, построенный на основе результатов первого этапа исследования. Третий этап

исследований необходим для уточнения структуры и происхождения различных позиций. Планомерный анализ связей между позициями индивидов позволяет узнать представления в отношении интересующего объекта. Такой многоступенчатый анализ данных, а также совмещение качественных и количественных методов позволяет расширить область исследований социальных представлений.

Подход Д. Жоделе (Парижская школа) направлен на исследование роли представлений как регулятора социальных взаимодействий. В рамках подхода социальные представления – это «общее видение реальности, присущее данной группе, которое может не совпадать или противостоять взглядам, принятым в других группах» [169, Р. 412]. По мнению автора, социальные представления объединяют в себе аффективные, ментальные и социальные элементы, при этом они настолько динамичны, что исследование актуальных представлений нужно начинать с предшествующих ему форм. Соответственно анализ социальных представлений в данной научной школе подразумевает изучение их происхождения, встроенности в культуру при помощи междисциплинарных методов, в том числе антропологии и этнографии. На основе своих взглядов Д. Жоделе описывает шесть подходов к изучению природы социального представления [169]:

1. Когнитивная деятельность субъекта.
2. Процесс образования смысла, который заимствуется из культуры.
3. Представление как форма коммуникации.
4. Влияние опыта субъекта на формирование представлений.
5. Динамика изменений отношений в межгрупповых отношениях.
6. Социальные представления, как продукт идеологии.

Как можно заметить, в данном описании просматриваются все уровни психологической реальности: индивидуальный – межличностный – межгрупповой – идеологический. Таким образом, согласно парижскому направлению школы

С. Московиси, практически все объекты и явления могут выступать в качестве объекта исследования в данной концепции.

Следующее направление делает упор на анализе структуры социальных представлений. Ж. Кодол, анализируя когнитивный подход в социальной психологии, сделал акцент на необходимости выделения понятия «структура представления», под которым будет пониматься «свод правил взаимосвязи и организации когнем в представлении» [149]. *Структурный подход Ж.-К. Абрика* (школа Экс-ан-Прованса) выделяет ядро (центральную систему) и периферическую систему в структуре представления. Ядро является стабильной, устойчивой системой, которая связана с коллективной памятью и историей, оно находится в ценностной сфере, разделенной членами группы. Элементы ядра определяют значение, валентность и характер отношений всей структуры представления. Удаление какой-либо части ядра ведет к значительному изменению общей структуры. Однако, кроме роли стабилизатора, ядро представления является и генератором, который придает смысл другим репрезентативным элементам. Периферия конкретизирует значения ядра, являясь связующим звеном между устойчивым ядром и конкретной ситуацией, в которой функционируют представления. Периферическая система достаточно динамична и вариативна, что дает возможность подстраиваться под ситуацию. Это как бы защитный фильтр для центрального элемента, не позволяющий ситуативным процессам касаться наиболее значимого элемента представления. К. Фламан и М.-Л. Рукет уточняют, что количество элементов ядра всегда невелико по отношению к элементам периферии [162].

В русле структурного подхода важную роль имеет процесс трансформации социальных представлений [174]. Первый этап – зарождение представления. Он связан с появлением в обществе нового объекта, либо повышением социальной значимости уже известного. Продолжительность формирования представления зависит от множества факторов, среди которых доступность информации об объекте для группы, налаженность системы коммуникации, сложность самого объекта представления. На следующем этапе стабилизации укрепляется значение

ядра представления, оно начинает играть свою функцию и становится средством объяснения окружающего мира. Завершающий этап цикла изменений представления – трансформация. Здесь элементы ядра перемещаются в периферическую зону, а элементы периферии – в ядро. К. Фламент сформулировал общую модель динамики социальных представлений, включающую две ключевых переменных [161]. Первая из них - совместимость нового с имеющимся представлением. Вторая - это степень возможной обратимости нового опыта. Когда новые практики совместимы с центральным ядром, нет необходимости в трансформации. Если новый опыт не согласовывается с каким-либо из элементов периферической части, то запускается процесс активации изменений. Если новые практики воспринимаются как обратимые, то состояние активации является временным моментом, и никакой трансформации не происходит. Если, напротив, практика вводится на постоянной основе, то происходит трансформация ядра представления [159; 165; 166]. Для того чтобы определить, на каком этапе находится то или иное представление, разработана система эмпирических индикаторов для каждого уровня [174]. Контекстуальные индикаторы касаются истории объекта и интенсивности коммуникации по отношению к этому объекту. Количественные индикаторы демонстрируют согласованность мнений и позиций относительно объекта представления. Качественные индикаторы отражают различные процессы в дискурсе. Дж. Магни с коллегами представили обзор факторов трансформации представлений внутри группы [179]. К ним относятся влияние меньшинства и большинства, влияние власти и асимметрия в межгрупповых отношениях, в том числе влияние статуса.

Дж. Дювин предлагает три уровня изменения представлений [159]. Первый из них – социогенез. Это процесс, в ходе которого формируются представления на уровне больших и малых групп. Он затрагивает исторический контекст и не может быть рассмотрен вне временного анализа. Так, автор приводит в пример исследование С. Московиси о психоанализе. Оно было проведено в 50-х годах и описывало актуальное состояние социальных представлений. Повторное

проведение подобного исследования могло бы продемонстрировать процесс социогенеза. Второй уровень – онтогенез. Это процесс индивидуальной актуализации того или иного социального представления в ходе жизни человека и формирует его социальную идентичность. Последний уровень анализа динамики – микрогенез. На этом уровне рассматривается влияние контекстных межличностных отношений, единичных ситуаций, с которыми человек сталкивается ежедневно. Разрешая те или иные противоречия при социальном взаимодействии происходит координация различных точек зрения. Так происходит микрогенез социальных представлений.

Структурный подход оснащен блоком методов и методик для исследования социальных представлений. Они предполагают ряд следующих этапов: 1) выявление содержания представлений; 2) анализ структуры представлений; 3) проверка центральности элементов ядра представлений [19]. Для реализации первого этапа может быть применена прототипическая методика П. Вержеса, согласно которой полученные ассоциации анализируются с точки зрения частоты встречаемости ответа и его ранга [187]. Пересечение этих параметров образуем четыре области: ядро представления (высокая частота, низкий ранг) первая периферическая система (высокая частота, высокий ранг), вторая периферическая система (низкая частота, низкий ранг), периферическая система (низкая частота, высокий ранг). Таким образом, учитываются и количественные, и качественные показатели. Другая методика – «опросник характеристик» - предложена К. Фламаном [162]. Его основная задача – категоризовать ассоциативные ответы респондентов, которые с одной стороны в наименьшей степени описывают объект, а с другой – в наибольшей степени его характеризуют. Все остальные элементы не входят в структуру. Далее оценивается характер распределения ответов, в зависимости от которого формируется ядро представления. Для реализации второго этапа исследования К. Фламаном разработана методика выявления подобия. Её суть состоит в выявлении индекса подобия между элементами, что дает возможность проследить внутреннюю связь характеристик. Однако данная методика не может определить центральные элементы

представления. Здесь вступают в силу методики, необходимые для третьего этапа исследования. К ним относятся методика сомнений П. Молинер [174]. Она основывается на тезисе о том, что невозможно усомниться в центральных элементах, так как они являются символами самого представления. В основе данной методики лежит механизм двойного отрицания. Вначале необходимо поставить под сомнение элемент представления, далее отрицать узнавание объекта. Другой способ оценки ядра представления – методика базовых когнитивных схем К. Гумелли и М.-Л. Рукета [164]. В ней качественно оценивается характер связей, который определяется из пяти возможных схем. Респондентам предлагается объяснить, почему у них возникли данные ассоциации. Чем больше схем можно применить к анализу связи стимульного понятия и ассоциации, тем ближе к центральной системе относится элемент.

Помимо вышеперечисленных направлений в развитии теории социальных представлений выделяют также теоретические подходы к анализу взглядов С. Московиси. Эпистемологический подход британского профессора И. Марковой подчеркивает связь теории социальных представлений с другими научными теориями [172]. Теория социальных представлений включает в себя такие эпистемологические понятия, как темата, коммуникация, объективация, которые, в свою очередь, имеют отношение к сфере социальных изменений. Таким образом, можно найти связи теории с социокультурными теориями знания (Дж. Болдуин, Дж. Мид, Л.С. Выготский, С.Я. Рубинштейн). Однако автор разделяет эти два направления в зависимости от генезиса знания, употребляя понятия «когнитивная дифференциация» и «когнитивная глобализация». Первый процесс свойственен социокультурным теориям, он формирует рефлексивное мышление, оригинальные, индивидуальные формы знания, идущие вразрез с устоявшимися общественными суждениями. Социальные представления, напротив, ориентируются на автоматизированные, упрощенные формы мышления, идущие из самих общественных ограничений. Такой процесс И. Маркова называет «когнитивной глобализацией», который включает в себя анкеровку и объективацию. Говоря о методологическом вопросе, в русле данного

подхода предлагается анализировать представления как на осознанном, так и на неосознанном уровне мышления. Исследования И. Марковой с коллегами включающие как ассоциативные методики (на неосознанном уровне), так и интервью (осознанный уровень), показали высокий потенциал изучения социального мышления на различных когнитивных уровнях [173].

Австрийский ученый В. Вагнер подчеркивает конструкционистское содержание идей С. Московиси [188]. В. Вагнер останавливается на проблеме макросоциального уровня, стремясь отойти от привязки социального представления к индивидуальному сознанию. Он призывает разделять «представление» как социальный процесс, включенный в репрезентации, и «представления» в виде образов и метафор, то есть результат процесса. Следовательно, можно изучать как структуру конечного явления, так и динамику самого процесса представления. Социальные представления формируются внутри группы за счет возникновения дискурса об объекте представления там, где мнения людей не совпадают. Формирование представления начинается с символической разработки предмета, которая начинается на общественном уровне (происходит якорение), а затем продолжается в виде коллективного коупинга на уровне группы, где происходит выработка конкретных, материальных систем значений. Изучая представления о войне и мире в Испании и Никарагуа, Вагнер показал, что ядро представлений занимают преимущественно аффективные компоненты, а периферию – элементы, связанные с рассуждениями [188]. Кроме того, представления о войне в Испании не сформировано, что показывает значимость дискурса, ведь в стране давно не было войн, а значит, эта тема не выступала на первый план. Однако данное исследование имеет методологические противоречия. В. Вагнер с коллегами использовали структурный подход к анализу семантического поля ассоциаций, что является когнитивным анализом, и отдаленно относится к дискурсивной психологии. Т.П. Емельянова отмечает, что такие методологические проблемы могут быть связаны с поисковым характером мини-теорий, который возникают в рамках концепции социальных представлений [39].

Наконец, метатеоретический подход итальянской исследовательницы А.М. де Роса призван расширить возможности применения теории социальных представлений. Автор отмечает ряд проблем, с которыми сталкивается теория, а именно [153]:

1. Не всегда методический инструментарий адекватен для цели исследования. Чаще всего используются вопросники и интервью с последующим контент-анализом.
2. Не все компоненты социальных представлений были подвергнуты исследованию. Чаще всего анализируется структура мнений и взглядов, но проигнорированным остаются процессы передачи, генезиса и изменений представлений.
3. Процессы якорения и объективации выступают лишь как теоретические составляющие парадигмы.
4. Небольшое число исследований проведено на фактических институциональных группах. В подавляющем большинстве случаев в качестве респондентов выступают отдельные субъекты – представители той или иной социальной категории (например, мужчины и женщины, высокий и низкий социальный класс).
5. По большей части исследования проведены на группе взрослых, очень немногие изучали развитие социальных представлений у детей.

Данный анализ подвел де Роса к выводу, что социальные представления необходимо рассматривать на различных уровнях, и со стороны конструктивистского, и с точки зрения интеракционистского принципов. При этом для исключения методологической и методической путаницы исследователям необходимо определиться с двумя блоками анализа. Первый – теоретический, на котором происходит ориентация исследователя в многообразии подходов к изучению социальных представлений. Второй – тематический, в ходе которого он выбирает область исследования социальных представлений (например, его структура, процесс якорения, фазы изменения и т.д.).

Учитывая критические замечания А.М. де Рос, британские ученые М. Бауэр и Дж. Гаскелл сформулировали модель исследования социальных представлений, носящую название «Tablet» (от названия известного шоколада треугольной формы) [146]. Понимая термин «социальное представление», как пересечение индивидуального и социального, авторы включают в него три составляющих: субъект, или носитель представления; объект, который будет воспроизведен в конкретной ситуации или идеи; проект, или практически-прагматический контекст социальной группы. При этом «проекту» отводится главенствующее место, так как только в контексте социального взаимодействия происходит формирование значения. Таким образом, каждый «треугольник», обозначающий конкретное представление конкретного субъекта в конкретный момент времени накладывается друг на друга и демонстрирует эволюцию проектов во времени (рисунок 2).

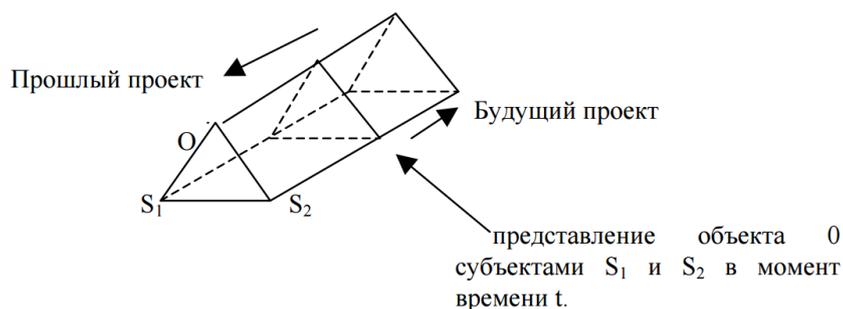

Рис. 2. Модель «Tablet» М. Бауэр, Дж. Гаскелл .

Однако позже Бауэр и Гаскелл дополнили свою модель [145]. В понятие «представление» помимо субъекта, объекта и проекта, они включили также время, социальную среду и межгрупповые связи. Тем самым авторы подчеркивают синтетический характер теории социальных представлений и её возможное применение в смежных науках: экономике, социологии, истории.

В данной модели представлено видение идеального теоретико-эмпирического изучения социальных представлений [146]. Первый пункт – изучение содержания представления, «здорового смысла», а не его формы. Следующий важный критерий идеального исследования – его проведение в «естественных» группах, а не в таксономических группах, объединенных по

какому-либо признаку (пол, возраст, уровень дохода и т.д.). Кроме того, авторы выделяют сильные и слабые формы групп. В сильных группах проявляется высокий уровень референтности и личностной значимости проекта, в слабых же проявляется лишь общая траектория видения проекта. Третье требование – мультимерный подход к анализу, то есть использование различных методов: интервью, наблюдение, опросы, анализ документов. Следует остановиться и на временном факторе. Новая парадигма призывает исследовать «жизненный цикл» социального представления с помощью лонгитюдного исследования. При этом наиболее перспективны работы, проведенные в обществе, в котором проявляется надлом, смена устоявшихся традиций. Наконец, Бауэр и Гаскелл отмечают значимость позиции самого исследователя. Он призван занять позицию стороннего наблюдателя. Однако, как отмечают сами авторы, данные требования вряд ли могут быть применены в полном виде в реальном исследовании.

В отечественной социальной психологии социальные представления изучались К.А. Абульхановой-Славской. Опираясь на научную школу С.Я. Рубинштейна, в которой личность воспринимается как «субъект жизни» [100], К.А. Абульханова-Славская говорит, что «предметом мышления личности является вся социальная действительность в совокупности феноменологических и сущностных характеристик (социальных процессов, событий, ситуаций, отношений и поведения людей, их личностей), а также её собственная жизнь» [2, С. 179]. Социальное мышление здесь выступает как «мышление личности о социальной действительности» [3, С. 195]. При сравнении понятия «социальное мышление» и теории социальных представлений выделяется ряд отличий [112]. Во-первых, социальные представления в подходе К.А. Абульхановой-Славской являются одной из процедур социального мышления, наряду с проблематизацией, интерпретацией и категоризацией, но не выступают как универсальный механизм социального познания. Во-вторых, отечественная школа обращена на исследование личности, её жизненной позиции, процесса индивидуализации, зрелости. Социальные представления здесь включены в момент личностного выбора, а так же обратного их влияние на процесс становления личности. В

концепции С. Московиси данный аспект не затрагивается, обсуждается вопрос соотношения общественного и индивидуального сознания. В третьих, концепция К.А. Абульхановой-Славской совместила в себе подход С. Московиси, Э. Дюркгейма, а так же концепцию архетипов К.Г. Юнга, что дает возможность изучения влияния как коллективных представлений, заложенных в бессознательном индивида, так и тех, которые идут от актуального общества. Наконец, последнее отличие заключается в том, что С. Московиси анализирует общество в целом, тогда как К.А. Абульханова-Славская предлагает дифференцировать общественную реальность и ту сферу социальной действительности, которую личность может охватить своим сознанием и деятельностью, что сужает поле исследования. Обзоры концепции социальных представлений выполнены такими отечественными учеными, как И.Б. Бовина А.И. Донцов, Е.П. Емельянова, Л.Г. Почебут, Е.В. Якимова [20; 35; 91; 141].

Таким образом, концепция социальных представлений С. Московиси имеет свое развитие и перспективные области исследований. Подводя итоги, Д. Жоделе выделяет несколько этапов формирования актуального положения теории [169]. Этап зарождения теории берет свое начало от выхода книги С. Московиси «Психоанализ. Его образ и его аудитория» в 1961 году. Далее следует этап распространения теории. В нем выделяется инкубационный период – период затишья, «блокада» концепции влиянием доминирующих парадигм в социальной психологии. Но с другой стороны в научном знании влияние различных направлений структурализма (в антропологии (К. Леви-Стросс), в лингвистике (Р.О. Якобсон), семиологии (А.Ж. Греймас), философии (П.-М. Фуко) и психоанализе (Ж. Лакан)) отвлекло интерес от индивидуальных психических процессов.

Во второй период, начиная с конца 60-х годов 20 века, во многих французских изданиях предложения С. Московиси были вновь замечены. Большинство из этих исследований психолого-социологического и социологического характера. В них внимание сосредоточено на различиях в образах, убеждениях и установках, связанных с социальными группами и

формами взаимодействия между индивидами и социальным миром. В то же время, возник поток экспериментальных исследований, акцентирующих свое внимание на системных и структурных свойствах представлений.

Третий период был инициирован конференцией, организованной в 1979 году в Европейской лаборатории социальной психологии в Париже. Во время сильного кризиса в социальной психологии, теория социальных представлений явилась в качестве одного из основных альтернативных тенденций к переосмыслению дисциплины. Этот период показал рост исследовательского интереса в Европе, особенно в Австрии, Англии, Германии, Италии и Испании. Тем не менее, под влиянием постмодернистской эпистемологической критики и развитием дискурсивных методов, формируются новые направления исследования в области социальных представлений, к примеру подход де Рос.

Четвертый период начинается в конце 80-х годов 20 века. Он ознаменован принятием концепции социальных представлений как эпистемиологических, так и структуралистических направлений науки.

Активное развитие теории социальных представлений в конце XX века создало обширное поле для различных эмпирических исследований социальных представлений. Но любой ли объект может стать объектом представления, то есть может быть изучен? На этот вопрос теория социальных представлений дает отрицательный ответ. Потенциальные объекты представлений должны обладать набором некоторых характеристик [18, С. 104]. Во-первых, это его социокогнитивная выпуклость. Объект должен обладать определенным уровнем абстракции, иметь возможность включать в себя ряд более узких понятий. При этом он должен активно использоваться в коммуникациях, быть референтным для группы, возможно, даже пугающим. Тем самым он должен провоцировать обсуждение данного понятия. Такого рода коммуникации могут происходить как на межличностном уровне неформального (семья, друзья, коллеги) и формального характера (публичные дебаты), так и на общественном уровне (СМИ, культура). Во-вторых, у группы должен быть опыт взаимодействия с потенциальным объектом, выражающийся в какой-либо деятельности с ним.

Современные эмпирические исследования социальных представлений, проводимых в России, можно условно разделить на следующие группы:

А) Изучение трансформации общественных структур и ее влияния на социальные представления. Здесь предполагается изучение больших социальных групп и общества в целом. Примером такого исследования может служить работа Т.П. Емельяновой, целью которой стало изучение социальных представлений в условиях трансформации российского общества [38]. В работе показано, что наряду с основными функциями социальных представлений, в условиях резких общественных изменений они «выполняют также функцию стабилизации эмоционального состояния через актуализацию нравственного модуса социального представления». Эмпирически установлены различия в компонентах социальных представления у субъектов с разным уровнем социальной фрустрированности (безработные, пенсионеры, интеллигенция, студенты). А.В. Шустова сформулировала модель становления социальных представлений о гражданском обществе [134]. Она включает в себя как исторический, так и социальный контекст, идеологию, научное знание, массовую и межличностную коммуникацию. При этом доказано, что различным возрастным группам соответствуют различные объяснительные конструкты социального представления. Динамика социальных представлений о русском народе в течение 20 лет исследована Л.Г. Почебут с коллегами [92]. Исследователями отмечены изменения представлений о русских в сторону индивидуализма и материальной ориентации, а также потери духовной направленности. Примером другой тематики подобных исследований выступает работа о трансформации гендерных представлений в обществе. В частности, эволюцию представлений о гендере в прессе изучала Ю.Е. Гусева [31]. Выделены два типа представлений: основные, то есть те, которые ярко проявляются в каждом из изучаемых периодов и промежуточные, которые выражены слабо. При этом промежуточные социальные представления характерны для периодов смены идеологии относительно феномена гендера. Данные исследования демонстрируют актуальность изучения

социальных представлений не только в рамках социальной психологии, но и политологии, культурологи, социологии.

Б) Кросскультурные исследования. Большой вклад теория социальных представлений вносит в развитие кросскультурных исследований, благодаря которым имеется возможность исследовать социальные представления в контексте коллективной памяти, изучить культурные компоненты и особенности социальных структур, вызывающие изменения в структуре обыденного знания. Е. Пащенко-де Превиль и Е. Дрозда-Сенковска выполнили сравнительный анализ социальных представлений об ответственности у французов и русских [85]. В данном исследовании подтверждена гипотеза структурного подхода о влиянии контекста на формирование и трансформацию представлений: социальные представления русских студентов об ответственности претерпели изменения в период с 1997 по 2005 год (в связи с глобальными изменениями в социальном контексте), в то время как представления французских студентов остались неизменными. Особенности социальных представлений о русских людях у чехов и американцев изучала А.С. Паттисон [84]. Выяснилось, что ведущий вклад в формирование структуры социальных представлений о другом народе вносит наличие или отсутствие чувства внутреннего комфорта в отношении травматических событий истории. Также социальные представления о русских меняются при трансформации мировоззрения респондентов (при эмиграции).

В) Изучение социальных представлений конкретных групп. Это наиболее расширенная группа исследований, чьи цели зависят от актуальности изучения представлений о том или ином объекте. В настоящее время большое количество данных прикладных исследований посвящено вопросу представлений о здоровье и болезни [14; 18; 38], профессиональной деятельности [42; 99; 129], политических отношениях [17; 65; 89; 131], статусе и успехе [123; 130], а также другим социальным феноменам.

Таким образом, концепция социальных представлений является актуальной методической базой, дающей возможность исследователям изучать социальные объекты внутри разноуровневой системы общественных отношений. На данный

момент теория социальных представлений имеет несколько подходов, однако для нас ведущим является структурный подход, который совмещает в себе как описание структуры социальных представлений, так и его динамики. Кроме того, структурный подход обладает расширенной методической базой, которая дает возможность проведения валидного эмпирического исследования.

Выбирая объект исследования социальных представлений, мы должны помнить о требованиях к нему, а именно о наличии социокогнитивной выпуклости: возможности включать в себя ряд более узких понятий, активное использование данного объекта в коммуникациях, а также высокой степени референтности для изучаемой группы. К таким объектам, безусловно, относятся первоосновные понятия: «жизнь», «смерть», «любовь», «счастье», «красота» и другие. Однако некоторые понятия, не являющиеся основой бытия, тем не менее, прочно входят в структуру нашего сознания благодаря длительному историческому и культурному формированию. К одним из них относится понятие «гендер», которое представляет собой социокультурный феномен. Подробнее на его описании мы остановимся в следующем параграфе.

1.2.2. Изучение социальных представлений о статусе в социальной психологии

Количество исследований, посвященных изучению непосредственно представлений о статусе в обществе крайне невелико. Остановимся на тех из них, которые наиболее близки к интересующей нас теме.

Целью работы С.В. Федотовой стал анализ феномена социального статуса [122]. Полученные элементы социального представления автор разделяет на две группы: характеристики, описывающие различные уровни социальных отношений и формальные показатели, отражающие положение человека в обществе. Данные представления имеют четкую структуру, в которой выделяются ключевые категории, относящиеся либо к сфере непосредственных межличностных контактов, либо к объективным показателям активности и достижений человека, а также элементы, отражающие внешние проявления

статуса, различные характеристики личности, наконец, оценку обществом самих позиций статуса и его атрибутов. Ядро представлений содержит категории «положение», «общество», «богатство». Наиболее высокочастотная категория в образе представителя среднего статуса описывает его типичность с помощью понятий «средний, серый, обычный». Низкий же статус ассоциируется с элементами «пассивность» и «слабость», при этом данный человек отличается «безынициативностью», «депрессивностью», он «ленивый» и «неуверенный в себе». На основании анализа социальных представлений обо всех трех статусных категориях С.В. Федотова делает вывод о том, что существуют общие категории для описания разделения статусных отношений: ««деньги, богатство», «образование», «семья, семейное положение» и «работа, карьера». При этом такие категории, как пол, возраст и самооценка респондента по показателям успешности, образованности, карьеры и др. не имеют влияния на восприятие социального статуса человека. Кроме того, в данном исследовании значительный упор сделан на изучение вопроса восприятия статуса незнакомого человека. В рамках этой задачи описана схема восприятия социального статуса индивида, где первостепенное место занимают невербальные признаки.

Несмотря на несомненную значимость данного исследования для развития изучения представлений о статусе, отметим ряд противоречий и методических неточностей, встречающихся в работе С.Ф. Федотовой. Во-первых, выборка исследования, несмотря на её описание как монохромной структуры, включающая респондентов от 18 до 30 лет, при дальнейшем анализе подвергается дроблению на неутонченные группы, при этом делается вывод о том, что возраст респондента не является ведущим фактором в восприятии статуса. При этом три блока исследования были проведены на различных по составу группах, что не позволяет сформировать единую картину и сопоставить полученные данные. Во-вторых, анализ представлений о типичном представителе высокого, среднего и низкого статуса строится лишь на данных частотного анализа проявления тех или иных категорий ассоциаций, что не позволяет сделать окончательный вывод о структуре представления. Автор также говорит о невысокой значимости фактора

социального положения индивида на его представления о статусе, хотя данная переменная была оценена респондентами субъективно. На наш взгляд, в рамках социально-психологического исследования любопытно было бы изучить связь не только социального положения индивид в обществе по его субъективным представлениям, но учитывать объективное положение индивида в структуре межличностных отношений в референтной для него группе. Обнаруженные противоречия, несомненно, диктуют необходимость более глубинного изучения восприятия феномена статуса в общественном сознании для уточнения и объяснения эмпирических данных.

К обсуждаемой проблематике относятся исследования не только социальных представлений о статусе, но и о смежных категориях, которые, так или иначе, относятся к иерархичности положения в обществе. Таковым является понятие «успех», ведь в одном из определений данного понятия он описывается как «достижение поставленных целей в жизни, имеющих значение для общества и группы, которые обеспечивают определенный уровень положения, положительного отношения со стороны окружающих и личное удовлетворение» [64, С. 32]. Именно поэтому мы рассматриваем данную категорию, как приближенную к статусным характеристикам. Р.М. Шамионов и А.Р. Тугушева в своей работе определили ядерную структуру представления об успехе [130]. По мнению психологов, она состоит из умения общаться, знания норм этикета, уверенности в собственных силах, значимости и ценности доверия, профессионального мастерства, возможности максимально раскрыть и проявить себя, умения переживать за окружающих и ощущать полноту сил и энергии. Л.И. Дементий и О.П. Нечепоренко также поясняют особенности социальных представлений об успехе [33]. Они выделили две основные группы ассоциаций, встречающихся при оценке успешности: внешние признаки успешного человека и личностные особенности успешного человека. Авторы выявили, что социальные представления лиц с различным социальным статусом (преподаватели и работники министерства) имеют отличия. Лица с высоким социальным статусом основываются на внутренних, личностно-ориентированных характеристиках

успеха и описывают успешного человека как целеустремленного, ответственного, доброжелательного, уверенного в себе, со стремлением преодолевать трудности. Менее статусные респонденты отмечают внешние, социально-признанные показатели успеха: материальная обеспеченность, счастливая семья, внешняя привлекательность, уважение со стороны других. Другое исследование Л.И. Дементий и О.П. Нечепоренко было направлено на изучение представлений о неуспешности [34]. Авторы обнаружили, россияне понятие неуспеха чаще всего связывают с профессиональной сферой. Показаны также различия в описании неуспешного человека представителями различных статусных групп. Для низкостатусных респондентов (безработных, стоящих на учете в службе занятости) прототипом неуспешного человека является неактивный, безынициативный человек с пассивной жизненной позицией. Для респондентов с устоявшимся высоким социальным статусом (имеющих постоянное место работы, достаточно высокий оклад и руководящую должность) прототипом неуспешного человека выступает инфантильный, личностно незрелый образ, обладающий характеристиками легкомыслия, избалованности, невоспитанности и эгоизма.

Гендерный компонент социальных представлений студентов об успехе изучила Н.И. Нефедова [78]. Она установила, что юноши видят в образе успешного человека богатого и счастливого мужчину. При этом ведущий способ достижения успеха для мужчин – отождествление себя с отцом, приобретение маскулинных качеств и увеличение разницы между своими и фемининными чертами. Девушки, напротив, в образе успешного человека видят высокостатусную богатую и счастливую женщину, олицетворяя её с матерью, но не похожую на них самих.

Категория «лидерство» также была изучена с точки зрения теории социальных представлений. В исследовании Л.Г. Почебут и Е.Н. Газогареевой выявлено, что для большинства респондентов важно, чтобы лидер был активным, смелым, уверенным и решительным [90]. Высоко также были оценены коммуникативные качества. Выявлен гендерный аспект социальных представлений о неформальном лидере: женщины хотели бы видеть человека,

обладающего эмоциональной отзывчивостью (эмпатией), а мужчины ожидают лидера с инструментальной направленностью, быстро решающего поставленные задачи. В работе Е.В. Селезневой и О.Б. Долотовой о представлениях студентов о качествах и поведении лидера показано, что наиболее характерными факторами являются стремление к превосходству, проницательность, умение сохранять свою репутацию, добиваться взаимопонимания, собранность и справедливость [107]. При этом наименее характерными качествами стали зазнайство, трата времени и умалчивание о сути дела. Дополнить данное исследование может работа А.В. Солимчук, в которой также был выявлен гендерный аспект представлений о неформальном лидере группы. В нем актуализировался лингвистический аспект понятия «лидер», который стал равен понятию «мужской пол», а также были выявлены маскулинные лидерские качества, такие как «сильный физически», «готовый идти на риск» [113].

1.3. Гендерные представления как область исследований в социальной психологии

Гендерные исследования направлены на изучение взаимодействия мужчин и женщин как на уровне общества, так и в малых социальных группах. Гендерный подход применим и при изучении социальных представлений. Ж. Дювен, занимающийся данной проблематикой, обосновывает значимость развития гендерных исследований. Он говорит, что понимание гендерных различий и трансформация взглядов на них имеет первостепенное значение при формировании идентичности человека [158]. Действительно, как в историческом, так и в онтологическом понимании, гендерная социализация является одной из первых форм, с которой встречается человек. В историческом контексте половое разделение труда датируется еще каменным веком [54]. Неудивительно, что за столько долгое развитие полового неравенства каждая культура выработала свое понимание образа мужчины и женщины. Поэтому ребенок, рождаясь, сразу же погружается в мир, обусловленный гендером. Как отмечает О. Серрано «благодаря гендерным социальным представлениям социальные субъекты

упорядочиваются, чтобы объяснить реальность и позиционировать себя в социальном мире» [182, С. 68].

1.3.1. Социально-психологические подходы к определению понятия «гендер»

Главная проблема, которая получила отражение в российских работах, посвященных гендеру – это вопрос о методологии и методике. Как отмечает Т.В. Барчунова, «гендерное сообщество оказалось в ситуации мультипарадигмального дискурса. Для того чтобы сориентироваться в этом дискурсе, потребуется достаточное время и развитие собственных аналитических инструментов» [8, С. 185]. Данная проблема появилась в связи с тем, что гендерная психология как отдельная область оформилась в России только к середине 90-х годов, в отличие от Запада, где та развивалась с середины XX века [9]. Таким образом, возник большой разрыв между отечественными и западными методологическими основаниями гендерных исследований. Поэтому так часто в отечественных работах встречается «псевдогендерный подход»: использование понятия «гендер» как синоним терминов «пол» или «социополовая роль». Такой биологический детерминизм обуславливает деление выборки на подгруппы «мужчин» и «женщин» с их последующим сравнением. Критики данного подхода: О. Воронина, Л.Г. Степанова, Д.В. Воронцов и другие считают, что такое широкое понимание термина ведет к смешению подходов и наук и не дает развиваться гендерной психологии как самостоятельной области исследования.

Вслед за Д.В. Воронцовым, мы понимаем гендер, как «многогранную систему отношений, возникающую и существующую в процессе общения и социального взаимодействия в определенном социокультурном пространстве» [27, С. 24]. Такой подход к определению понятия дает возможность рассмотреть заявленный феномен во всем многообразии отношений, возникающих в социуме.

В связи с пониманием гендера как социокультурного феномена, необходимо рассмотреть место и специфику гендерных исследований в русле социально-психологического знания.

В 1987 году К. Уэст и Д. Зиммерман опубликовали статью под названием «Создавая гендер», в которой подробно описаны различия между понятиями «пол» и «гендер» [128]. Они отмечают, что гендер – это социально достигаемый статус. Процесс формирования гендера включает в себя комплекс социально - ориентированных перцептивных и интерактивных условий, которые требуют выражения мужской и женской «природы» в социуме. Однако данный процесс не является самоцелью взаимодействия, он как бы встроен в социальные ситуации, является как результатом, так и обоснованием различных социальных механизмов, происходящих в группах. Создание гендера придает социальным отношениям статус «нормальности», основываясь на категоризации по гендерному признаку. Поэтому, когда мы рассматриваем гендер как нечто достигаемое, то нам необходимо сфокусироваться на социальных институтах, внутри которых происходит данное формирование. В своей работе Д. Лорбер и С. Фаррелл также отмечают, что гендер является социально достигаемым статусом [71]. Не существует общества гомогенного по гендерному признаку и, несмотря на то, что отличия между мальчиками и девочками с самого рождения не столько существенны, общество накладывает «табу на подобие» в данной сфере.

Социализация является процессом усвоения и воспроизведения культурного опыта на протяжении всей жизни. Она осуществляется в общении и деятельности и под влиянием большого количества факторов. А.В. Мудрик разделяет факторы социализации на 4 группы: мегафакторы (космос, планета и др.), макрофакторы (страна, этнос, государство и др.), мезофакторы (место поселения, принадлежность к субкультурам, СМИ и др.) и микрофакторы - факторы, непосредственно влияющие на отдельных людей [75]. В различном возрасте каждый из факторов влияет в большей или меньшей мере. Но первичным, на наш взгляд, остаются микрофакторы. К таким агентам социализации относятся семья, детские игрушки, образовательные учреждения, группа сверстников. Немаловажным сейчас является влияние СМИ. Одно из ключевых образований, которое формируется в процессе социализации, является идентичность. Согласно взглядом Э. Эриксона, который впервые детально описал понятие идентичности,

она является центральным звеном в процессе развития личности [138]. Э. Эриксон выделял два вида идентичности: эго – идентичность, то есть ощущение индивидом собственной неповторимости и уникальности его жизненного опыта, которые определяют тождественность самому себе, и социальную идентичность – личностный конструкт, который отражает внутренний консенсус индивида с социальными, групповыми идеалами и нормами. Гендерная идентичность является частью социальной идентичности. Понятие гендерной идентичности для описания внутреннего состояния личности первым использовал Дж. Мани. Дж. Мани и А. Эрхард определяют гендерную идентичность как «тождественность, единство и неизменность индивидуальности человека как мужской, женской или амбивалентной» [115, С. 218]. Более полное и многогранное определение, на наш взгляд, дал В.Е. Каган: «это аспект самосознания, представленный многоуровневой системой соотнесения личности с телесными, психофизиологическими, психологическими и социо-культурными значениями маскулинности и фемининности как независимых измерений» [52, С. 90].

В структуре гендерной идентичности выделяют три уровня. Первый – базовая идентичность – соотнесение личности с альтернативными представлениями о маскулинности-фемининности. Второй – ролевая идентичность – соотнесение поведения и переживаний личности с существующими в данной культуре гендерными стереотипами. Третий – персональная идентичность – она объединяет два предыдущих уровня и заключается в соотнесении личности с маскулинностью и фемининностью в контексте индивидуального опыта межличностного общения.

Важным вопросом в определении гендерной идентичности является разделение её с такими понятиями, как полоролевая и половая идентичность. Л.Г. Степанова предлагает следующую схему, демонстрирующую структуру взаимодействия данных идентичностей (рисунок 3).

Несмотря на различия вышеперечисленных понятий, у них есть и обобщающая черта – категория «маскулинность/фемининность», которая является маркером мужской или женской идентичности.

Структура гендерной идентичности представляет собой три компонента: когнитивный, аффективный и поведенческий [46]. Когнитивный компонент проявляется в выборе и принятии определенного пола и описание себя с помощью культурно закрепленных категорий «мужественность» и «женственность». Аффективный (оценочный) компонент предполагает оценку психологических черт и особенностей ролевого поведения на основе их соотнесения с стереотипными моделями маскулинности/фемининности. Поведенческий компонент - это самопрезентация себя как представителя гендерной группы, то есть включение моделей поведения, соответствующих представлениям человека о «маскулинности» и «фемининности».

Рис. 3. Соотношение половой, полоролевой и гендерной идентичности
(по Л.Г. Степановой)

Механизмы формирования гендерной идентичности рассматриваются в различных психологических теориях: ортодоксальном психоанализе З. Фрейда

(формирование гендерной идентичности в результате взаимодействия с родителями и идентификации с ними), феминистском психоанализе Н. Чодороу (половое разделение труда в семье определяет формирование гендерной идентичности), теории социального научения (на развитие гендерной идентификации влияют два процесса – дифференциальное усиление, то есть вознаграждение за поведение, соответствующее полу, и дифференциальное подражание – наказание за несоответствующее поведение), в когнитивном направлении (Л. Корберг считал, что в сознании человека существуют гендерные схемы, которые руководят процессом обработки информации и именно в них хранится вся то, что человек знает о гендере).

В рамках данной работы нас интересуют теории, которые в качестве главного фактора в формировании гендерной идентичности выделяли социальные ожидания общества. К этому направлению можно отнести три теории, которые опровергали положения традиционных представлений (психоанализа, социального бихевиоризма, когнитивизма). К ним относятся: работы Е. Маккоби и К. Джеклин; исследования Дж. Мани и А. Эрхарда; концепция С. Бем.

«Вплоть до 70-х гг. проявления «маскулинных» черт у женщин и «фемининных» черт у мужчин были для психологов источником беспокойства», отмечает Ш. Берн [15]. С. Бем в этом плане произвела революцию. Она впервые выделила такую характеристику личности, как андрогинию – сочетание в индивиде как женских, так и мужских качеств. Она считала, что маскулинность и фемининность не противопоставлены, а могут дополнять друг друга. В своих исследованиях С. Бем пришла к выводу, что андрогиния позволяет человеку варьировать поведение в зависимости от ситуации, помогает формированию устойчивости к стрессу, способствует достижению успеха в различных сферах. Эти данные были подтверждены многочисленными исследованиями, в том числе отечественных авторов. Исследования Б.М. Ворник и Т.В. Говорун (1996) показали, что традиционные стереотипы, разграничивающие мужественность и женственность, затрудняют достижение межличностной гармонии и снижают самооценку во всех сферах жизни [52, С. 123]. Данные исследования

Н.А. Шуховой свидетельствуют о том, что наличие у женщин качеств «авторитарной маскулинности» (агрессивность, жестокость, стремление к превосходству) снижают качество адаптации и внутреннего благополучия [52, С. 124].

Несмотря на большую популярность и в наши дни, теория андрогинии подверглась жесткой критике даже со стороны её собственных авторов. «Концепция андрогинии воспроизводит - и тем самым материализует - ту самую гендерную поляризацию, которую она пыталась ослабить. Как это происходит? За счет придания маскулинности и фемининности характера концептуальных данностей» [10, С. 176], - пишет С. Бем – ведь сконструированный андрогинный тип сочетает в себе стереотипные характеристики «мужских» и «женских» качеств. В настоящее время проводится много исследований, в основе которых лежит теория андрогинии. Как отмечает О.И. Ключко, «...особенность гендерных исследований в России – широкое использование признанных и авторитетных, но уже несколько устаревших теорий. Яркий пример таковых – концепция андрогинии С. Бем» [49, С. 175]. Теоретическая и практическая значимость таких исследований подвергается сомнению, т.к. в них качественно не интерпретируются полученные данные о степени маскулинности, фемининности или андрогинности, представлены лишь количественные описания. Но существуют и плюсы это теории: «она дает осознать одинаковую привлекательность качеств, традиционно считающихся женскими, и качеств, которые мы привыкли считать мужскими. Это особенно важно в свете того, что мужские качества до настоящего времени стараются представить более нормативными и желательными» [15, С. 36].

Перейдем к рассмотрению взглядов С. Бем на понимание гендерной идентичности. В 1977 году она разработала теорию гендерных схем [11]. Поддерживая взгляды психологов когнитивного направления, С. Бем определяет гендерную схему как «сеть ассоциаций сцепленных с полом, которая организует обработку информации» [10, С. 315]. Таким образом, процесс усвоения гендерной схемы – это процесс усвоения качеств, связанных с полом. Далее ребенок

отбирает только те характеристики, которые он может отнести к своему полу, при этом он может их по-разному компоновать. Именно из-за этого некоторые люди демонстрируют гендерную схематичность, соответствуя типичным моделям поведения, а другие, напротив, создают свои индивидуальные гендерные схемы. Современные авторы используют понятие «гендерно – типизированное поведение», которое заключается в соответствии принятым в культуре и усвоенным индивидом в процессе социализации закрепленным за *полом* ролям и моделям поведения, т.е. схематизированным конструктам [15; 27; 147; 167; 183]. Такая гендерная идентичность строится на стереотипных, устоявшихся в обществе представлениях.

С. Бем в своих работах показала, что биологические характеристики, такие как пол, зависят от исторического и культурного контекста. Здесь гендер не сводится только лишь к определенным ролям, предписанных полу обществом, он проявляется в культуре общения, в распределении власти, в системе ценностей и во многом другом. Отсюда возникает следующее понятие, введенное С. Бем – «линза гендера». В связи с тем, что гендерные особенности проявляются во всех сферах нашей жизни, реальность и схема оказываются неразрывно слитыми, что приводит к восприятию гендера не в качестве социального образования, а «естественного». Таким образом, в отличие от схемы, которая отражает реальность, «линза» *задает* виденье этой реальности. С. Бем описала три вида подобных «линз»:

1. андроцентризм, с помощью которого мужчина и мужское поведение воспринимается как норма, в то время как женщина и женское поведение – как девиация;

2. гендерная поляризация, которая увеличивает разрыв между действительно существующими психологическими различиями между мужчинами и женщинами, при этом скрывая социальное происхождение этих различий и фиксируя их в материальных вещах (стиль одежды, способы выражения эмоций и сексуального желания);

3. биологический эссенциализм, который объясняет предыдущие линзы через понимание их как неизбежного продолжения внутренней биологической природы мужчины и женщины.

Гендерные линзы прочно встроены в культуру и общество. Они усваиваются ребенком в процессе его развития, а когда они усвоены, то предрасполагают ребенка формировать свою идентичность в соответствии с линзами. С.Бем отмечает: «Андроцентричные и гендерно - поляризующие социальные традиции так четко очерчивают границы ролей мужчин и женщин, что оставляют мало возможностей индивидуального выбора в вопросе: каким(ой) же надо быть, чтобы чувствовать себя мужчиной или женщиной...линзы подготавливают заранее predetermined социальные стратегии жизнедеятельности и поведения, которые кажутся настолько нормальными и естественными, что какие-то иные жизненные направления даже не приходят в голову» [10, С. 211].

Идеи С. Бем представляются нам интересными и наиболее значимыми, т.к. они совмещают в себе представления нескольких теорий, которые дополняются важными замечаниями. Как и в теории когнитивного развития, теория гендерной схемы описывает процесс формирования гендерной идентичности с помощью когнитивных процессов. Но, при этом явления гендерной схематизации реализовываются на основе социальной практики различения явлений по половому признаку. Таким образом, теория гендерной схемы, как и теория социального научения, исходит от того факта, что гендерная типизация является результатом научения. В теории С. Бем большое значение уделяется не только нормам, принятым в обществе, но и влиянию культуры, что также имеет значение не только на формирование представлений о своем поле, но и на формирование Я-образа.

О роли культуры в формировании гендерной идентичности говорил и отечественный ученый И.С. Кон. Противопоставление «мужского» и «женского» – это одна из бинарных оппозиций, «сложившихся в ходе антропогенеза и генетически закрепленных свойств человеческой психики» [56, С. 211]. Образы

маскулинности и фемининности в разных культурах отличаются разной степенью сложности, детализированности и значимости. При этом гендерной идентичности в разных культурах придается разное значение. Кроме того, автор отмечал, что роль родителей в формирование гендерной идентичности преувеличена. Исследования показывают, что однополые группы среднего детства влияют на становление гендерной идентичности намного сильнее, чем родители. В подростковом возрасте, по мнению И.С. Кона, традиционные институты социализации имеют серьёзную конкуренцию со стороны СМИ и внешкольных учреждений, т.к. они расширяют диапазон и интересы учащихся.

Исследователи Н.К. Радина и А.А. Никитина считают, что общество и культура влияют на формирование гендерных представлений. В своей работе по изучению мужской идентичности авторы отмечают, что «в постиндустриальном обществе вследствие социально – экономических перемен мужчина по-настоящему освобождается от норм традиционной мужской культуры, традиционная мужественность раскалывается», мужчины позволяют себе быть разными, разделять разные нормы и ценности» [95, С. 49]. Разделяя концепцию «гендерных линз» С. Бэм, Н.К. Радина и А.А. Никитина разработали опросник «Изучение развития мужской идентичности». Исследователи выделяют 7 вариантов её развития и три больших типа [95]. К патриархальному типу относятся гегемонная мужская идентичность (отражает суть мужского превосходства в обществе), «компенсаторная» идентичность (основан на доминировании над женщинами, но при этом сам мужчина не является активным носителем установок на соблюдение «норм мужественности») и «мягкая» патриархальная идентичность (патриархально ориентированы, но установка на соблюдение «норм мужественности» едва выражена). Альтернативные типы не признают гендерной дискриминации. «Метросексуальный» вариант более центрирован на себе, «эгалитарный» признает женскую гендерную группу – как равноценную. Гибридный тип, к которым относятся «А гегемонно – метросексуальный» и «Б гегемонно – метросексуальный (нерискованный)» является промежуточным между патриархальным и альтернативным и включает в

себя ориентацию как на те, так и на другие роли. Данный опросник является единственным современным российским инструментом для диагностики мужской гендерной идентичности.

Обобщая все теории развития гендерной идентичности и реализации гендерных ролей, можно выделить три основных модели. Первая и наиболее простейшая – это биполярная модель. В ней маскулинность и фемининность являются взаимоисключающими категориями: высокая маскулинность обязательно должна коррелировать с низкой фемининностью. Гендер здесь рассматривается как дихотомия «мужское» и «женское». Основой такой детерминации являются преимущественно биологические факторы. Теории в рамках данной модели не подразумевают изменений гендерных характеристик во времени. Отхождение от нормы маскулинности и фемининности рассматривается как шаг к патологии. Промежуточной моделью является андрогинная модель гендерной идентичности, в соответствии с которой в маскулинной идентичности мужчин могут присутствовать и фемининные характеристики, а фемининная идентичность может включать в себя маскулинные черты. Третья концепция – это мультиполярная модель. В ней гендерная идентичность рассматривается как более сложноорганизованный конструкт, включающий не только свойства маскулинности и фемининности, но и гендерные представления, стереотипы, интересы, установки. Все это компоненты имеют сложную взаимосвязь между собой, причем не очень жесткую. Главенствующая роль в формировании гендера в данных теориях предоставляется социокультурным факторам. Гендерная идентичность рассматривается не как монолитная структура, а как подвижное образование, элементы которой могут меняться, выстраивать различные связи и иметь различную выраженность. Следование жестким эталонам маскулинности и фемининности в мультиполярном подходе признано неэффективным и не способствует психологической адаптации индивида. Таким образом, именно мультиполярная модель поддерживает формирование гибкого поведения по отношению к гендерным характеристикам.

Мультиполярный подход нашел свое отражение в социально-психологическом знании. Немецкие исследователи Т. Экес и Г. Траутнер указывают на то, что до сих пор в социальной психологии отсутствует целостный подход к пониманию гендера [185]. Опираясь на взгляды других ученых (A.S. Huston, 1983; D.M. Ruble, C.L. Martin, 1998), они создали трехмерную модель (матрицу), которая формирует основания для изучения гендера с социально – психологической точки зрения (рисунок 4). Каждая ячейка этой матрицы относится к определенной проблеме исследования, которая возникает на пересечении предметной области с особой категорией и уровнем анализа.

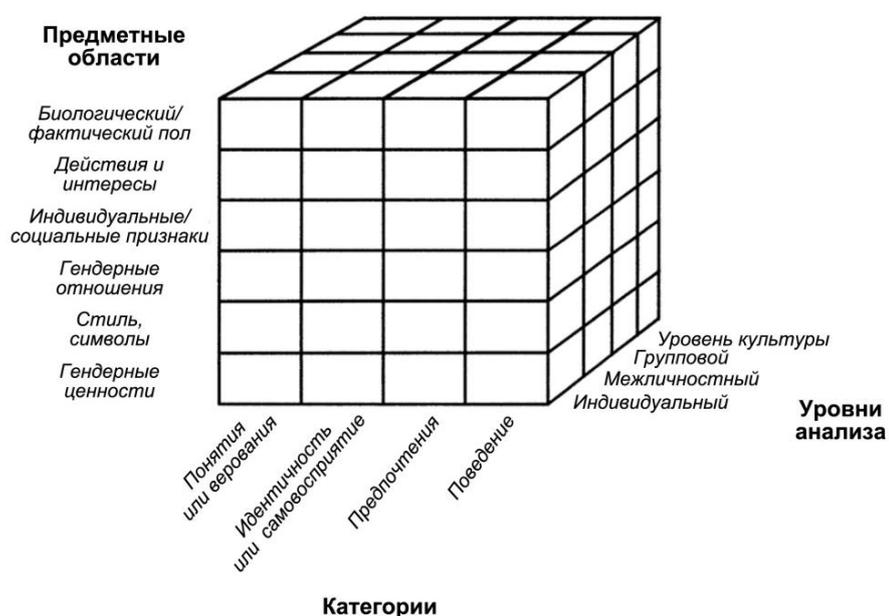

Рис. 4. Матрица гендерных исследований (по Т. Eckes, Н.М. Trautner)

Приведем краткую характеристику каждой из предметных областей:

1. Биологический/фактический пол: биологические признаки (например, гонадальные, гормональные, или морфологические различия), физические и существенные признаки, у которых не должно быть точного биологического основания (например, одежда или прическа).
2. Действия и интересы: игрушки, деятельности в свободное от работы время, занятия и работа, домашние роли, задачи.
3. Индивидуальные/социальные признаки: черты индивидуальности, социальное поведение и компетенции.

4. Гендерные отношения: те люди, которые оказывают влияние на гендерную идентификацию – друзья, любимые, родители и др.

5. Стили и символы: невербальное поведения (например, выражения лица, жесты, положения тела и движения), речевые образцы (например, темп, подача), фантазия.

6. Гендерные ценности: оценки сексуальных категорий, мужских и женских признаков, отношение к гендерной роли, фаворитизм внутри гендерной группы.

Данная матрица демонстрирует большой набор научных вопросов, возникающих на пересечении различных областей социальной психологии. Некоторые из этих вопросов уже начали изучаться, в то время как другие все еще ожидают внимания со стороны исследователей. Авторы данной модели считают, что пока не будет заполнена каждая клетка матрицы, развитие социально-психологических исследований по гендерным вопросам не будет закончено.

Большой вклад в развитие гендерной психологии как области социальной психологии внесла И.С. Клецина. Она является разработчиком нового направления, а именно психологии гендерных отношений. По её определению, психология гендерных отношений – «это прикладная отрасль социальной психологии, изучающая закономерности дифференциации и иерархичности отношений в сфере межполового взаимодействия» [111, С. 68]. В теоретическом плане И.С. Клецина основывается на социально-конструкционистском подходе К. Гергена, который во многих своих идеях пересекается с теорией социальных представлений С. Московиси [6; 132; 141]. К. Герген отмечал, что термины, с помощью которых люди объясняют окружающую реальность с себя самих, представляют собой социальные артефакты, как продукты исторического и культурного взаимодействия между членами обществ. Поэтому, знания о социальном поведении не есть продукт неизменный и конечный, а процесс пересмотра и интерпретации в зависимости от меняющегося социокультурного контекста.

И.С. Клецина выделяет три основные особенности гендерных отношений [47]. Во-первых, различные виды отношений проявляют определенные социально-психологические характеристики, такие как социальные представления, стереотипы, установки и социальная идентичность личности. На основании данного факта складывается модель построения гендерных отношений, которая состоит из четырех уровней социо – психологической реальности:

1. Макроуровень. На этом уровне рассматриваются общественные отношения между такими большими группами как «мужчины/женщины» и «государство/общество». Гендерная характеристика на этом уровне – гендерные представления. Особенности этих определяются социально-экономическими, политическими и культурными условиями развития общества. Одним из важных понятий является «гендерная ролевая идеология» - это система взглядов на то, как должны вести себя мужчины и женщины в конкретном обществе, т.е. представлений о социальных ролях мужчин и женщин как членов общества, а также их социальном статусе.

2. Мезоуровень. Здесь рассматриваются межгрупповые отношения сквозь призму гендерных стереотипов. Отношения формируются под влиянием зафиксированных в сознании субъектов обобщенных образов мужчин и женщин.

3. Микроуровень. Здесь протекают отношения типа «личность – личность», а детерминирующей характеристикой выступают гендерные установки – готовность вести себя определенным образом в той или иной роли, в соответствии со своим полом. Специфика проявлений гендерных отношений со стороны каждого из участников проявляется в характере распределения ролей и власти, т.е. проявляется феномен полоролевой дифференциации.

4. Внутриличностный уровень. Он связан с осознанием маскулинности и фемининности как социокультурных конструктов – т.е. с принятием гендерной идентичности. Анализируется самоотношение индивида как представителя гендерной группы.

Во вторых, сконструированные гендерные отношения могут быть деконструированы, изменены. Отмечается, что перестройка гендерных

отношений должна стремиться в сторону «партнерской модели взаимодействия» [47, с.126]. То есть главное – согласование позиций и мнений между партнерами, выравнивание статусных отношений за счет изменения ряда непродуктивных гендерных представлений, стереотипов и установок.

Третья черта гендерных отношений – специфические основания их конструирования. К ним относятся поляризация, дифференциация позиций мужчин и женщин как двух гендерных групп, явления власти, доминирования и подчинения. На основании этого выделяются два направления анализа гендерных отношений: горизонтальный, где основной параметр – дифференциация ролей и статусов мужчин и женщин, и вертикальный, характеризующийся иерархичностью позиций мужчин и женщин. При этом при анализе должна учитываться как объективная, так и субъективная сторона отношений.

Такой подход также демонстрирует большую предметную область гендерных исследований. В нем гендерные представления, стереотипы, установки и идентичность личности выполняют конструирующую роль в организации разноуровневых отношений.

Обобщая понимание гендера в социальной психологии, можно определить специфику гендерных исследований в рамках данной области науки – это изучение гендера как системы отношений, характеризующего характер и качество общения и социального взаимодействия людей, а так же восприятие себя и других в рамках данных отношений.

1.3.2. Гендерные представления как общественная категория

Гендерные представления – это «сеть понятий, взглядов, утверждений и объяснений о социальном статусе и положении в обществе мужчин и женщин» [47, С. 188]. И.С. Клецина подчеркивает связь социальных и гендерных представлений. Их главная цель – ориентация поведения мужчин и женщин в системе социальных отношений «группа мужчин или женщин» – «общество».

Гендерные представления существуют и на высших уровнях культуры (религия, философия), так и в обыденном сознании людей. К примеру, российская

ментальность описывается как жертвенная, душевная. Символ русскости – это женщина (Россия – матушка, Родина – мать) [101]. Таким образом, традиционно-культурный идеал женщины в России – душевная, скромная, бескорыстная и самоотверженная женщина. Западная культура, напротив, базируется на мужских образах («истинный англичанин» и т.д.), что ведет за собой принцип индивидуализма и маскулинизации социальных ролей [52].

И.С. Клецина отмечает, что гендерные представления в себе содержат следующие характеристики: наличие образов («настоящий мужчина», «настоящая женщина»), связь с культурными символами (половой символизм), способность конструировать поведение мужчин и женщин через нормативные образцы, тесная связь с языком и культурой. Из этих характеристик вытекают и функции гендерных представлений. Они помогают индивиду осмыслить свою позицию по отношению к диктуемым социумом нормам поведения мужчин и, женщин, избрать свой стиль взаимодействия и уточнить ориентиры жизненного пути на основе принятого способа исполнения гендерной роли [47].

На формирование гендерных представлений оказывает влияние господствующая гендерная идеология в сфере межполовых отношений. Исходя из этого, выделяют группу традиционно-патриархальных гендерных представлений и эгалитарные гендерные представления [47]. Патриархат определяют как «социальный институт, в котором мужчины силой или убеждением «опускают» женщину на «вторичное» (после себя) место в обществе, заставляя их поверить, что такое положение отражает естественное состояние, так как в существующем мире «женское» всегда подчинено «мужскому» [24, С. 40]. В традиционно-патриархальных гендерных представлениях отправной точкой является идея о том, что разделение мужских и женских ролей заложены в природе, являются основанием мироустройства. Нарушение данных порядков может привести к сбою функционирования всего общества. Таким образом, женщина в данном контексте воспринимается как мать, хозяйка дома, хранительница домашнего очага, а мужчина как воин, добытчик, общественный деятель. Сторонники традиционно-патриархальных представлений склонны утверждать, что

негативные процессы, происходящие с молодым поколением, являются следствием разрушения традиционного уклада в разделении социальных ролей [41]. Эгалитарные гендерные представления, наоборот, несут в себе идею о равенстве социальной позиции мужчины и женщины в обществе. В рамках данных представлений мужчины и женщины могут избирать те гендерные роли, из которых исторически ранее они были вытеснены: для мужчин это область семьи, для женщин – карьера. Как отмечает Ю.Е. Гусева, эгалитарные гендерные представления являются противоположностью традиционно-патриархатным [31]. Однако не существует прямой закономерности динамики числа этих типов: уменьшение числа гендерных представлений одного типа не всегда повышает количество гендерных представлений другого типа. Поэтому автор выделяет еще два типа гендерных представлений: типично-советские и доэгалитарные гендерные представления. Типично-советские гендерные представления характеризуются равенством статусов мужчин и женщин, при этом роли женщин и мужчин дифференцированы следующим образом: семейные роли определяются биологическим полом, но профессиональные – нет. То есть обязанность по воспитанию детей и домашний быт лежит на женщине, мужчина от них освобожден, но в профессиональную сферу вовлечены все в равной степени. Доэгалитарные гендерные представлений предполагают равенство статусов мужчин и женщин, недифференцированность ролей, однако часть ролей обусловлены биологическим полом. Этот тип гендерных представлений является переходным между типично-советским и эгалитарным типом гендерных представлений. Он продуцируется либеральной гендерной политикой конкретного общества.

Подробно влияние конкретной общественной ситуации на формирование гендерной дифференциации описано в социологии. Рейвин Коннелл предложила свою версию структурно-конструктивистского подхода к изучению гендерных отношений, вводя понятие «гендерной композиции» [63]. Она обозначает совокупность выработанных в конкретных исторических контекстах социального взаимодействия элементов, которые не объединены в схему, а более вариативны в

своей связи друг с другом. Это скорее не констатация жестких условий, а процесс формирования этих условий. По её мнению, «гендерный порядок» является «иерархически организованной системой отношений между полами, охватывающей все стороны социальной жизни – приватной и публичной» [63]. Так же существуют «гендерные режимы» конкретных социальных институтов (семьи, государства и пр.). Всё это и образует гендерную композицию, отдельные части которой нельзя свести к единому ядру.

Схожего мнения придерживаются отечественные авторы, вводя понятие «гендерный контракт» [118; 128]. Он представляет собой некий негласный, однако нормативный договор, идущий от государства и согласно которому мужчины и женщины обязаны исполнять определенные гендерные роли в конкретный исторический период. В своем аналитическом исследовании А. Темкина и А. Роткирх уделяют внимание вопросу изменения гендерных контрактов в советском и постсоветском периоде. Они отмечают, что «советский гендерный порядок характеризовался монопольной ролью партии-государства в его формировании, устойчивостью и гомогенностью гендерной идеологии и гендерных ролей, постоянно воспроизводимым разрывом между официальной идеологией и повседневными реалиями» [119, С. 6]. Основным контрактом для женщины на протяжении всего советского периода был образ «работающая мать», т.е. обязательное сочетание профессиональной и материнской роли. А. Роткирх назвала такой гендерный контракт конвенциональным – в нем, с одной стороны, поддерживалась исторически сложившаяся роль хранительницы домашнего очага, но с другой стороны, произошло и разрушение экономической зависимости женщины от мужа. Такой посыл был удобен в контексте социалистической идеи равенства всех людей при сохранении семейных ценностей. Однако в связи с этим, как отмечает И.Н. Тартаковская, большое количество работающих женщин воспринимало и работу, и материнство, как исполнение роли перед государством [118]. Постсоветский период характеризуется реконфигурацией прошлого гендерного контракта и появлением

новых, таких как ««женщина, ориентированная на карьеру», «домохозяйка» и «спонсорский контракт» [28; 109].

1.3.3. Возможности анализа гендерных характеристик на межгрупповом и групповом уровнях

Если рассмотреть концепцию И.С. Клециной, то она напомнит нам лестницу, идущую от больших общественных групп к сознанию индивида. В обыденной жизни мы чаще взаимодействуем на уровне малых групп. В первую очередь, ознакомимся с взаимодействием на уровне «группа» - «группа». Чаще всего межгрупповое взаимодействие представляет собой кратковременное социально-ситуационное общение (социально-ролевое) и деловое общение [69]. Социально ролевое взаимодействие ограничивается знанием и реализацией норм социальной среды (к примеру, в транспорте, магазине). При деловом взаимодействии людей объединяют общие дела. Данный уровень контактирования людей характеризуется тем, что в нем индивидуальные различия нивелируются, а поведение трактуется в рамках норм конкретной группы. Здесь в качестве основы гендерных отношений выступает понятие гендерных стереотипов, как один из видов социальных стереотипов.

Социальный стереотип – это достаточно стабильный и схематичный образ социального объекта. Он складывается в результате синтеза личного опыта индивида с представлениями, принятыми в обществе. К стереотипизации прибегают в условиях недостатка информации, т.е. стереотипы упрощают социальную перцепцию. Но они могут играть и деструктивную роль, если становятся ригидными и приобретают характер глобальных обобщений и проявляются в отношении больших групп. А.А. Реан выделяет 6 групп стереотипов, влияющих на познание другого человека: антропологические – оценка особенностей физиологического облика; этнонациональные – оценка в соответствии с принадлежностью к той или иной расе, нации, этнической группе; социально-статусные - оценка личностных качеств человека, опираясь на его социальный статус; социально-ролевые – оценка в зависимости от ролевых

функций и позиции; экспрессивно-эстетические – «эффект красоты», оценка внешней привлекательности; вербально-поведенческие – связаны с особенностью речи, мимики и пантомимики [98].

Под гендерными стереотипам понимается «когнитивный конструкт, как способ группировки информации, процесс категоризации, благодаря которому легче подытожить обилие информации об окружающих нас людях мужского и женского пола» [47].

Как и все социальные стереотипы, гендерные стереотипы имеют следующие характеристики [36]:

- согласованность – высокая степень единства представлений внутри группы.
- схематичность и упрощенность – как адаптивный процесс, призванный помочь взаимодействию.
- эмоционально-оценочная нагруженность – возможность разделения когнитивного и аффективного компонента стереотипа.
- устойчивость и ригидность.

В литературе выделяют три группы гендерных стереотипов [46]. Первая группа – стереотипы маскулинности и фемининности, то есть психологических качеств, свойственных личности. Вторая группа – гендерные стереотипы, касающиеся закрепления семейных и профессиональных ролей. Третья группа связана с различиями в содержании труда.

Понятия «социальное представление» и «стереотип» на первый взгляд имеют множество общих оснований. Действительно, при определенных условиях гендерные представления могут принимать характер стереотипов [47]. Однако можно выделить и их различия [23]:

- Гендерные стереотипы представляют собой устойчивые образы того, как действительно ведут себя мужчины и женщины. Представления же являются более сложным конструктом, включающим личный опыт человека. Гендерные представления – более широкое понятие. Они могут включать в себя гендерные стереотипы, но не наоборот.

- Гендерные стереотипы чаще всего дихотомичны и основываются на противопоставлении, в то время как гендерные представления имеют сложную структуру и могут содержать пересекающиеся понятия.

- Гендерные стереотипы, в отличие от гендерных представлений, более устойчивы и менее подвержены изменениям. Некоторые авторы говорят об обратной тенденции [175].

Немаловажным для современных исследователей является изучение возрастного аспекта гендерной стереотипизации, который неразрывно связан с формированием гендерной идентичности. Американский психолог С. Файринг выделяет два типа гендерной идентичности [160]:

- общая гендерная идентичность (general gender identity) – представления о мужских и женских различиях. Этот уровень является базовым и проявляется в 2–3 - летнем возрасте;

- подстраиваемая гендерная идентичность (configured gender identity) – внутреннее отношение и внешние проявления, отражающие женственность или мужественность; поведение, которое интерпретируется как мужское или женское.

Подстраиваемая гендерная идентичность активно развивается в подростковом возрасте, так как ребенок начинает примерять на себя гендерные роли (образ мужчины или женщины), транслируемые общественными институтами, но в то же время основанные на его личных представлениях, формируя тем самым адаптивные модели гендерного поведения. Т.И. Юферева (1984), исследуя образы мужчин и женщин в сознании подростков, пришла к выводу, что в процессе прохождения подросткового возраста меняется основа для формирования представления о поле [140]. В младшем подростковом возрасте – это взгляды взрослых, а в более старшем возрасте (примерно к 15 годам) – взаимоотношения со сверстниками противоположенного пола. При этом некоторые авторы (Т.И. Юферева, Н.К. Радина, А.Ю. Терешенкова) отмечают, что существует разрыв между знаниями, которые имеют подростки относительно нормативных моделей поведения мужчин и женщин и реализацией идентичности – рамки в реальном поведении не такие жесткие [140].

Вопрос относительно гибкости гендерных стереотипов и их проявления через гендерные роли в подростковом возрасте неоднозначен. Ряд исследователей (Plumb P., Cowan G, Urberg K.A., Carter D.B., Patterson C.J. и др.) получили данные, свидетельствующие о снижении влияния гендерных стереотипов с наступлением юношеского возраста. Они объясняют это развитием когнитивных функций, усиливающих гибкость мышления. Другие же (Hill J.P., Lynch M.E., Katz P.A., Biernat T.J., Alfieri L.), напротив, считают, что гендерная стереотипизация усиливается в связи с «усилением» гендера – активным развитием гендерной идентичности [147; 170]. Альфьери с соавторами показал, что гендерная гибкость зависит от социальной среды: при переходе в среднюю школу гендерная гибкость усиливается, но за тем – к старшему подростковому возрасту, вновь снижается [181]. Анализ развития гендерной дискриминации от подросткового до юношеского возраст на выборке мальчиков был проведен Т. Лобел с коллегами [181]. По результатам их исследования, мальчики, как в младшем, так и в старшем подростковом возрасте демонстрируют большую гендерную дискриминацию, выбирая себе в друзья высокомаскулинного кандидата. Авторы поясняют это тем, что в подростковом возрасте любое отклонение от нормы, в том числе и гендерной роли, карается сверстниками наиболее строго. Дискриминационное поведение снижается только с наступлением юношеского возраста, в котором проявляется большая гибкость. Подобное усиление проявлений гендерно - стереотипизированного поведения американские психологи Катерина Клеманс с коллегами назвали «теорией активизации гендера» [147]. Они объясняют это тем, что только тот человек, кто способен в подростковом возрасте принимать на себя жесткие гендерные роли (яркую маскулинность или фемининность) и распознавать гендерные роли других, может в дальнейшем развивать независимое от гендерных характеристик поведение и стремиться к андрогинности.

Следующий уровень анализа гендерных отношений находит себя во взаимодействии внутри группы – на межличностном уровне. В качестве ведущей гендерной характеристики здесь выступает гендерная установка. Это «личностная

диспозиция, в соответствии с которой мысли, чувства и возможные действия человека организованы с учетом интериоризированных им норм и правил поведения как субъекта гендерной роли» [47, С. 314]. Особое отличие установки от рассмотренных выше понятий «стереотип» и «социальное представление» заключается в наличии поведенческой стороны анализа в структуре аттитюда – он может регулировать и предопределять поведение личности. Гендерные аттитюды, тем самым, поддерживают гендерную идентичность личности за счет того, что человек может выразить себя как субъект-носитель определенных гендерных знаний и представлений.

Какова же связь понятий «установка» (аттитюд) и «социальные представления»? По мнению Т.П.Емельяновой, существуют три основных направления дискуссии по данному вопросу [37]. Сторонники первой позиции утверждают, что «социальное представление» дублирует понятие «аттитюд» и не имеет перспектив (де Роса). Другие авторы разделяют данные понятия и считают, что термины имеют различные эпистемиологические основания и не пересекаются (Р. Фарр). Третья точка зрения поддерживается представителями как концепции социальных представлений (С. Московиси, П. Молинер и Е. Тафани), так и теории аттитюдов (К. Фрейзер). Они считают, что «социальное представление» и «аттитюд» могут быть объединены с двусторонней выгодой. В качестве явных различий понятий И.А. Сусанова выделяет два основания [116]:

- 1) аттитюд формируется индивидом под влиянием его личного социального опыта и регулирует поведенческую реакцию на уровне единичного субъекта;
- 2) социальное представление формируется как результат коллективного познания и оказывает какое-либо влияние на поведение каждого из членов группы.

Обобщая вышеизложенные данные, отметим, что понятия «гендерные представления», «гендерные стереотипы», «гендерные установки» и «гендерная идентичность» находятся в непрерывной связи друг от друга в русле концепции И.С. Клециной. Эмпирическое исследование, проведенное И.С. Клециной и О.Л. Прохоровой показало, что с возрастанием патриархатных представлений

респонденты руководствуются гендерными стереотипами, а с увеличением эгалитарных представлений они будут для них не приемлемы [48].

На наш взгляд, связующим звеном при анализе особенностей гендерных отношений должно выступать понятие «гендерной роли» (рисунок 5).

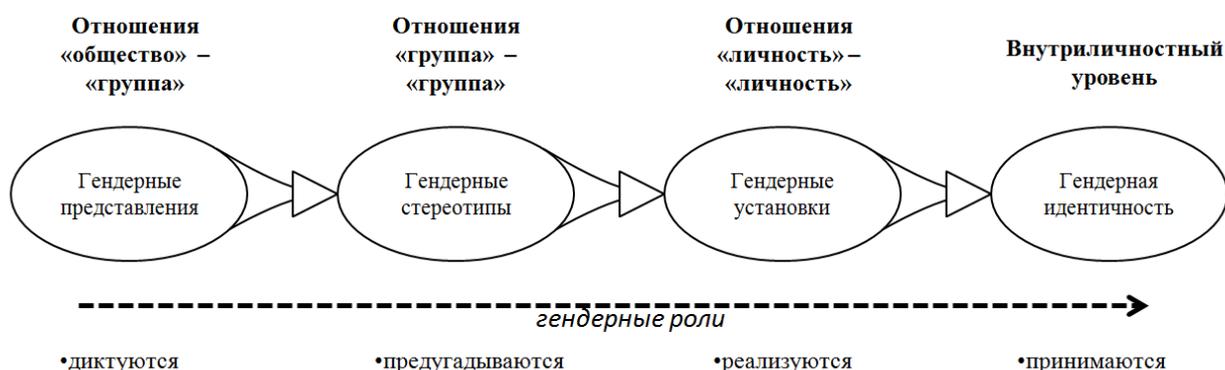

Рис. 5. Взаимосвязь гендерных характеристик на разных уровнях анализа отношений (на основе концепции И.С. Клециной)

Е.В. Юркова и И.С. Клецина так же отмечают, что гендерные роли можно изучать на различных уровнях [139]. Значимость макросоциального уровня при анализе гендерных ролей была показана в предыдущем параграфе. Повторимся, что социальные роли на уровне общества демонстрируют социальное положение мужчины/женщины в рамках конкретного общественного строя. Общество тем самым *диктует* возможный репертуар гендерных ролей, которые проявляют себя в гендерных представлениях. На уровне межгрупповых отношений, главная задача которого категоризовать группы «мужчин» и «женщин», гендерные роли проявляют себя внутри гендерных стереотипов, так как в стереотипе закреплено *ожидаемое* ролевое поведение мужчин и женщин в различных сферах (семейных, профессиональных, личностных). На уровне межличностных отношений социальная роль отражает характер той совместной деятельности, в рамках которых происходит взаимодействие. А гендерные установки, тем самым, находят свое отражение в специфике гендерной роли. Именно на данном уровне непосредственно *реализуется* ролевое поведение личности. На интраиндивидуальном уровне гендерная роль интерализуется, находит

личностное *принятие* с учетом всех знаний, полученных на предыдущих уровнях анализа.

В связи с тем, что мы видим гендерные представления не как единичный конструкт, но как ведущее звено в системе, мы считаем необходимым учитывать в эмпирических исследованиях социальных представлений максимально возможное число уровней анализа гендерных характеристик.

Если мы обратимся к эмпирическим исследованиям, то работы, выполненные в русле концепции социальных представлений и включающие какие-либо из выше рассмотренных гендерных характеристик посвящены не только изучению гендерных представлений в виде отношения государства к мужчинам и женщинам как большим социальным группам (т.е. в терминологии И.С. Клециной), но и изучению социальных представлений о гендерных ролях мужчин и женщин на различных социальных уровнях. Таким образом, на первый план также выходит задача изучить включенность гендерных стереотипов в представления и тенденцию к их трансформации в обыденном сознании людей.

Масштабное исследование было проведено Г.С. Ковтун и А.А. Куперман [51]. Их задача состояла в выявлении гендерных представлений современной студенческой молодежи в ситуации одновременного функционирования в российском обществе нескольких конкурирующих между собой гендерных идеологий. Выводы исследования говорят о том, что гендерные представления современной студенческой молодежи соединяют в себе традиционные и эгалитарные взгляды относительно распределения ролей и статусных позиций мужчин и женщин в политической, трудовой и семейно-брачной сферах. Наибольшее распространение традиционные гендерные представления, а также гендерные стереотипы и предубеждения получили в ответах на вопросы, касающиеся политической сферы. Также представления девушек-студенток менее подвержены влиянию традиционной идеологии, чем представления юношей-студентов.

Изучение представлений в контексте образа «Я» также становилось предметом исследований О. В. Мылгасовой [76]. Группы испытуемых мужчин и

женщин отличаются между собой по выраженности черт маскулинности – фемининности, несмотря на то, что в общей картине личности основная часть респондентов характеризуется андрогинностью черт. При оценке типов отношений к окружающим в группах мужчин и женщин так же не было выявлено статистически значимых различий. Данные факты подвели исследователей к выводу о том, что в современном мире представлений о себе с точки зрения «Я-мужчина» и «Я-женщина» смещены и четкость границ не просматривается.

Таким образом, опираясь на теоретический анализ подходов к изучению социальных представлений о гендерных характеристиках, можно сделать вывод, что данная область исследований является актуальной. В рамках социально-психологического знания создаются модели, которые демонстрируют широкие возможности изучения гендерных характеристик. К ним относится модель Т. Экеса и Г. Траутнера, а также модель гендерных отношений И.С. Клециной. Последняя видится нам наиболее перспективной в контексте изучения представлений о статусе. В ней гендерные представления рассматриваются не как изолированные образования, а как звено, работающее во взаимосвязи с гендерными стереотипами и установками. Вместе их усвоение на различных общественных уровнях ведет к формированию внутриличностной гендерной, а за ней и социальной идентичности.

В широком понимании слова, гендер выступает в виде *одной из характеристик статусных отношений* в обществе, что дает возможность его изучения не только в русле социально-психологического знания, но и в других областях науки, например социологии, политологии, экономики, культурологии. В качестве одной из целей гендерных исследований в социальной психологии Д.В. Воронцов выделяет «анализ психологических характеристик представителей групп в связи с их социальным статусом как внутри гендерной группы, так и в рамках более широкой социальной структуры» [27, С. 74]. Таким образом, перед нами встает вопрос, действительно ли гендерные роли активно проявляют себя в представлениях о статусе? Данная задача исследования будет рассмотрена на уровне анализа представлений о статусе в малой группе, где ключевым понятием в

рамках изучения гендерных особенностей выступят гендерные стереотипы. На этапе изучения социальных представлений о статусе в обществе будет изучено включение традиционных образов «мужского» и «женского», принятых внутри общества и являющихся устоявшимися.

ГЛАВА 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СТАРШЕКЛАССНИКОВ И СТУДЕНТОВ ОБ ИНТРАГРУППОВОМ И СОЦИАЛЬНОМ СТАТУСАХ ЛИЧНОСТИ

2.1. Структура, выборка и методы исследования

Изучение представлений о статусе личности в группе и обществе является актуальной задачей, так как может уточнить не только отношение различных респондентов к тем или иным статусным категориям, то и уточнить факторы, влияющие на формирование данных статусных позиций. Все это даст возможность расширить представление как о внутригрупповых, так и об общественных отношениях в современном постоянно меняющемся обществе.

На основании изучения описанных в первой главе феноменов, мы опирались на уровневую структуру исследования представлений о статусе (рисунок 6).

Рис. 6. Структура исследования представлений старшеклассников и студентов об интрагрупповом и социальном статусах личности

Во-первых, мы исходили из самого характера социальных представлений. Они могут быть изучены как на уровне общественных отношений, включая глобальные характеристики, влияющие на формирование мировоззрения больших

групп, так и на уровне малой группы, где будут исследоваться факторы формирования позиции отдельных сообществ. Таким образом, мы выделили два уровня анализа представлений о статусе: в первом блоке необходимо изучить социальные представления о высоком и низком статусах личности в обществе, а во втором – представления о высоком и низком статусах личности в малой группе. Это позволит провести сравнительный анализ представлений на различных уровнях, что расширит знания о путях формирования представлений. Во-вторых, нами были выбраны в качестве зависимых переменных три фактора:

1. Возрастная специфика. Данный фактор, несомненно, является ведущим, так как представления являются динамичным образованием и могут изменяться во времени. При этом каждый возраст имеет свою специфику. Во-первых, для каждого возраста характерна своеобразная социальная ситуация развития, а значит те агенты социализации, которые будут оказывать влияние на формирование позиций, мнений и убеждений человека. Во-вторых, необходимо также учитывать и вид ведущей деятельности в конкретный возрастной период, так как на её основе мы можем сделать вывод о включенности изучаемого явления в структуру деятельности и понять, является ли оно актуальным в её рамках.

2. Интрагрупповой статус респондентов. Как было описано в предыдущей главе, человек имеет широкий диапазон социальных статусов. Однако один из них всегда является ведущим. Референтная, то есть наиболее значимая, группа оказывает максимальное влияние на формирование личности индивида. Социальные представления при этом также формируются внутри неё. Поэтому тот интрагрупповой статус, который занимает индивид в референтной группе, должен попадать под пристальное внимание исследователя. Представители разных статусных категорий внутри сообщества в разной степени включены в деятельность группы, обладают разными характерологическими качествами, а значит, имеют различия в социальных представлениях.

3. Гендерные характеристики. Теоретический анализ показал, что гендерные представления являются одним из видов социальных представлений [47]. Их изучение включает также анализ проявления гендерных стереотипов в тех или иных обыденных знаниях. Задачей данного исследования стало изучение проявления гендерных стереотипных ожиданий в представлениях о статусе. Чтобы снизить влияние «псевдогендерного подхода», где гендер рассматривается в качестве синонима понятия «пол», мы включили в исследование изучение типа гендерной идентичности респондентов, что даст нам понимание, руководствуются ли они в своем поведении стереотипными ролевыми ожиданиями от мужчин и женщин, либо используют андрогинную модель поведения, и сравнить эти данные с представлениями о статусе.

Таким образом, *целью* исследования стало выявление структуры и специфики представлений старшеклассников и студентов об интрагрупповом и социальном статусах личности с учетом их социально-психологического положения в ученической группе и особенностей гендерных характеристик..

Объект исследования – представления старшеклассников и студентов о статусе человека в малой группе и обществе.

Предмет исследования – структура и особенности представлений старшеклассников и студентов о высоком и низком интрагрупповом и социальном статусах личности.

При выдвижении гипотезы исследования был сделан упор на обоснование уровневого изучения выделяемых нами переменных, как с точки зрения возрастного контекста, так и со стороны тех социальных групп, в рамках которых рассматривается объект представления. С точки зрения структурного подхода к исследованию социальных представлений, понятие «дистанция до объекта» описывает отношение между социальным представлением и социальным окружением [142; 151; 152]. Социальные представления должны быть рассмотрены в континууме индивидуального и социального, а дистанция до объекта представления выступает в виде «места встречи», где отдельные люди сливаются с социальными группами. Исходя из этого места, определенные

элементы социальных представлений выходят на первый план. В рамках проведенных исследований, авторами был сделан вывод о том, что большая дистанция актуализирует нормативные элементы представления, то есть связанные со стереотипами, закрепленными на уровне общества, а маленькая дистанция – функциональные элементы, то есть связанные с конкретными действиями.

Таким образом, была выдвинута **основная гипотеза исследования**: Представления старшеклассников и студентов об интрагрупповом статусе имеют больше сходства, в то время как социальные представления о статусе личности в обществе – больше различий, что обусловлено возрастными и гендерными характеристиками учащихся, а также их положением в ученической группе.

Основная гипотеза конкретизируется **частными гипотезами**:

1. Представления об интрагрупповом статусе личности схожи у разностатусных старшеклассников и студентов.

2. Социальные представления студентов о статусе в обществе отличаются категориями ядра, а также их большей согласованностью и взаимосвязанностью в сравнении с представлениями старшеклассников.

3. Ядра социальных представлений высокостатусных студентов о высоком статусе личности в обществе и низкостатусных студентов о низком статусе личности в обществе отличаются наибольшей категориальной наполненностью в отличие от других статусных слоев. В старшем школьном возрасте такую тенденцию демонстрируют среднестатусные учащиеся.

4. Для лидеров студенческих групп значимой детерминантой положения в обществе являются властные полномочия, в то время как для низкостатусных студентов – личностные особенности. Высокостатусные и низкостатусные старшеклассники при оценке социального положения человека в первую очередь ориентируются на личностные характеристики.

5. В школьных и студенческих группах представления о внутригрупповом и социальном статусах включают в себя гендерные стереотипы, заключающиеся в приписывании маскулинности

высокостатусным и фемининности низкостатусным личностям, однако эти характеристики не проявляются в представлениях лидеров и аутсайдеров ученических групп о самих себе.

Выборка исследования включила 151 респондента (57 юношей и 94 девушки) – студентов 2-3 курсов московских университетов, средний возраст которых 19,8 лет; 135 респондентов (85 юношей и 50 девушек) – ученики 9-10 классов общеобразовательных школ г. Москвы, средний возраст которых – 16,2 лет. Суммарное количество респондентов – 286 человек.

Выбор данных возрастных групп был обусловлен общей структурой исследования, где главной задачей стал поиск тех возрастных групп, в которых вопрос формирования статуса в обществе и группе, а также актуализации гендерных характеристик выступали бы особенно остро. Ими стали ученики 9-10 классов, а также студенты 2-3 курсов. Согласно возрастной периодизации Э.Эриксона, данные возрастные периоды могут быть объединены в группу «отрочество и юность», которая продолжается с 12 до 20 лет [138]. По представлениям Д.Б. Эльконина, период с 15 до 17 лет относится к ранней юности, однако, входящей в эпоху «подростничества» [137]. В.С. Мухина определяет период «отрочества», устанавливая возрастные границы с 11 до 16 лет, а период «юности» с 17 до 25 лет [77]. В.И. Слободчиков и Г.А. Цукерман относят 19-28 летних людей к периоду молодости, следующей за юностью [110]. Исследуемые возрастные группы, несмотря на общую приближенность к периоду «юности», а также то, что они находятся на границах возрастной периодизации, имеют большую разницу в характеристике ведущих социальных институтов, в которые они входят, а именно разные статусы в обществе, разное социальное окружение, специфику учебной деятельности. Всё это, несомненно, является значимым фактором в пользу разделения этих возрастных этапов и их сравнения в рамках данной работы. Ссылаясь на идею Э.Эриксона о том, что «с прогрессом технологии связано расширение временных рамок подросткового возраста – периода между младшим школьным возрастом и окончательным получением специальности» [138, С. 139], а также ряд исследований, подчеркивающих

инфантилизацию современного общества [30, 102, 114], в ходе данного исследования мы относим учеников 9-10 классов к периоду старшего подросткового возраста, а студентов 2-3 курсов к периоду юности.

Обоснуем значимость изучения представлений о статусе, как в группе, так и в обществе на данных возрастных периодах. А.В. Петровский, рассуждая о процессе развития личности, считал ведущим фактором тот тип взаимоотношений, который складывается у личности с референтной группой, а само развитие – как процесс вхождения индивида в новую социальную среду [87]. Стадия отрочества выступает фазой индивидуализации, на которой происходит борьба уже полученных в ходе адаптации общественных норм и желания проявить собственную неповторимую индивидуальность. Нестабильное положение подростка определяется и своеобразной ситуацией развития в данном возрасте - ребенок, с одной стороны, хочет стать взрослым, а с другой – он ещё не знает, как это правильно сделать и чувствует необходимость в поддержке. Чаще всего в качестве поддержки выступает референтная группа сверстников. Как отмечает Д.И. Фельдштейн, подростковый возраст является периодом «податливости» общественному мнению [124]. Л.И. Божович считает, что «личные взаимоотношения и возникшие на их основе группы имеют большое влияние на формирование личности подростков» [21, С. 297]. По данным её исследования, ведущим мотивом поведения и деятельности учащихся в школе является их стремление найти свое место среди товарищей в классном коллективе. Поэтому изучение статусно-ролевых отношений на данном возрастном периоде – важнейшая практическая задача психолога. Изучение вопроса, каким образом развиваются отношения внутри ученической группы, а также вопроса соотнесённости фактора принадлежности к определённой статусной категории в школьном классе с формированием глубоких личностных убеждений является, несомненно, важным, так как эта взаимосвязь может выступать значимым регулятором просоциального поведения и служить предиктором различного рода девиаций среди учащихся.

Однако рассматриваемый нами старший подростковый возраст является переломным и в связи с требованием первичного профессионального самоопределения на границе 9-10 классов. Поэтому здесь проявляется направленность в будущее, построение жизненных планов. При этом, как отмечает И.Ю. Кулагина, это не просто туманные мечты о будущем, а осознание конкретных способов достижения цели [68]. Неминуемо старшеклассник сталкивается с глобальными общественными категориями, в том числе с вопросом статуса в обществе, его отношения к нему, желаемому положению. На наш взгляд, изучение социальных представлений о статусе является значимым, прежде всего потому, что школьники по определению не могут отнести себя к группе «высокостатусных в обществе» людей, так как данный статус является достигаемым. Соответственно, они не могут ориентироваться на свой собственный опыт, а в личностном и профессиональном самоопределении опираются на сложившиеся в значимой группе социальные представления.

В период юношеского возраста продолжается профессиональное становление субъекта. В концепции Э. Эриксона период юности является одним из наиболее значимых, так как по результату его прохождения человек либо приобретает взрослую идентичность, либо происходит диффузия идентичности, то есть задержка в личностном развитии [138]. Согласно А.В. Петровскому, в социализации наступает завершающий этап интеграции, в ходе которого человек встраивается в общество, находя консенсус между диктуемыми группами и обществом задачами и своим мировоззрением [87]. При этом студенческая группа так же, как и школьный класс, остается высоко референтной для ее участников [59, 61]. Студенческая группа, представляя собой специфическую общность людей, является многослойным образованием, на эффективность функционирования которого влияет множество факторов. К ним относятся экономический, социальный, национальный состав группы [121]. При этом И.А. Зимняя выделяет в качестве основных характеристик студенчества высокий уровень образования, высокую познавательную мотивацию, а также наивысший уровень социальной активности [40]. Проявления высокой социальной активности

ведет за собой вопрос осознания занимаемой в обществе позиции. Изучая ведущие социальные представления студентов и их влияние на развитие личности, Г.П. Байбекова пришла к выводу о том, что представления о референтном микросоциуме и собственном месте в нем являются одним из ведущих компонентов в структуре социальных представлений [7]. В.А. Ильин уточняет, что современное молодое поколение объективно нуждается в упрощении картины мира и ясных ценностных ориентирах, требующихся для гармоничного психосоциального развития [41]. Функцию этого упрощения может взять на себя лидер референтной группы. Все это подтверждает актуальность изучения представлений о статусе, как в группе, так и в обществе в период студенчества. Согласно исследованиям Ю.М. Кондратьева, студенческая группа достигает пика в своем развитии на 2-3 курсе [62]. Именно поэтому нами был выбран для исследования данный отрезок обучения. Кроме того, мы стремились получить репрезентативные данные о внутригрупповых статусных отношениях внутри ученических групп.

В данные возрастные периоды по-особому развиваются гендерные характеристики личности. Как было описано в теоретической главе, вопрос относительно формирования гендерных стереотипов и гендерной идентичности на границе подросткового и юношеского возраста имеет несколько вариантов разрешения. Часть авторов склоняется к факту снижения гендерной стереотипизации, другие говорят о усилении влияния гендерных стереотипов.

Таким образом, в построении исследования мы исходили от того факта, что в подростковом возрасте вопрос формирования как статусных, так и гендерных характеристик является более нестабильным, а данные категории носят изменчивый характер, в то время как в юношеском возрасте они более устоявшиеся и осмысленные. На основании этого были выдвинуты гипотезы о качественных отличиях представлений о статусе в данных возрастных категориях.

Для проверки выдвинутых гипотез нами были выделены тематические блоки методик согласно рассматриваемым уровням анализа (рисунок 7). Рассмотрим подробно каждую из представленных методик.

Методика П. Вержеса используется для выявления смыслового ядра и периферических областей социального представлений, то есть его структуры. Согласно данной методике, полученные ассоциации по интересующей проблематике подвергаются прототипическому и категориальному анализу, учитывая два критерия: частоту использования того или иного понятия в ответах, а также ранг этого понятия, являющийся критерием его важности для респондента [187]. Частота проявления понятия образует консенсус категории, а значимость ранга проявления ассоциации объясняется тем, что существует прямая зависимость между частотой ассоциативного ответа и скорости его проявления.

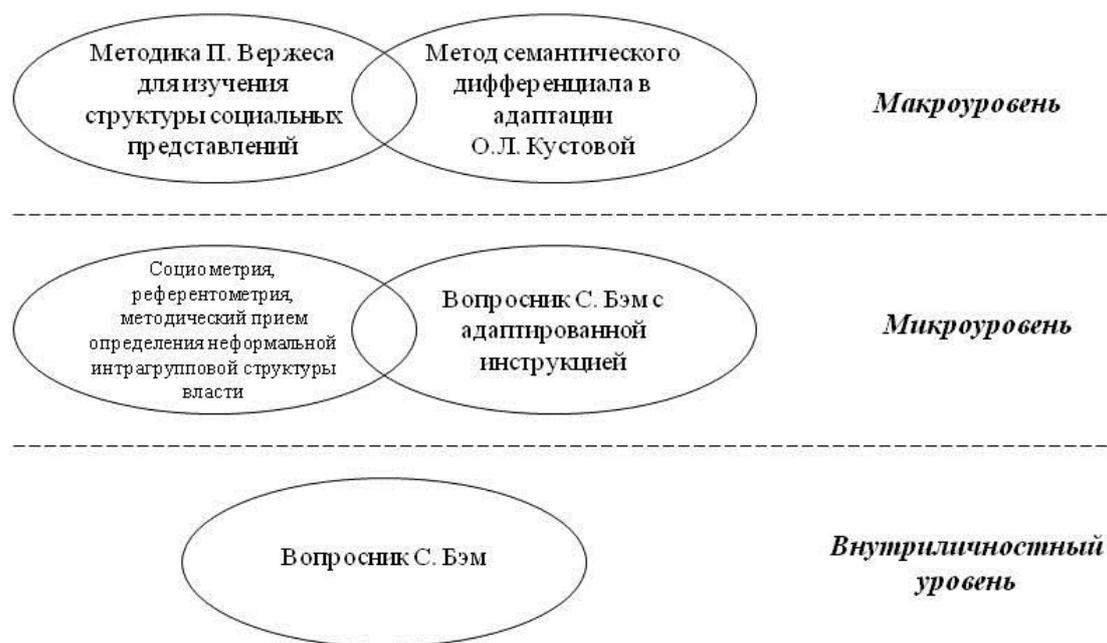

Рис. 7. Используемые в исследовании методики.

Таким образом, ранг ассоциации является показателем важности данного понятия для респондентов. Пересечение двух этих параметров образует четыре области представлений: ядро (важные и часто встречаемые категории – область 1), зона периферии, которая подразделяется на часто встречаемые, но не в первую очередь значимые категории – область 3, а также мнение меньшинства

(значимые, но редко встречаемые понятия – область 2), вторая зона периферии (наименее важные и редко встречаемые – область 4) (рисунок 8).

Зона ядра представляет собой категории наиболее устойчивые в общественном сознании, а зона периферии содержит в себе элементы, которые являются базисом возможной трансформации представления, его динамичной составляющей.

	Низкий ранг понятия ($<$ среднего ранга)	Высокий ранг понятия (\geq среднего ранга)
Высокая частота понятия (\geq медианы частоты)	Область 1	Область 3
Низкая частота понятия ($<$ медианы частоты)	Область 2	Область 4

Рис. 8. Схема представления структуры социальных представлений по П. Вержесу

На основе данной методики нами была составлена анкета. Респондентам предлагалась следующая инструкция: «Подумайте, пожалуйста, о высоком статусе, представив человека, занимающего высокое положение в обществе / низкое положение в обществе. Какие слова или словосочетания приходят Вам в голову? Укажите, пожалуйста, не менее пяти таких слов или словосочетаний».

Некоторые авторы отмечают важность не только ранга ассоциации, но и собственной оценки респондентами её значимости [144]. Поэтому ассоциации, полученные с помощью методики П. Вержеса, были оценены респондентами с точки зрения субъективной значимости каждой из приведенных ассоциаций для описания феномена по шкале от 0 до 10, а также респонденты давали её эмоциональную оценку, где 0 – очень негативная характеристика, а 7 – положительная черта.

Метод семантического дифференциала является разработкой группы американских ученых под руководством Ч. Осгуда. Согласно данному методу, испытуемым предъявляется ряд антонимичных понятий, между которыми располагается семь градаций оценки представлений о нём. Данный метод широко

представлен в различного рода исследованиях, прежде всего потому, что полученные результаты можно впоследствии объединить в более укрупненные факторы, что дает возможность проводить как количественную, так и качественную обработку данных.

В каждом конкретном случае выбор понятий определяется задачами исследования. Для проверки гипотезы о включенности гендерных стереотипов в социальные представления о статусе на уровне общества была применена методика личностного дифференциала О.Л. Кустовой [93]. Опираясь на концепцию психосемантического изучения сознания В.Ф. Петренко [86], О.Л. Кустова представила опросник, содержащий 40 биполярных шкал, которые разделяются на ряд факторов. Так как целью данной методики в нашем исследовании стало уточнение присутствия гендерных стереотипов в представлениях о статусе в обществе, мы выделили 14 биполярных шкал, заключенных в факторы «феминности» и «маскулинности». Шесть из них относятся к стереотипно мужским гендерным ролям (фактор маскулинности), другие шесть – к женским (фактор феминности). Контрольные шкалы «образное мышление – аналитическое мышление», «интуиция – рациональность» призваны показать противоборство стереотипных гендерных характеристик при анализе образа высокостатусного человека. Каждая шкала была оценена респондентами от -3 до +3 баллов. Для облегчения обработки данные переведены в бальную шкалу от 1 до 7. Мы просили респондентов оценить человека, занимающего высокое / низкое положение в обществе по каждой из четырнадцати шкал. При этом, чем ближе оценка к полюсу, тем сильнее выражено качество, расположенное на этом полюсе. Статистический анализ полученных данных призван показать степень проявления гендерных стереотипов в отношении человека, занимающего высокое и низкое положение в обществе, а также разделить исследуемые шкалы на факторы для качественной оценки результатов.

Следующий блок методик направлен на изучение интрагруппового статуса индивида, включающий социометрию, референтометрию и методический прием определения неформальной интрагрупповой структуры власти.

Методика *социометрии* предложена Дж. Морено в середине XX века. Её целью является изучение отношения членов группы друг к другу, а именно выявление отношений по типу «симпатия – антипатия» [53]. Кроме того, методика дает возможность выявить уровень сплоченности и особенности неформальной структуры изучаемой группы.

По процедуре данной методики испытуемый должен ответить на вопрос, который предполагает отражение его предпочтений в отношениях. Значимым здесь является критерий выбора, то есть правильно заданная платформа взаимодействия. И.П. Волков выделяет официальные критерии, которые связываются с деловыми, формальными отношениями, и неофициальные, фиксирующие неформальные отношения [83]. В случае нашего исследования вопрос, который мы задавали респондентам, не отличался для старших школьников и студентов. Он соответствовал возрастным ориентациям на ситуацию, в которой может проявляться неформальное взаимодействие, а именно совместная поездка за город. Инструкция звучала следующим образом: «Представьте, что запланирована совместная поездка за город на несколько дней. Кого из членов Вашего класса / Вашей студенческой группы Вы хотели бы взять с собой?». Выбор был ограничен тремя фамилиями, так как «именно ситуация контролируемого выбора партнера является наиболее характерной особенностью этого метода» [53, С. 142]. Далее проводилась традиционная обработка индивидуальных ответов в виде сводной матрицы ученической группы. Итоговое количество полученных выборов свидетельствовало об определенной социометрической позиции в ученической группе.

Референтометрия, как методика, позволяющая выяснить степень значимости каждого члена группы для его товарищей по сообществу, разработана Е. В. Щединой в 70-е годы XX века [135]. Данная методика дополняет социометрию и включает в себя два этапа. На первом этапе испытуемый отвечает на вопрос, готов ли он показать ответы социометрии своим одноклассникам. Второй этап включает в себя вопрос: «Чей бланк с ответами на предыдущий вопрос ты бы хотел увидеть?». Выбор также ограничивался тремя

одноклассниками. Обработка данных была схожа с социометрией. Мы также получили три показателя статуса референтности субъекта в группе.

Методический прием определения неформальной интрагрупповой структуры власти в контактном сообществе позволяет определить структуру распределения властных полномочий в группе. Данная методика предложена М. Ю. Кондратьевым. Как отмечал сам автор, данная процедура не может считаться полноценной методикой, однако без использования данного приема анализа мы не можем говорить о полной картине взаимоотношений в группе, так как «именно распределение властных полномочий в самой существенной степени определяет особенности межличностных отношений» [57, С. 128]. Процедура заключается в ранжирование всех членов изучаемого сообщества по признаку влияния. Инструкция была следующей: «Отметьте в бланке цифрой 1 Вашего одноклассника / одnogруппника, который, как вы считаете, является «главным» в классе / в группе, часто принимает ответственные решения, оказывает сильное влияние на активность класса / группы. Цифрой 2 отметьте того из оставшихся членов, кто играет эту роль в случае отсутствия «первого», и т.д.». Полученные с помощью обработки данные среднего показателя ранга стали так же показателями положения индивида в группе.

Три параметра, полученные с помощью методик социометрии, референтометрии и методического приема определения неформальной интрагрупповой структуры власти, в совокупности определяют *интегральный статус* личности в группе в соответствии с методологическими принципами трехфакторной модели «значимого другого» А.В. Петровского [88]. При этом данная методическая процедура определяет не просто высокостатусных или низкостатусных членов группы, а на основе интегральных показателей помогает выявить типичных лидеров и аутсайдеров изучаемых сообществ. В зависимости от соотношения показателей аттракции, референтности и статуса власти мы разделили всех респондентов на три категории: «высокостатусные» («лидеры»), «среднестатусные», «низкостатусные» (аутсайдеры). В своем анализе мы

руководствовались критериями выявления интегрального статуса, предложенными М.Ю. Кондратьевым [58].

Вопросник С. Бэм по изучению маскулинности – фемининности интересен нам с точки зрения выявления закрепленных гендерных стереотипных ролевых установок как в собственном поведении, так и в представлениях о лидере и аутсайдере ученического группы. Кроме того, мы исходили из знаний о том, что внутригрупповые процессы в большей мере, нежели чем общественные отношения, взаимосвязаны с индивидуальными характеристиками отдельной личности и ситуативными факторами. Применение метода свободных ассоциаций мы посчитали нецелесообразным в связи с возможной путницей двух схожих, однако, в смысловом плане отличающихся понятий «лидер в обществе» и «групповой лидер». Так как вопросник С. Бэм представляет собой перечисление 60 характеристик, относящихся к различным областям, вопросник может быть применен как для изучения представлений о статусе внутри группы, так и для уточнения гендерных особенностей данного представления, а так же позволяет сравнить полученные данные с индивидуально-личностными характеристиками. Вопросник включает в себя 60 качеств, 20 из которых традиционно закреплены в обществе как мужские, 20 – как женские, а оставшиеся 20 – гендерно-нейтральные характеристики. Респонденту нужно выбрать из этого списка те качества, которые, на его взгляд, присущи ему. Инструкция звучала следующим образом: «Отметьте в специальном окошке таблицы только те качества, которые, по Вашему мнению, есть у Вас». Отмеченные испытуемым характеристики сравниваются с ключом. В результате вычисляются основной индекс (от -5 до +5), на основании которого можно выделить пять типов гендерной идентичности: ярко выраженная маскулинность, маскулинность, андрогинность, фемининность, ярко выраженная фемининность.

На основании традиционного вопросника С. Бэм нами была изменена его инструкция с целью изучения представления относительно образа лидера и аутсайдера в ученической группе. Инструкция давалась следующим образом: «Отметь в специальном окошке таблицы только те качества, которые, по Вашему

мнению, должны быть у лидера Вашего класса / Вашей группы» и «Отметьте в специальном окошке таблицы только те качества, которые, по Вашему мнению, характеризуют человека, который не может стать полноценным членом Вашего класса / Вашей группы». Результаты по данной методике подсчитывались так же, как и по классическому вопроснику С. Бем. Кроме получения индексного значения по вопроснику С. Бем, были составлены таблицы проявления тех или иных характеристик как по представлениям о лидере, так и об аутсайдере с последующим статистическим анализом данных.

Исследование проводилось в период с 2014 по 2017 годы.

Исследование в каждой из ученических групп проводилось в два этапа (длительность каждого около 40 минут), что потребовалось для исключения терминологической путаницы у респондентов касаясь статуса личности в обществе и статуса личности в группе. Порядок предъявления методик был сформирован согласно сложности заполнения: начиная от самого сложного, заканчивая более простым. Для первичной обработки полученных данных использовалась программа «Microsoft Excel 2007». Дальнейший анализ осуществлялся с помощью статистического пакета «IBM SPSS Statistics 22».

2.2. Результаты исследования представлений старшеклассников о статусе в ученической группе и обществе

2.2.1. Анализ представлений старшеклассников об интрагрупповом статусе личности

Первым этапом изучения представлений о статусе личности в группе стало изучение внутригрупповой статусной композиции. В результате проведения блока социально-психологических методик были выделены три статусные подгруппы школьников по параметрам аттракции, референтности и неформального статуса власти (рисунок 9): высокостатусные, среднестатусные и низкостатусные учащиеся. Исходя из сочетания данных характеристик, определялся интегральный статус каждого участника исследования в группе. Отметим, что из всех

полученных результатов количество лидеров наиболее низкое (16%), что может говорить о высоких требованиях к данным членам группы со стороны школьников. Следующей по численности является подгруппа аутсайдеров (21%). Наиболее многочисленной является категория среднестатусных школьников (63%), что является типичной тенденцией, подтвержденной в ряде исследований [53; 104].

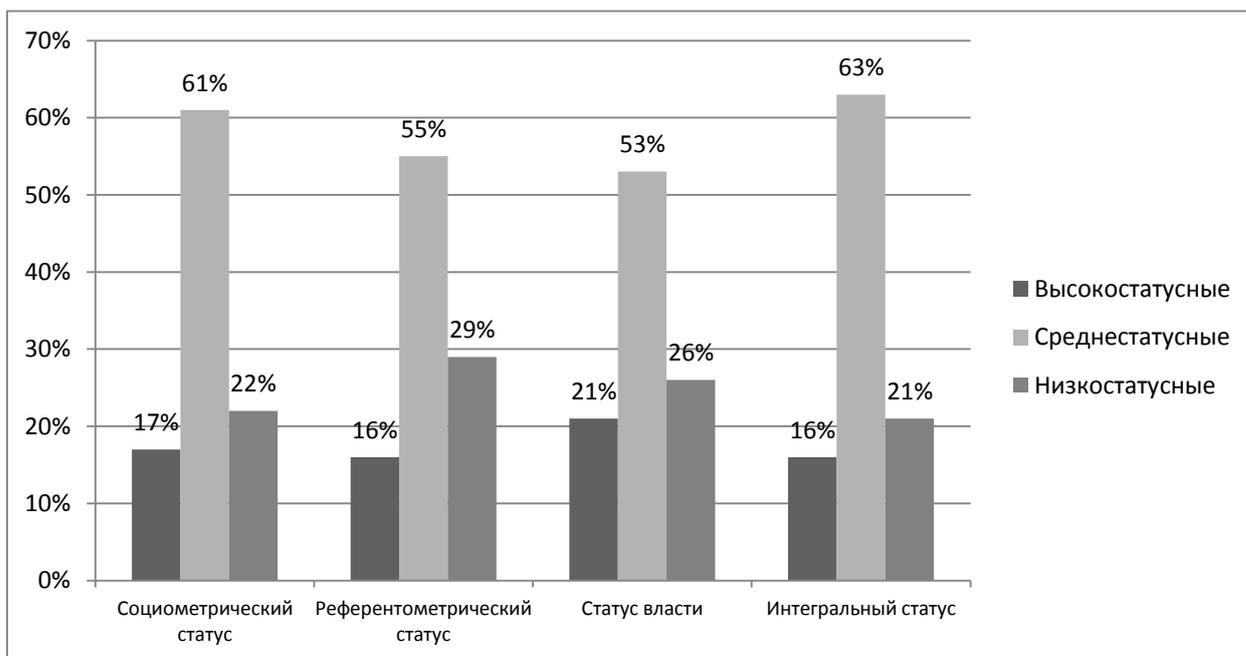

Рис. 9. Распределение статусов респондентов внутри ученической группы школьников

Перейдем к описанию качеств, попавших в представления школьников о высоком статусе личности в ученической группе. При анализе результатов были исключены характеристики, набравшие менее 25% выбора, что составило 37 характеристик из 60. Доминирующими являются качества «сильная личность» (82%), «быстрое принятие решений» (81%), «способность к лидерству» (80%), «честность» (79%), «вера в себя» (78%), «способность помочь» (77%), «понимание других» (76%). Эти качества формируют первичный образ школьника-лидера как личностно сильного, уверенного и деятельного человека, учитывающего потребности других и готового прийти на помощь.

Для более детального уточнения представления и его структурного понимания проведен кластерный анализ характеристик методом межгрупповой связи бинарной мерой с помощью 4-точечной корреляции фи. В результате анализа таблицы агломерации было сформировано 6 кластеров (таблица 1, приложение А).

Первый кластер включает в себя 9 характеристик, обобщенных как смысловым полем, так и достаточно высоким средним показателем выбора кластера (58%). Эти черты демонстрируют нам самоуверенную личность («вера в себя», «настойчивость»), настроенную на продвижение себя вперед («стремление вести за собой», «стремление к достижению уважения»), при этом она руководствуется собственной точкой зрения, свободной от мнения других («самостоятельность», «собственная позиция», «склонность защищать свои взгляды») и имеет некоторую долю властности. Немаловажным является выделение черты «мужественность», что ориентирует нас на проверку гипотезы о включенности гендерных стереотипов в представления о высоком статусе личности в группе.

Второй кластер, напротив, отмечает способ и характер взаимодействия с другими членами группы. Наиболее важной характеристикой является честность. Несомненно, это объясняется желанием учащихся понимать характер ведения деятельности лидером группы. При этом «забота о людях», «умение уступать», «умение сочувствовать, сострадание», «способность утешить» подтверждает важность эмоционального контакта высокостатусного старшеклассника с сверстниками. Однако данные качества не настолько значимы в предполагаемом лидере группы (46% выбора), нежели как его деятельная сторона.

Третий кластер мы рассматриваем как центральный за счет высокой согласованности выборов (77,5%). Сюда включено описание морально сильной личности с первоначальными задатками лидера, способного реально помочь другим членам группы за счет аналитического склада ума. Таким образом, в этот кластер вошли как личностные характеристики, так и описание реальных действий и средств их реализации.

**Результаты кластерного анализа представлений старшекласников о лидере
ученической группы**

№	Количество элементов кластера	Элементы кластера	Процент выбора данной характеристики	Средний процент выбора элементов кластера
1	9	Вера в себя	78%	58%
		Склонность вести за собой	68%	
		Самостоятельность	65%	
		Собственная позиция	60%	
		Настойчивость	56%	
		Стремление к достижению уважения	52%	
		Властность	50%	
		Склонность защищать свои взгляды	45%	
		Мужественность	45%	
2	6	Честность	79%	46%
		Забота о людях	49%	
		Умение уступать	44%	
		Умение сочувствовать	42%	
		Сострадание	33%	
		Способность утешить	30%	
3	4	Способность помочь	77%	77,5%
		Сильная личность	82%	
		Склонность анализировать информацию	71%	
		Способность к лидерству	80%	
4	9	Понимание других	76%	46%
		Умение дружить	67%	
		Жизнерадостность	56%	
		Спокойствие	49%	
		Вежливость	47%	
		Искренность	35%	
		Приспосабливаемость	33%	
		Преданность	27%	
Важность	27%			
5	6	Крепкость	57%	47%
		Надежность	56%	
		Сила	52%	

№	Количество элементов кластера	Элементы кластера	Процент выбора данной характеристики	Средний процент выбора элементов кластера
5	6	Независимость	45%	47%
		Удачливость	38%	
		Прямота	36%	
6	3	Быстрое принятие решений	81%	50%
		Дух соревнования	35%	
		Нелюбовь к ругательствам	33%	

Четвертый кластер так же, как и первый, включает ряд характеристик, скорее уточняющих характер предполагаемых лидеров (46%). Это и эмоциональная составляющая («жизнерадостность», «спокойствие»), и особенность межличностных отношений («преданность», «понимание других», «вежливость», «умение дружить»). Ориентация старшеклассников на качества в образе лидера, способствующих позитивным межличностным отношениям, демонстрирует высокую значимость поддержки высокостатусными членами группы остальных учащихся, именно благодаря которой они и могут занять высокое положение в группе. Следующий кластер подчеркивает более ситуативные, наблюдаемые извне, но не при личном взаимодействии, характеристики: «независимость», «сила», «крепкость», «удачливость», «прямота», однако эти качества для школьников ассоциируются с «надежностью», которая доминирует при выборе в данной группе черт. Наконец, шестой кластер описывает характер принятия решений лидерами группы: старшеклассники хотят видеть быстроту и даже некоторую долю желания соревноваться.

Таким образом, подводя итог анализа характеристик, которые учащиеся школ выделяют в высоком статусе личности, мы видим не столько черты активной деятельности, сколько личностных задатков, позволяющих определенному члену группы вести с одной стороны активную деловую деятельность, а с другой – поддерживать теплые, эмпатийные отношения с другими членами группы.

Перейдем к описанию особенностей видения высокого статуса личности в ученической группе школьниками из разных статусных категорий. Статистический анализ результатов выбора характеристик не показал различий между статусными категориями (приложение Б). Это подтверждает гипотезу исследования о том, что представления об интрагрупповом статусе личности схожи у разностатусных старшеклассников.

Однако мы выделим некоторые качественные различия в выборе характеристик. Наиболее сильно они проявляются в ответах высокостатусных студентов. Набор качеств, выбранных ими, в целом не отличается от ответов по выборке школьников. Но мы наблюдаем достаточно большой разрыв в процентном соотношении от других статусных групп: 13 категорий выбраны большим количеством школьников-лидеров, нежели чем другими статусными группами. Практически все высокостатусные старшеклассники выделяют качества «сильная личность» (95% у лидеров – 82% у аутсайдеров – 80% у среднестатусных) и «быстрота в принятии решений» (95% у лидеров – 82% у аутсайдеров – 79% у среднестатусных), дополняющихся «способностью помочь другим» (90% у лидеров – 79% у аутсайдеров – 73% у среднестатусных) и «пониманием других» (86% у лидеров – 75% у среднестатусных – 71% у аутсайдеров). Далее идут уточняющие вышеописанные характеристики «способность анализировать информацию» (81% у лидеров – 71% у среднестатусных – 64% у аутсайдеров) и «склонность вести за собой» (81% у лидеров – 71% у аутсайдеров – 64% у среднестатусных). Кроме того, такие черты, как «настойчивость» (71% у лидеров – 61% у аутсайдеров – 52% у среднестатусных), «мужественность» (67% у лидеров – 54% у аутсайдеров – 37% у среднестатусных) и «властность» (71% у лидеров – 46% у аутсайдеров – 46% у среднестатусных), предполагающие некоторую степень доминирования, также являются превалирующими в выборе именно групповых лидеров. Однако данное превосходство в образе лидера может быть оправдано желанием видеть человека «надежного» (71% у лидеров – 61% у аутсайдеров – 49% у среднестатусных). Наконец, высокостатусные школьники в большей мере выбирают качества «сила»

(61% у лидеров – 51% у среднестатусных – 73% у аутсайдеров) и «прямота», но их резкость оправдывается «искренностью». Таким образом, лидеры школьных классов представляют себе самоуверенного и доминирующего над другими человека, однако эти, на первый взгляд не совсем положительные качества сглаживаются позитивными чертами, объясняющими, что такое поведение требуется для быстрого и грамотного разрешения вопросов, касающегося не только самого лидера, но и остальных членов группы, к проблемам которых он не безразличен. Эти особенности подчеркивает согласованность представления данной категории школьников относительно высокого статуса личности в группе, возможно, за счет понимания своей собственной позиции и ощущения компетентности в этом вопросе. Данный факт подтвержден статистически с помощью однофакторного дисперсионного анализа (приложение В).

Анализ ответов среднестатусных старшеклассников показал, что данная страта не отличается от других серьезным разрывом в проценте выбора тех или иных характеристик. Отметим только, что в их представлениях об образе лидера группы появляются такие качества, как «сострадание» (38%), которое скорее уточняет форму более избираемой характеристики «понимание других», и «склонность к риску» (30%), поясняющая «быстроту принятия решения». То же самое мы можем сказать и о низкостатусных учащихся. Их отличает лишь выбор вторичной по значимости характеристики «непредсказуемость» (25%).

Как мы видим, образ лидера группы наиболее полно и структурно описан непосредственно высокостатусными представителями школьных классов. Исходя из этого, мы предположили, что они опираются на свой субъективный опыт в построении представления. Проверим эту гипотезу путем анализа характеристик, свойственных реальным лидерам группы.

Изначально отметим черты, который получили наибольший процент выбора всеми школьниками. Мы подвергали анализу качества, которые набрали более 50% выборов. На первом месте находятся качества, подчеркивающие компетентность в межличностных отношениях: «способность помочь» (77%) и «умение дружить» (71%). Однако далеко не последнее место играют

характеристики «самостоятельность» (64%) и «склонность защищать свои взгляды» (60%), что подчеркивает их независимость и способность самим принимать решения. Данные характеристики свойственны юношескому возрасту, когда ответственность за выбор дальнейшего жизненного пути ложится непосредственно на саму личность. Далее следуют качества, выбранные чуть более чем половиной школьников. К ним относятся уточняющие отношение к другим качества «понимание других» (58%), «честность» (54%), «надежность» (54%), «сострадание» (53%), «умение уступать» (50%), а также личностные особенности «жизнерадостность» (54%), «вера в себя» (52%), «настойчивость» (51%).

Статистически мы не получили подтверждения различий между самооценкой характеристик различными статусными группами (приложение Г), а также различий между оценкой образа лидера и самооценкой своей личности (приложение Д). Однако, качественное описание позволяет уточнить некоторые особенности.

Перейдем к описанию характеристик, которые отмечают у себя высокостатусные члены ученических групп. На первый план выходят характеристики «умение дружить» (76%), «способность помочь» (76%) и «понимание других» (76%). Однако эти качества также популярны и у представителей других статусных категорий: среднее значение по трем показателям у лидеров – 76%, у среднестатусных – 66%, у низкостатусных - 70%. Однако значимость эмпатийной составляющей именно у школьников-лидеров находит себя в проявлении других характеристик: «забота о людях» (57% у лидеров - 32% у среднестатусных - 46% у аутсайдеров), «способность утешить» (57% у лидеров - 35% у среднестатусных - 35% у аутсайдеров), «сострадание» (66% у лидеров - 46% у среднестатусных - 53% у аутсайдеров). Таким образом, мы можем сделать предположение, что в старшем подростковом возрасте первичным для занятия высокой статусной позиции является характеристика взаимоотношений с другими. Кроме того, лидеры групп отмечают в своем характере «веру в себя» (71% у лидеров - 46% у среднестатусных - 53% у

аутсайдеров) и «мужественность» (52% у лидеров - 39% у среднестатусных - 39% у аутсайдеров), что демонстрирует не только ориентацию на положительные отношений внутри группы, но и проявление решительности в деятельности. Интересным является и проявления «застенчивости» (57% у лидеров - 45% у среднестатусных - 39% у аутсайдеров), что отрицает факт открытого доминирования. Таким образом, в отличие от представления о лидере группы, реальные лидеры, прежде всего, ориентированы на потребности в общении и взаимопомощи, а не на характеристики деловых отношений. Среднестатусных школьников от других отличает большая закрытость и в целом - индивидуализм, что проявляется в преобладании черты «собственная позиция» (43% у лидеров - 54% у среднестатусных - 43% у аутсайдеров) и «ревнивость» (43% у лидеров - 52% у среднестатусных - 25% у аутсайдеров), но низком выборе «умения уступать» (52% у лидеров - 48% у среднестатусных - 57% у аутсайдеров), «умения сочувствовать» (57% у лидеров - 47% у среднестатусных - 67% у аутсайдеров), «доверчивости» (57% у лидеров - 38% у среднестатусных - 50% у аутсайдеров), а также «веры в себя» (71% у лидеров - 46% у среднестатусных - 54% у аутсайдеров).

Низкостатусные старшеклассники также имеют свои качественные отличия. Эта группа школьников в большей степени, нежели чем другие выделяет качества «умение сочувствовать» (57% у лидеров - 47% у среднестатусных - 68% у аутсайдеров), «спокойствие» (28% у лидеров - 48% у среднестатусных - 60% у аутсайдеров), «настойчивость» (46% у лидеров - 47% у среднестатусных - 64% у аутсайдеров), «преданность» (43% у лидеров - 43% у среднестатусных - 57% у аутсайдеров), «удачливость» (28% у лидеров - 32% у среднестатусных - 50% у аутсайдеров). При этом процент выбора качеств «надежность», «умение сочувствовать», «способность помочь», «самостоятельность» и «вежливость» наиболее высок именно в данной статусной прослойке. Таким образом, мы видим, что аутсайдеры отличаются большой вариативностью ответов, включающих как личностные черты, так и характеристики деятельности, что говорит о низкой степени дифференцирования своих черт. Это может указывать на плохую

сформированность личностной идентичности. Возможно, этот факт и является причиной низкого статусного положения в ученической группе.

Наконец, рассмотрим гендерный компонент в представлении старшеклассников о высоком статусе личности в классе. На гистограмме представлено разделение ответов респондентов о типе своей гендерной идентичности и гендерной специфики в образе лидера группы (рисунок 10).

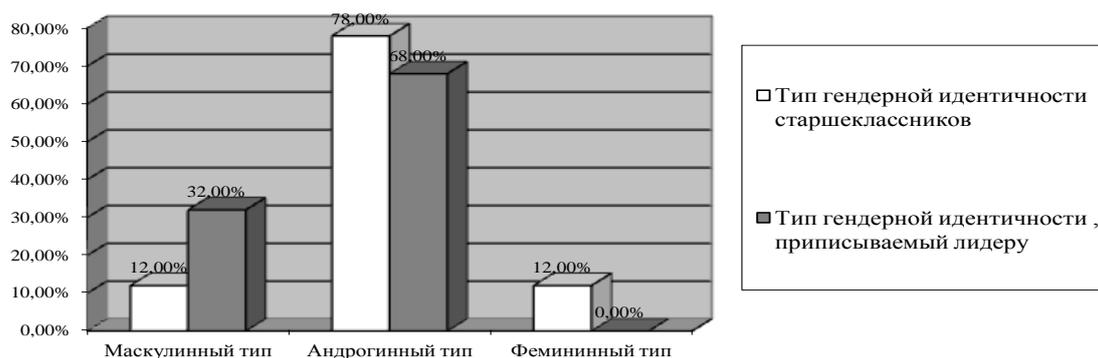

Рис. 10. Тип гендерной идентичности, приписываемый лидеру и тип гендерной идентичности старшекласников

Мы видим, что наибольший процент выбора имеет андрогинная гендерная идентичность, которая присуща 78% школьников. При этом в представлениях о лидере группы данный тип встречается в 68% случаев. Однако маскулинный тип, проявивший себя у 12% школьников, резко повысил свои показатели в образе лидера (32%). А наименее представленная при самооценке учеников фемининная гендерная идентичность (12%) вовсе не встречается в образе лидера группы.

Для подтверждения включенности генерного стереотипа в образ лидера группы была проведена статистическая оценка различий между значениями индекса гендерной идентичности в представления о лидере и о себе. Мы получили значимые различия (при $p \leq 0,01$, приложение Е), что говорит о сдвиге в сторону маскулинных тенденций при формировании образа высокостатусного члена группы. Данный факт подтверждается и качественными особенностями выбора характеристик: маскулинные черты отметили 62%

респондентов, в то время как фемининные – лишь 25%. При этом 16 из 20 маскулинных качеств были выбраны более чем 40% учащихся. Исключением стали черты «дух соревнования» (35%), «склонность к риску» (23%), «удовлетворение личных интересов» (17%) и «агрессивность» (6%). Из фемининных черт доминирует в ответах те, которые указывают на эмпатийность: «понимание других» (75%), «забота о людях» (49%), «умение сочувствовать» (42%), а также личный настрой: «жизнерадостность» (55%), «спокойствие» (48%), «умение уступать» (44%).

Различия в распределении типов гендерных характеристик разностатусных школьников представлены в таблице 2.

Таблица 2

Распределение типов гендерных ролей у разностатусных студентов и в их представлениях о лидере группы

Тип	Статус	Тип гендерной идентичности студентов			Тип гендерных представлений о лидере группы		
		Высокий	Средний	Низкий	Высокий	Средний	Низкий
Маскулинный тип		5%	14%	11%	43%	31%	25%
Андрогинный тип		90%	75%	78%	57%	69%	75%
Фемининный тип		5%	11%	11%	0%	0%	0%

Гендерный стереотип маскулинизации образа группового лидера более всего наблюдается в оценках высокостатусных учащихся (43%) и снижается в группе среднестатусных (31%) и низкостатусных (25%) школьников. В действительности наибольшее число школьников с маскулинным типом гендерной идентичности представлено в группе среднестатусных (14%). При этом разница средних значений индекса гендерных представлений и представлений о себе в группе лидеров наибольшая (0,73) и снижается по мере понижения статуса (0,63 у среднестатусных, 0,54 у низкостатусных). То есть мы не можем говорить о том, что приверженность ролевым гендерным стереотипам обуславливает высокий статус в группе. Однако это не противоречит присутствию такого рода

стереотипа в образе лидера. Все это подтверждает гипотезу исследования о том, что в школьных группах представления о внутригрупповом статусе включают в себя гендерные стереотипы, заключающиеся в приписывании маскулинности высокостатусным личностям, однако эти характеристики не проявляются в представлениях лидеров о самих себе.

Следующей частью исследования стало изучение представлений о низком статусе личности в ученической группе. При изучении образа низкостатусного члена группы было получено в 2 раза меньше характеристик, нежели чем при анализе образа высокого статуса: 1479 против 2887. Однако мы не стали опускать нижнюю границу процента выбора тех или иных характеристик, так как согласованность выборов у школьников достаточно высокая. Таким образом, анализу были представлены характеристики, получившие более чем 25% выборов, количество которых составило 15.

Наиболее часто выбираемые качества – «хмурость» (75%) и «скрытность» (71%) – характеризуют закрытого и мрачного человека, не располагающего к групповой совместной деятельности. Следующие черты показывают демонстративность и неискренность низкостатусного члена группы, заключенные в категории «падкость на лесть» (68%) и «наигранность» (68%). Так же старшеклассниками отмечается возможная «агрессивность» (65%) и «малорезультативность» (65%) в образе аутсайдера класса.

Для понимания структуры данного представления был проведен кластерный анализ выбранных 14 характеристик методом межгрупповой связи бинарной мерой с помощью 4-точечной корреляции фи, что позволило выявить 3 кластера (таблица 3, приложение Ж).

Первый кластер можно разделить на две составляющих. С одной стороны низкостатусный член группы наделяется старшеклассниками характеристиками закрытого, стеснительного и недовольного человека: «хмурость», «скрытность», «малорезультативность», «тихий голос» и «застенчивость» подчеркивают это. С другой стороны, низкостатусный человек, напротив, излишне демонстративен, а его поведение принимает гипертрофированный характер актерской игры, что

подтверждает наличие в образе черт «падкость на лесть», «наигранность», «ревнивость», «инфантильность».

Таблица 3

**Результаты кластерного анализа данных о представлении старшеклассников
о низкостатусной личности в ученической группе**

№	Количество элементов кластера	Элементы кластера	Процент выбора данной характеристики	Средний процент выбора элементов кластера
1	9	Хмурость	75%	58%
		Скрытность	71%	
		Падкость на лесть	68%	
		Наигранность	67%	
		Малорезультативность	65%	
		Тихий голос	48%	
		Застенчивость	47%	
		Ревнивость	44%	
		Инфантильность	38%	
2	3	Непредсказуемость	29%	27%
		Изменчивость	28%	
		Удовлетворение личных интересов	25%	
3	3	Агрессивность	67%	46%
		Гордость	44%	
		Властность	27%	

Следующий кластер объединяет вторичные по значимости характеристики «непредсказуемость» и «изменчивость», что говорит о закрытости целей поступков низкостатусных индивидов для остальных членов группы. Такого рода неосведомленность наталкивает респондентов на мысль о том, что аутсайдеры, идя вразрез групповым целям, стремятся «удовлетворить личные интересы».

Третий кластер, являющийся, как и первый, достаточно значимым для построения образа аутсайдера группы, описывает характер отношений к другим, а именно «агрессивность», «гордость» и «властность», что не располагает к общению с таким человеком.

Как и при анализе представлений о высоком статусе личности, представления о низком статусе члена группы являются одинаковыми при оценке респондентов разных статусных страт (приложение 3), что также подтверждает первую частную гипотезу исследования. Отметим лишь некоторые отличия. Так, высокостатусные школьники в большей степени, нежели чем представители других внутригрупповых страт, выделяют в образе аутсайдера черты «скрытность» (86% у лидеров - 69% у среднестатусных - 64% у аутсайдеров), «наигранность» (81% у лидеров - 67% у среднестатусных - 57% у аутсайдеров) и «падкость на лесть» (76% у лидеров - 67% у среднестатусных - 64% у аутсайдеров). Тем самым они подчеркивают неискренность и демонстративность, которые не дают этим школьникам поддержки со стороны остальных учащихся. Кроме того, согласованность выборов в группе высокостатусных школьников несколько выше (50%), чем у среднестатусных (44%) и низкостатусных (42%) учеников. Это может указывать на лучшее понимания причин низкой статусной позиции в группе именно школьниками – лидерами.

Качества, ведущие в образе низкостатусного ученика не свойственны старшеклассникам, занимающим низкую статусную позицию в классе. Невысокий процент выбора некоторых из анализируемых 15 качеств присущ среднестатусным и высокостатусным учащимся по их собственной оценке своего характера. К примеру, качества «застенчивость», «непредсказуемость» и «агрессивность» выделяют у себя в среднем 49% лидеров классов, 35% их среднестатусных членов и лишь 28% аутсайдеров групп. Черты «ревнивость», «гордость», «удовлетворение личных интересов», «властность» свойственны среднестатусным школьникам в 41% случаев, 31% лидеров и 27 % низкостатусных. Таким образом, мы склоняемся к гипотезе о том, что низкостатусные школьники при оценке своего характера исключают качества, способствующие формированию низкой статусной позиции в группе сверстников специально, либо неосознанно, что говорит об их некорректном восприятии себя.

Заключаящим этапом в изучении образа низкостатусного члена ученической группы старшеклассников стало изучение гендерных представлений.

В ходе анализа данных, полученных с помощью опросника С. Бем выявлено, что 95% учеников приписывают образу аутсайдера андрогинный тип гендерной идентичности. При качественной оценке 4 из 15 характеристик относятся к фемининной шкале, 3 к маскулинной, а остальные выбранные качества являются андрогинными и не содержат гендерной направленности. Таким образом, мы можем сделать вывод об отсутствии явного включения гендерного стереотипа в образ группового аутсайдера. Однако мы можем отметить незначительный, но статистически значимый разрыв в оценке значений индекса гендерных представлений (приложение И, при $p \leq 0,05$): наибольшая маскулинность проявляется в образе лидера группы, далее следует представление о себе, наиболее высокий индекс при оценке образа группового аутсайдера.

2.2.2. Структура социальных представлений старшеклассников о социальном статусе личности

В результате исследования социальных представлений старшеклассников о высоком статусе человека было получено 552 ассоциации. Статистическая обработка по факту количества ассоциаций и среднего ранга ассоциаций внутри категорий позволила выявить структуру социального представления о высоком социальном статусе в обществе (таблица 4). В нее вошли 13 валидных категорий (450 ассоциаций, $n > 17$ в каждой категории).

Ядро данного социального представления составили такие характеристики, как «высокие интеллектуальные показатели», «авторитет и влияние», «деньги, богатство». При этом категория интеллектуальных качеств имеет наиболее высокую значимость из всех групп ассоциаций (8,76) и высокую эмоциональную оценку (6,46). Подросток, находясь в условиях образовательной организации, так или иначе, усваивает варианты отношения к тому процессу, которым он занят. Исследуя социальные представления о целях школьного образования, И.А. Логинова пришла к выводу, что у учителей и родителей цели не совпадают [70]. Учителя более требовательны к результату обучения, развитию

индивидуальных способностей, нравственному воспитанию, к тому, чтобы школа готовила ребенка к трудовой жизни. У родителей более выражены требования, связанные с тем, чтобы школа воспитывала в ребенке практичность, целенаправленность и способность к общению, коммуникабельность. Исходя из разрозненности восприятия целей образования и ценностей интеллектуальности в различных группах общества, влияющих на социализацию подростка, в группу «высокие интеллектуальные показатели» нами были обобщены ассоциации «умный», «образованный», «эрудированный» и другие подобные.

Таблица 4

Структура социальных представлений школьников о высоком статусе личности в обществе

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	< 3,01	≥ 3,01
≥ 35	Высокие интеллектуальные показатели (68; 2,81)	Сильная, волевая личность (54; 3,2)
	Авторитет, влияние (60; 2,6)	Внешняя атрибутика (37; 3,05)
	Деньги, богатство (37; 2,65)	Негативные личностные качества (36; 3,14)
< 35	Власть, доминирование (28; 2,25)	Эмпатия (28; 3,25)
	Стереотипно маскулинные гендерные черты (сила, мужественность, «мужик») (25; 2,56)	Коммуникативные навыки (21; 3,38)
	Руководство (20; 2,8)	Честность (18; 3,72) Серьёзность (18; 3,78)

Следующая по значимости категория ядра представления – «авторитет, влияние» (значимость 7,98, эмоциональная окраска 5,75). В этой категории образ высокостатусного человека проявляется в высокой значимости мнений и действий субъекта в различных условиях. Понятие авторитета, в отличие от власти, носит характер внутреннего признания за индивидом права принятия ответственного решения. Третья группа характеристик «деньги, богатство» так же имеет высокую субъективную значимость (7,68), однако сниженный, по

сравнению с другими характеристиками ядра, показатель эмоциональной привлекательности (4,7). Исследуя отношение старшеклассников к деньгам, Е.Б. Филинкова установила, что последние выступают символом достижения жизненного успеха у 39,5% учащихся. При этом деньги и материальная обеспеченность зачастую находятся рядом с такими показателями жизненной удовлетворенности, как семейное благополучие, любимая работа, что отражает высокую устойчивость фактора богатства в цепочке ценностных ориентаций личности старшеклассников [125]. Таким образом, ядро социального представления о статусе включает в себя три основополагающие группы качеств, затрагивающих различные области жизни. Свое уточнение они находят при анализе периферической области представления.

Периферическую часть представления о высоком статусе личности в обществе условно можно разделить на несколько блоков, способствующих достижению характеристик, включенных в ядро. Первый блок можно описать как иерархичную по значимости структуру личностных качеств. На её вершине находится группа «волевая личность», куда включены такие ассоциации, как «целеустремленность», «трудолюбие», «сила воли». Далее идут частные характеристики: «коммуникативные навыки», «эмпатийные черты» («доброта», «отзывчивость», «дружелюбность» и др.), а так же «честность» и «серьезность» («сдержанность», «выдержка», «спокойствие» и др.). Однако в периферию входит группа негативных личностных характеристик, описывающих высокостатусного человека. К ним относятся «ложь», «жадность», «лицемерие». Данная категория описывает другой, отрицательно окрашенный (2,61), однако значимый и вполне возможный (7,47) способ достижения высокого социального статуса. Второй блок категорий уточняет причину высокой степени референтности и богатства. Сюда относятся «власть, доминирование» и «руководящие должности». Отдельно выделим блок «внешних атрибутов», который является скорее не определяющим, а производным вследствие достижения высокого статуса: «машина», «модная одежда», «мигалки», «охрана» и пр. Интересным является и тот факт, что мы смогли выделить группу «стереотипно маскулинных черт», куда относятся

прямые указания на гендерную принадлежность («сила», «мужественность», «мужчина»). При этом данная категория имеет один из самых высоких рангов (2,56), то есть в ассоциативном поле она выходит на лидирующее место.

В целом, средний показатель эмоциональной привлекательности в 13 выделенных категориях равен 5,4 (из возможных 7), что демонстрирует тенденцию видеть высокий статус в обществе, как положительную характеристику.

На втором этапе исследования нами были проанализированы ассоциации, полученные от учащихся с разным социально-психологическим статусом в учебных группах - высоким (лидеры), средним и низким (аутсайдеры). В итоге было установлено, что в представления старшекласников-лидеров о высоком статусе личности была включена 91 ассоциация. Данные ассоциации были разделены на 17 смысловых категорий (таблица 5).

Таблица 5

**Структура социальных представлений высокостатусных школьников о
высоком статусе личности в обществе**

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	< 3	≥ 3
≥ 5	Высокие интеллектуальные показатели (10; 2,6)	Сильная, волевая личность (10; 3,1)
	Честность (5; 2,6)	Авторитет, влияние (6; 3)
	Стереотипно маскулинные гендерные черты (сила, мужественность, «мужик») (5; 2,8)	Эмпатия (5; 3)
		Ответственность (5; 3,4)
Деньги, богатство (5; 3,4)		
< 5	Власть, доминирование (4; 2,5)	Негативные личностные качества (5; 3,4)
	Внешняя атрибутика (3; 2)	Серьёзность (3; 3,34)
	Работа в офисе (3; 2)	Самоуверенность (3; 4)
	Харизма (3; 2,67)	Знаменитость (3; 3,34)
		Успех (3; 4)

В ядро представления высокостатусных старших подростков попали категории «высокие интеллектуальные показатели», «честность», «стереотипно

маскулинные черты». Отметим, что эти группы качеств, скорее, указывают на внутреннюю составляющую, дополненную интеллектуальными показателями. Данный факт подтверждает и то, что в периферической зоне представления появляются категории «харизма», «ответственность», «самоуверенность». Наиболее низкие значения при оценке эмоционального отношения (менее 4 из 7 баллов) получили категории «негативные характеристики», «деньги, богатство», «внешние атрибуты», «власть, доминирование».

Таким образом, подтверждается частная гипотеза исследования о том, что значимой детерминантой положения человека в обществе для высокостатусных школьников являются личностные характеристики.

Важное отличие от других статусных категорий мы находим в наличии в зоне ядра группы маскулинных качеств. Эта группа может быть подкреплена другими гендерными ролями, традиционно относящимися к мужским и проявляющимися в периферии представления: «сильная личность», «авторитет», «ответственность», «деньги», «власть», «харизма», «серьезность», «самоуверенность», «успех». Все перечисленные категории составляют 69% периферической части. Таким образом, стереотипное восприятие человека с высоким статусом находит свое наиболее яркое отражение в представлениях высокостатусных старшеклассников.

Известно, что среднестатусные школьники являются наиболее многочисленной стратой внутри класса, которая сплачивает, налаживает позитивные отношения, а также адекватно отражает картину межличностных отношений в ученической группе [105]. Эти особенности отражаются в специфике социального представления о высоком статусе личности в обществе. Были получены 362 ассоциации, которые мы разделили на 14 категорий (таблица 6).

Зона ядра представления оказалась наиболее расширенной. В неё вошли «высокие интеллектуальные показатели», «авторитет и влияние», «деньги, богатство», «негативные личностные характеристики», «внешняя атрибутика». Концентрация высокоранговых ассоциаций в зоне ядра (66 % от общего числа)

свидетельствует об устойчивости образа высокостатусного человека в групповом сознании среднестатусных старшеклассников. Сюда относятся категории, описывающие различные аспекты высокого статуса в обществе: как внутренние, так и внешние. Обращаясь к теории С. Московичи, вспомним, что социальные представления не только регулируют внутригрупповые отношения, но также формируются под воздействием норм группы, к которой принадлежит субъект.

Таблица 6

**Структура социальных представлений среднестатусных школьников о
высоком статусе личности в обществе**

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	< 3,12	≥ 3,12
≥ 22	Высокие интеллектуальные показатели (68; 2,81)	Сильная, волевая личность (54; 3,2)
	Авторитет, влияние (60; 2,6)	
	Деньги, богатство (37; 2,65)	
	Внешняя атрибутика (37; 3,05)	
	Негативные личностные качества (36; 3,14)	
< 22	Власть, доминирование (28; 2,25)	Эмпатия (28; 3,25)
	Стереотипно маскулинные гендерные черты (25; 2,56)	Коммуникативные навыки (21; 3,38)
	Руководство (20; 2,8)	Честность (18; 3,72)
		Серьёзность (18; 3,78)
		Самоуверенность (3; 4)

Тот факт, что среднестатусные старшеклассники лучше других видят дихотомию отношений лидера – аутсайдера внутри группы, возможно, помогает им в формировании устойчивого ядра социального представления о высоком статусе в обществе. Периферическая область представления дополняет характеристики ядра и не отличается от представлений других статусных категорий.

Ассоциации низкостатусных школьников (104 характеристики) разделяются на 13 категорий (таблица 7).

Ядро социального представления о высоком статусе личности в обществе наименее сформировано у представителей данной прослойки школьного класса. В него вошли лишь две категории: «высокие интеллектуальные показатели» и «авторитет и влияние». Таким образом, значимой детерминантой положения человека в обществе для низкостатусных школьников являются внутренние характеристики. В периферической области появляется группа «конкретные известные личности», к примеру Путин В.В., Э. Че Гевара, являющейся смежной категориям власти и влияния. Исчезает из структуры категория «руководство», однако вновь, как и у высокостатусных школьников, появляется «работа в офисе» («клерки», «менеджеры»). Этот факт демонстрирует тенденцию к снижению требований аутсайдеров к достижению высокого статуса в обществе. Группа негативных черт уходит в последнюю по значению и частоте встречаемости периферическую область.

Таблица 7

**Структура социальных представлений низкостатусных школьников о
высоком статусе личности в обществе**

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	< 2,98	≥ 2,98
≥ 8	Высокие интеллектуальные показатели (14; 2,86)	Деньги, богатство (9; 3)
	Авторитет, влияние (13; 2,46)	Внешняя атрибутика (10; 3,3) Сильная, волевая личность (12; 3,34)
< 8	Стереотипно маскулинные гендерные черты (сила, мужественность, «мужик») (7; 2,14)	Негативные личностные качества (5; 3,4)
	Конкретные известные личности (6; 2,83)	Эмпатия (7; 3,29)
	Власть, доминирование (5; 2,6)	Коммуникативные навыки (6; 3,38)
	Серьёзность (4; 2,25)	Работа в офисе (6; 3,17)

Анализ структуры социального представления старшеклассников о высоком статусе личности в обществе показал различия в характеристиках ядра представления. Так, школьники-лидеры описывают образ умного, честного мужчины, где категории влияния, власти и других достижимых социальных характеристик уходят на второй план, уступая место личностным характеристикам. Социальные представления среднестатусных подростков более устойчивы в связи с наибольшим количеством ассоциаций в зоне ядра: для них высокий социальный статус ассоциируется с умным, богатым и влиятельным человеком, которого с легкостью можно идентифицировать по внешним атрибутам статуса, однако путь, с помощью которого субъект добился вершин, идет через негативные тенденции (обман и взятки). Для низкостатусных школьников человек, занимающий высокое положение в обществе является умным и авторитетным. Таким образом, подтверждается частная гипотеза исследования о том, что в старшем школьном возрасте социальные представления о высоком социальном статусе среднестатусных учащихся отличаются наибольшей категориальной наполненностью в отличие от других учеников.

Следующая частная гипотеза исследования связана с тем, что в школьных группах представления о социальном статусе включают в себя гендерные стереотипы, заключающиеся в приписывании маскулинности высокостатусным личностям. Частично она нашла свое подтверждение при анализе ассоциаций и проявилась в категории «стереотипно маскулинные гендерные черты». Для более детального изучения этого вопроса мы предложили участникам исследования ответить на вопросы методики семантического дифференциала О.Л. Кустовой. Проверка с помощью критерия Манна-Уитни различий в оценке старшеклассниками проявления маскулинных и фемининных черт в образе высокостатусного человека подтвердила проявление гендерного стереотипа ($U=2851$ при $p \leq 0,01$, приложение К). Представления о человеке, занимающем высокое положение в обществе, содержат более выраженные маскулинные качества ($X_{\text{среднее}}=5,32$) и менее выраженные, скорее являющиеся нейтральными для высокостатусного человека, фемининные ($X_{\text{среднее}}=4,00$). Так, шкала «сильная

личность» является наиболее значимой ($X_{\text{среднее}}=6,10$), следом за ней идет шкала «образованный» ($X_{\text{среднее}}=5,70$), «хорошо зарабатывает» ($X_{\text{среднее}}=5,39$). Поддерживают маскулинный образ высокостатусного человека аналитическое мышление, в противовес образному ($X_{\text{среднее}}=5,09$), а так же рационализм ($X_{\text{среднее}}=5,01$). При этом, подобная тенденция статистически значима при проверке всех статусных групп школьников (2851 при $p \leq 0,05$, приложение К). Анализ контрольных шкал также показал смещение значений в сторону маскулинности, что подтверждается одновыборочным t-критерием, где $t=10,117$ при $p \leq 0,01$ (приложение К).

Таким образом, гипотеза исследования о том, что представления о статусе личности в обществе включают в себя гендерные стереотипы и отличаются большей маскулинностью в представлениях о лидере, подтвердилась как при анализе ассоциаций по методике П. Вержеса, так и при анализе данных семантического дифференциала О.В. Кустовой.

Для выявления структурной значимости тех или иных шкал опросника проведен факторный анализ. С помощью применения метода главных компонент и с извлечением факторов с собственными значениями, превышающими единицу, вращения Варимакс с нормализацией Кайзера получено так же, как и в случае со студентами, 5 факторов (таблица 8, приложение К).

Первый фактор включает две фемининные шкалы, относящиеся к эмпатийным характеристикам: внимательность к другим и сострадание. Второй фактор обобщает качества, свойственные рассудительному и тактичному человеку: преобладание рациональности, сдержанности ($X_{\text{среднее}}=3,09$) и нейтральный показатель грубости в речи ($X_{\text{среднее}}=4,36$). Третья группа черт включает характеристики – описания досуговой деятельности высокостатусного человека, где преобладающая черта – широкий круг интересов ($X_{\text{среднее}}=5,04$). Четвертый фактор демонстрирует активную жизненную позицию высокостатусной личности, подкрепляемую хорошим заработком и некоторой долей недоверчивости ($X_{\text{среднее}}=3,75$), что ориентирует её на индивидуальные приоритеты. Наконец, завершающий фактор – сила личности, аналитическое

мышление и хорошее образование – является наиболее интересным для анализа по причине наибольшего отрыва показателей его шкал от среднего значения «4» и составляет 5,63. Это может указывать на центральность в образе высокостатусного человека именно данных характеристик и уточнять вышеописанные данные, полученные с помощью ассоциативной методики.

Таблица 8

Результат факторного анализа гендерных характеристик в представлениях старшекласников о высоком статусе личности в обществе

№ фактора	Включенные в фактор шкалы	Факторная нагрузка	Среднее значение фактора (от 1 до 7)
1	Внимательность к другим Сострадание	0,728 0,881	4,41
2	Рациональность Вспыльчивость Отсутствие грубости	0,695 -0,791 0,597	4,2
3	Умение готовить Спортивность Широкий круг интересов	0,710 0,813 0,550	4,54
4	Активность Доверчивость Хороший заработок	0,719 -0,597 0,550	4,74
5	Сильная личность Аналитическое мышление Образованность	0,688 0,780 0,463	5,63

Вспомним, что высокие интеллектуальные показатели входили в ядро социального представления школьников о высоком статусе в обществе. Отталкиваясь от данного факта, мы можем сделать вывод, что образованность ведет за собой формирование аналитического склада ума, а также волевою личность. Все это способствует достижению высокого положения в обществе, по мнению старшекласников. При этом данные качества относятся к маскулинным шкалам, что в очередной раз демонстрирует проявление гендерно - стереотипных

тенденций. В заключении анализа образа высокостатусного в обществе человека отметим, что другие факторные категории имеют достаточно усредненное значение и не могут выступать в качестве основных характеристик высокого статуса, а лишь дополняют его.

Перейдем к анализу социальных представлений старшеклассников о низком статусе личности в обществе. При проведении исследования было получено 624 ассоциаций, разделенные на 24 категории. Анализу также подвержены только те из них, где количество выборов превысило 3% от общего числа ассоциаций. Таким образом, выделено 17 категорий, включающие 545 слов-характеристик низкого статуса в обществе (таблица 9). Зона ядра включает в себе 5 категорий. Старшеклассники выделяют в качестве наиболее значимого отличия низкостатусного человека его «бедность», которая с одной стороны исходит от «пассивности и лени», а с другой – «низких интеллектуальных показателей».

Таблица 9

Структура социальных представлений школьников о низком статусе личности в обществе

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	< 3,04	≥ 3,04
≥ 32	Бедный (50; 2,2)	Эмпатия (37; 3,27)
	Низкие интеллектуальные показатели (50; 2,46)	Агрессия, злость (35; 3,31)
	Закрытый, низкая самооценка (38; 2,68)	Зависимости (33; 3,39)
	Алчный, корыстный (48; 2,98)	
	Пассивность, лень (35; 3,03)	
< 32	Конкретные личности, народности (27; 2,7)	Нецелеустремленность (29; 3,21)
	Внешние черты (20; 2,45)	Асоциальный (29; 3,52)
		Грусть (25; 3,24)
		Вызывает неуважение (24; 3,29)
		Положительные личностные качества (23; 3,78)
		Конформный (21; 3,05)
	Обычный (21; 3,19)	

Отметим, что школьники чаще, чем студенты описывали низкостатусного человека в более грубых характеристиках, применяя ассоциации «глупый», «тупой», «дурак». В связи с этим, данная категория является наиболее негативно окрашенной (1,98). Кроме того, в зону ядра включены две группы, характеризующие личностные особенности. Так, школьники представляют замкнутого, сосредоточенного на своих проблемах человека с низкой самооценкой. При этом предлагается альтернативный вариант, где низкостатусный человек проявляется в виде алчной и корыстной личности, стремящейся за счет других удовлетворить свои интересы. В целом, оба варианта связаны с пассивной позицией и бездействием. В первом случае низкостатусный человек принимает данное положение, а в другом стремиться за чей-то счет избавиться от него. Любопытно, что категория «эмпатийные качества» находится как бы на границе с ядром представления. Таким образом, школьники выделяют третью группу личностных особенностей, указывая и на положительные личностные черты, такие как отзывчивость, доброта, понимание. Эта группа как бы оправдывает человека, занимающее низкое положение в обществе.

Собственно периферическая система включает не так много характеристик и уточняет качества ядра представления. Здесь находятся группы «агрессия и злость», «зависимости», которые указывают на возможные поведенческие последствия низкого статусного положения. Меньшинство школьников более конкретны и указывают на известные личности, страны и народности (цыгане, евреи, татары, американцы, украинцы), уточняя образ видимыми чертами, например лишним весом и неопрятностью. Вторая периферическая система состоит из более частных категорий: «нецелеустремленность» и «конформность» уточняют варианты проявления пассивности и лени, «асоциальность» и «обычность» - иерархичную ступень в обществе от «серой мыши» до преступника, «грусть» демонстрирует общий настрой низкостатусного человека, а отношение самих респондентов выражается в группе «неуважение». При этом мы встречаем и положительные личностные характеристики – стабильность, ум, смелость.

В социальных представлениях группы старших школьников о статусе личности мы выделили ряд категорий, проявляющихся и при описании высокого, и при анализе низкого статуса личности в обществе. Такими являются дихотомичные группы «бедность – богатство», «высокий интеллект – низкий интеллект», а также «внешние черты» и «эмпатия». Проведя статистический анализ с помощью t-критерия Стьюдента мы получили данные, свидетельствующие о том, что данные категории имеют одинаковое распределение рангов. Таким образом, можно предположить, что для школьников ведущие категории ядра образа как низко, так и высокостатусного человека видятся как полярно противоположенные категории. Это подтверждает значимость финансовой составляющей и интеллекта для разделения статуса в обществе, по мнению респондентов.

Перейдем к описанию социального представления о низком статусе личности в обществе в группах разностатусных студентов.

Анализу ассоциаций высокостатусных школьников было подвергнуто 86 валидных ответов, разделенных на 15 категорий. В ядро заключены всего две группы: «низкий интеллект» (7; 2, 43) и «бедность» (8; 2). При этом, группа «низкий интеллект» имеет наиболее высокий показатель субъективной значимости (9,43), что говорит о значимости уровня развития для достижения определенного статуса в обществе, по мнению старшеклассников. Это можно объяснить значимостью на данном возрастном этапе выбора дальнейшей учебной деятельности, которая требует высоких интеллектуальных затрат. Большинство категорий находятся в периферической части представления. Часть из этих категорий указывает на особенности ведения деятельности: «нецелеустремленность» (7; 3), «без образования» (3; 1,67), «безответственность» (3; 2), «пассивность» (4; 2), что может быть вызвано «закрытостью и низкой самооценкой» (3; 2,33) Другая часть указывает на личностные черты: «агрессия, злость» (8; 3,25), «вредные привычки» (8; 3; 63), «алчность, корысть» (9; 3,22). При этом категория эмпатийных качеств не исключается, напротив, занимая достаточно устойчивое положение в структуре представления (7; 3,71). Наконец

третья группа черт носит уточняющий образ внешний характер: «конкретные личности, народности» (9; 3) и «внешние черты» (4; 2;25). Вторая периферическая зона включает всего два качества: «невоспитанность» (3; 3) и «неуважение» (4; 3,75). Данная структура социального представления указывает на достаточно шаблонное, стереотипное первичное восприятие образа низкостатусного человека школьниками – лидерами (всего две характеристики в зоне ядра), при этом не исключена высокая динамичность структуры представления за счет периферической зоны.

От среднестатусных учеников получено 332 ассоциации, разбитых на 16 категорий. В целом, наиболее значимая часть представления – ядро – не отличается от общего представления группы о низкостатусном человеке. Оно включает также 5 категорий: «пассивность и лень» (22; 2,82), «низкий интеллект» (34; 2,56), «бедность» (35; 2,17), «закрытость, низкая самооценка» (25; 2,64) и «алчность, корысть» (30; 2,8). При этом наивысшую субъективную значимость (7,91) и, при этом, негативное отношение к качеству (1,86), имеет группа «пассивность и лень», что выводит её на наивысшую ступень в структуре данного социального представления. Периферическая зона меньшинства также указывает на частные случаи низкого статуса в обществе (14; 2,71), а также уточняет внешние особенности данных лиц (14; 2,5). Однако периферическая зона высокочастотных, но низкоранговых ассоциаций состоит всего из двух характеристик. Здесь скорее представлены два возможных ресурса деятельности низкостатусного человека. С одной стороны это его эмпатийные качества (24; 3,29), которые не дают возможности человеку полностью уйти себя и предполагают путь в реализации положительных межличностных отношений. С другой стороны – это полностью асоциальная личность (25; 3,6), то есть человек, избравший негативный путь развития. Мы считаем, что в данном социальном представлении характеристики ядра, совпадающее с общегрупповым, наиболее логично раскрыты в периферической зоне. Оставшиеся, менее значимые характеристики, вынесены во вторую периферическую систему.

Низкостатусные старшекласники представили к анализу 115 ассоциаций, относящихся к 15 категориям. Зона ядра, как и у высокостатусных учеников, включает две характеристики, однако здесь устойчивая для всех статусных групп черта «низкий интеллект» (9; 2,11) дополняется качеством «агрессивный, злой» (9; 2,89), что подчеркивает значимость первичной оценки эмоциональной составляющей в образе низкостатусного члена общества. Периферическая часть отличается наличием характеристики «конформность» (8; 3,13), что показывает зависимость от других и дополнительно проявляется в чертах «пассивность, лень» (9; 4), «нецелеустремленность» (6; 2,5), «закрытость, низкая самооценка» (10; 2,9). При этом аутсайдеры группы приближают ближе к ядру в периферическую часть представления группу «грусть» (8; 3,13), которая также демонстрирует эмоциональную сторону в образе низкостатусного человека. В остальном же структура социального представления школьников, занимающих низкую позицию в группе сверстников не отличается от представлений высокостатусных учеников.

Подводя итог, можно сделать вывод, что для школьников - лидеров большее значение имеет низкий интеллект, который ведет к бездеятельности, а, следовательно, к бедности. Для школьников - аутсайдеров низкий интеллект низкостатусного человека связан с наиболее негативно окрашенной чертой: агрессивностью и злобой. При этом низкостатусные школьники в большей мере, нежели чем остальные члены ученической группы выделяют эмоциональную составляющую в социальном представлении о низком статусе в обществе. Следующим существенным отличием группы аутсайдеров является высокое среднее значение субъективной значимости выделенных характеристик, особенно четко проявляющееся и статистически подтверждающееся при сравнении с группой лидеров (при $p \leq 0,05$, приложение Л). В связи с тем, что характер межличностных отношений играет достаточно весомое значение в формировании личностных взглядов в старшем школьном возрасте, мы можем предположить, что низкостатусные учащиеся переносят свой личный опыт построения отношений внутри группы на представления о низком статусе в обществе, считая себя более компетентными в данном вопросе. Однако, ядро представления как

низкостатусных, так и высокостатусных школьников не отличается высокой содержательной наполненностью, что предполагает возможность динамики их представления. Среднестатусные же школьники, приближены в своем понимании образа низкостатусного человека к средним значениям по группе. Кроме того, среднестатусные учащиеся имеют наиболее расширенное ядро социального представления о низком статусе в обществе, что в очередной раз подтверждает описание их статуса, как наиболее адекватно отражающего картину внутригрупповых отношений и мнений [104].

Следующим этапом исследования является анализ проявления гендерного стереотипа в представлениях школьников о низком общественном статусе. С помощью критерия Манна-Уитни выявлено, что значения по шкале фемининности и маскулинности имеют статистически значимые различия (при $p \leq 0,05$, приложение М). Так, среднее значение по шкале фемининность составляет 4,02 из 7 баллов, что говорит о незначимости таких характеристик, как степень эмоциональной отзывчивости ($X_{\text{среднее}} = 3,49$), доверчивости ($X_{\text{среднее}} = 4,47$), вспыльчивость ($X_{\text{среднее}} = 4,74$), лексическая грубость ($X_{\text{среднее}} = 3,55$) и кулинарные способности ($X_{\text{среднее}} = 4,02$) для формирования низкой позиции в обществе. Шкала маскулинности, напротив, стремится к негативному полюсу ($X_{\text{среднее}} = 2,98$), то есть в образе низкостатусного члена общества мы наблюдаем антимаскулинные тенденции, что подтверждено статистически. При этом наиболее сильно проявляется стремление выборов к полюсам «слабая личность» ($X_{\text{среднее}} = 2,26$), «низкий заработок» ($X_{\text{среднее}} = 2,88$), «пассивность» ($X_{\text{среднее}} = 2,86$) и «узкий круг интересов» ($X_{\text{среднее}} = 2,96$). Все эти качества мы встречали при анализе ассоциаций школьников о низкостатусном человеке. Данный факт оправдывает их центральность в структуре социального представления о низком статусе.

Таким образом, в старшем школьном возрасте наблюдается связь маскулинных гендерных качеств и образа низкостатусного человека, проявляющаяся в нейтральной значимости фемининных черт и дискриминации маскулинных. Вспомним, что высокостатусный человек в представлениях

старшекласников, напротив, обладает выраженными маскулинными качествами. Данный разрыв подтвержден статистически (приложение Н). Исходя из этого, можно сделать вывод о значимой роли данных черт для того, чтобы отнести человека к определенной статусной группе в обществе у данной группы респондентов.

В заключение описания исследования взглядов старшекласников отметим схожие и различные черты их представлений о статусе в обществе и о статусе в группе (таблица 10).

Таблица 10

**Основные особенности представлений старшекласников о статусе личности
в группе и обществе**

	<i>Представления о высоком статусе в группе</i>	<i>Представления о высоком статусе в обществе</i>
<i>Общая направленность представления</i>	Морально сильная личность и эмпатийные черты.	Авторитет, богатство и интеллект.
<i>Различия внутри статусных категорий</i>	Нет значимых различий.	Различия в представлениях.
<i>Гендерный компонент</i>	Маскулинные черты в образе.	Маскулинные черты в образе.
	<i>Представления о низком статусе в группе</i>	<i>Представления о низком статусе в обществе</i>
<i>Общая направленность представления</i>	Скрытность и пассивность, демонстративность.	Замкнутость, алчность и корысть.
<i>Различия внутри статусных групп</i>	Нет значимых различий.	Различия в представлениях.
<i>Гендерный компонент</i>	Гендерные предубеждения не проявляются.	Отсутствие маскулинных черт ведет к низкому статусу.

Так, мы видим, что при анализе высокого статуса личности в обществе в зону ядра старшекласники выносят характеристики интеллекта, финансовую составляющую и авторитетность, то есть те качества, которые значимы непосредственно для самой личности, обладающей высоким статусом. Для

группового лидера более значимыми являются черты, демонстрирующие его заинтересованность в групповой деятельности, в первую очередь – помощи и понимания других. При этом для всех внутригрупповых статусных прослоек характерна такая особенность, в то время как социальные представления о высокостатусном члене общества различаются у разностатусных респондентов. Гендерный стереотип в отношении высокостатусного члена как группы, так и общества, подтвердился статистически: маскулинные черты проявляются в обоих представлениях. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что стереотипные мужские гендерные роли являются характеристикой высокого статуса на различных общественных уровнях.

Социальные представления о низкостатусном человеке в обществе заключены в категории замкнутости, алчности и корысти. Любопытно, что аутсайдер группы видится старшеклассникам как замкнутая личность, обладающая демонстративным поведением, скрывающим за собой ориентацию на собственную выгоду. Таким образом, представления как о групповом, так и о общественном аутсайдере имеют схожие тенденции. Мы не нашли статистических различий при описании образа низкостатусного члена группы студентами разных статусных страт, однако структура социальных представлений о низком статусе личности в обществе у них различна. Интересным является тот факт, что мы не обнаружили включенности гендерных стереотипов в представления об аутсайдере группы. Однако отсутствие маскулинных проявлений может являться характеристикой низкого статуса личности в обществе.

Отдельно отметим, что как при описании образа лидера группы, так и её аутайдера, высокостатусные члены классов отличались большей согласованностью выборов характеристик, что подчеркивает их компетентность в вопросе определения статуса. Низкостатусные школьники, напротив, менее компетентны в данной области.

2.3. Результаты исследования представлений студентов о статусе в группе и обществе

2.3.1. Представления студентов о статусе личности в учебной группе

Мы выделили три группы респондентов по параметрам аттракции, референтности и неформального статуса власти (рисунок 11): высокостатусные, среднестатусные и низкостатусные студенты. Исходя из сочетания данных характеристик, определялся интегральный статус каждого учащегося. Распределение студенческих групп по статусам показало преобладание среднестатусных студентов (57%) и одинаковое количество высокостатусных (21%) и низкостатусных (22%) респондентов.

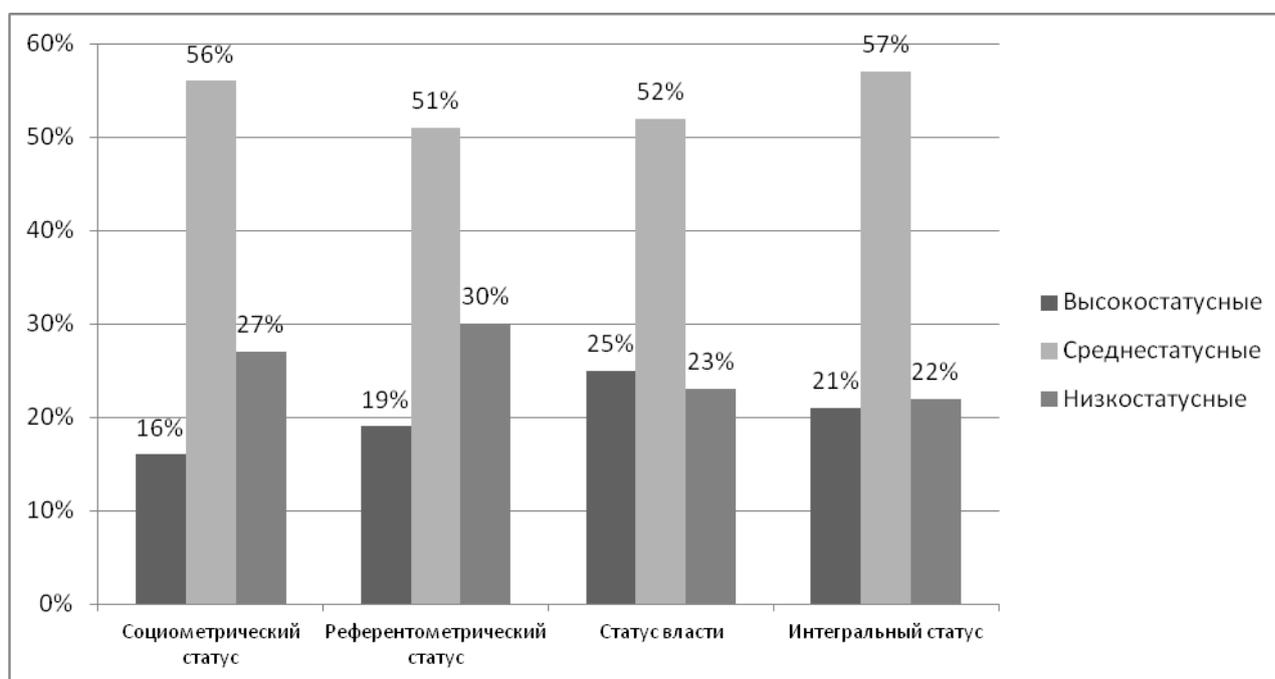

Рис. 11. Распределение статусов респондентов внутри ученической группы студентов

Из анализа характеристик, присущих образу лидера студенческой группы были отброшены признаки, набравшие менее 25% выборов. Наиболее избираемые черты: «быстрое принятие решений» (85%), «сильная личность» (83%), «вера в себя» (75%), «способность к лидерству» (75%), «склонность вести за собой» (72%), а так же «способность помочь» (70%) и «понимание других» (70%). Эти качества создают образ решительного и волевого человека, обладающего

лидерскими задатками, но, при этом, ориентированного на положительные межличностные отношения.

Для выделения групп признаков, являющихся значимыми в образе лидера студенческой группы, был применен кластерный анализ методом межгрупповой связи бинарной мерой с помощью 4-точечной корреляции фи (данная мера высчитывает корреляционные связи для дихотомических данных по аналогии с коэффициентом корреляции Пирсона). Кластеризации была подвергнута 31 характеристика из 60. В результате анализа таблицы агломерации было принято решение о выделении пяти кластеров (таблица 11, приложение О).

Первый кластер является наиболее расширенным. Однако, средний процент выбора данного кластера высокий (63%), что говорит о значимости данных категорий. Характеристики, входящие в первую группу описывают лидера студенческой ученической группы как активного и деятельного, что подтверждают качества «быстрое принятие решений», «склонность вести за собой», «настойчивость», «склонность анализировать информацию» и непосредственно «способность к лидерству». Немаловажным являются и личностные черты, дающие возможность активной деятельности. Сюда относятся характеристики «сильная личность», «вера в себя» и «самостоятельность». Третья группа первого кластера - характеристики индивидуалистической направленности, а именно «независимость», «собственная позиция» и «склонность защищать свои взгляды», что демонстрирует свободу данной статусной группы от конформности: лидер является ведущим звеном в принятии групповых решений. Отсюда появление в данном кластере категории «власть». Наконец, характеристика «привлекательность» является уточняющим фактором, отражающим общее положительное отношение группы к образу лидера.

**Результаты кластерного анализа данных о представлении студентов о лидере
ученической группы**

№	Количество элементов кластера	Элементы кластера	Процент выбора данной характеристики	Средний процент выбора элементов кластера
1	13	Быстрое принятие решений	85%	63%
		Сильная личность	83%	
		Вера в себя	75%	
		Способность к лидерству	75%	
		Склонность вести за собой	72%	
		Собственная позиция	64%	
		Самостоятельность	62%	
		Склонность анализировать информацию	61%	
		Независимость	59%	
		Настойчивость	57%	
		Склонность защищать свои взгляды	54%	
		Властность	42%	
		Привлекательность	25%	
2	6	Способность помочь	70%	47%
		Надежность	56%	
		Сила	51%	
		Забота о людях	47%	
		Умение сочувствовать	30%	
		Способность утешить	26%	
3	2	Умение дружить	57%	56,5%
		Жизнерадостность	56%	
4	7	Понимание других	70%	46%
		Честность	62%	
		Спокойствие	54%	
		Прямота	43%	
		Вежливость	43%	
4	7	Искренность	28%	46%
		Приспосабливаемость	25%	
5	3	Стремление к достижению уважения	56%	36%
		Дух соревнования	26%	
		Мужественность	25%	

Второй кластер имеет более низкую согласованность выборов респондентами (47%) и включает с одной стороны характеристики эмпатийной личности («способность помочь», «забота о людях», «умение сочувствовать», «умение утешить»), а с другой стороны отражает характер этих межличностных отношений в категории «надежность» и «сила». Здесь образ лидера выражает преданность членам его группы. Третий кластер подчеркивает дружественный настрой, необходимый лидеру для его поддержки другими статусными категориями: вряд ли она возможна без таких качеств, как «умение дружить» и «жизнерадостность», что объясняет высокий процент выбора этих категорий (56,5%).

Четвертый кластер включает как личностные характеристики «честность», «спокойствие», «вежливость», так и демонстрирует отношение к окружающим – «понимание других», «искренность», «приспосабливаемость». Таким образом, качества, включенные в этот кластер также демонстрируют поддержку остальных членов группы лидером, одна уже не личностную, которая проявлялась во втором кластере, а деловую.

Наконец, наименее значимая, второстепенная группа пятого кластера (36% выборов), показывает возможность некоторого сражения за место лидера за счет таких качеств, как «стремление к достижению уважения», «дух соревнования» и «мужественность».

Подведем итоги анализа представлений о высоком статусе личности в ученической студенческой группе. Лидер для студентов - это индивид, проявляющий, прежде всего, личное упорство и активность в деятельности, однако, помимо волевых качеств, обладающий достаточным уровнем развития эмпатии. При этом положительные отношения такого человека не наигранны, а обеспечены его реальным желанием и возможностью строить дружественные отношения на основе поддержки одноклассников как в личностном, так и в деловом плане.

Перейдем к анализу различий в представлениях о лидере группы разностатусных студентов. Статистический анализ не показал значимых различий

в распределении ответов респондентов с разным интрагрупповым статусом (приложение П), что подтверждает первую частную гипотезу исследования.

Однако существуют некоторые качественные особенности, на которых мы бы хотели остановиться. Для группы высокостатусных студентов категории, включенные в представление о лидере группы несколько изменяются. Так, в значимый анализ (т.е. анализ категорий с выбором более 25%) не попали такие категории, как «способность утешить» (16%) и «мужественность» (18%). Однако добавились категории «преданность» (38%), «удачливость» (28%), «склонность к риску» (25%) и «важность» (25%). При этом наибольший разрыв от других статусных категорий имеют характеристики «вера в себя» (81% у лидеров – 76% у среднестатусных – 70% у аутсайдеров), «склонность вести за собой» (81% у лидеров – 71% у среднестатусных – 67% у аутсайдеров) и «вежливость» (53% у лидеров – 41% у среднестатусных – 40% у аутсайдеров). Таким образом, высокостатусные члены группы подчеркивают решительность и активность в образе лидера группы, которая поддерживает его положение. Они также уточняют положительное, вежливое отношение к остальным членам группы.

Результаты среднестатусных студентов практически ничем не отличаются от общей выборки, что делает данную страту наиболее усредненной не только в плане анализа межличностных отношений, но в плане представлений о внутригрупповых процессах.

Низкостатусные студенты, так же как и высокостатусные, выделяют такие характеристики, как «преданность» (38%) и «важность» (25%), кроме того «мужественность» (33%). Наибольший разрыв от других статусных групп имеют такие эмпатийные черты, как «забота о людях» (57% у аутсайдеров – 44% у среднестатусных – 43% у лидеров) и «сострадание» (33% у аутсайдеров – 19% у среднестатусных – 16% у лидеров), что демонстрирует положительное отношение к остальным членам группы. Однако низкий процент получила категория «привлекательность» (15%), что показывает не очень располагающее отношение низкостатусных студентов к образу лидера группы.

Проверим, действительно ли качества, включенные в представления об образе лидера студенческой группы, проявляются при самооценке своей личности реальными высокостатусными студентами, либо они включены в выбор студентов других статусных групп. Любопытно, что сравнение выбора характеристик разностатусными студентами не показало статистических отличий (приложение Р). Однако, нам бы хотелось выделить некоторые качественные отличия. Процент согласованности выбора в каждой из статусных групп (преимущественно лидеров и среднестатусных) невысок, большинство из преобладающих характеристик было выбрано лишь половиной выборки, что говорит о большой вариативности личностной составляющей. Отличительным является качество «способность помочь», которое было выбрано всеми студентами ($X_{\text{среднее}} = 78\%$). Категория высокостатусных студентов – лидеров отличается резким разрывом в выборе таких характеристик, как непосредственно «способность к лидерству» (47% у лидеров – 27% у среднестатусных – 18% у аутсайдеров), «настойчивость» (41% у лидеров - 30% у среднестатусных - 21% у аутсайдеров), «прямота» (50% у лидеров - 39% у среднестатусных - 39% у аутсайдеров), «дух соревнования» (38% у лидеров - 24% у среднестатусных - 24% у аутсайдеров) и «склонность вести за собой» (28% у лидеров - 12% у среднестатусных - 9% у аутсайдеров), что говорит о твердости и решительности в действиях и характере реальных лидеров группы. Низкостатусные студенты, напротив, отличаются выбором таких качеств, как «способность помочь» (91% у аутсайдеров – 81% у лидеров – 74% у среднестатусных), «сострадание» (70% у аутсайдеров – 47% у лидеров – 44% у среднестатусных), «самостоятельность» (61% у аутсайдеров – 50% у лидеров – 48% у среднестатусных), «честность» (64% у аутсайдеров - 54% у среднестатусных – 47% у лидеров), «умение уступать» (61% у аутсайдеров – 53% у лидеров – 44% у среднестатусных) и «жизнерадостность» (61% у аутсайдеров – 47% у лидеров – 44% у среднестатусных). Данные качества ориентируют личность низкостатусного человека, с одной стороны, на положительные межличностные отношения внутри группы, однако с другой – на пассивность их позиции и некоторую

отстраненность от общих дел группы. Таким образом, желание занять высокое интрагрупповое положение у них имеется, однако в силу личностной нерешительности они находятся на низшей ступени групповой иерархии. Среднестатусные студенты выступают некоторым балластом между группой высокостатусных и низкостатусных, так как уравнивают разницу между всеми характеристиками. Средний процент выбора каждого из 60 качеств среднестатусными студентами не превышает значения выбора другими статусными группами. Таким образом, мы можем предположить, что в старшем юношеском возрасте первичными для занятия высокой интрагрупповой позиции являются категории активной деятельности и личностной твердости.

Статистически ни одна из статусных прослоек не отличается по выбору от представлений об образе лидера группы. Мы ссылаемся на вариативность выбора индивидуальных качеств, что не дало значимых отличий. Таким образом, мы не можем установить взаимосвязь между характеристиками, входящими в представления о лидере группы и качествами, действительно проявляемыми разностатусными студентами.

Наконец, отметим гендерные особенности, включенные в представления о высоком статусе личности в группе. При анализе вопросник С. Бем был рассчитан индекс, величина которого указывает на принадлежность оцениваемого параметра к одной из трех групп: «маскулинный тип», «фемининный тип», «андрогинный тип». По данному параметру мы оценили представления о лидере группы, выраженные в типе гендерных представлений, и самооценку личностных качеств у студентов, определяющую тип гендерной идентичности (рисунок 12). На гистограмме 1 мы видим, что большинство студентов приписывают лидеру андрогинный тип гендерной идентичности (55,7%), но достаточно высокий процент по сравнению с типом гендерной идентичности студентов получил маскулинный тип (43,7%), в то время как фемининный тип представлен всего одним респондентом (0,6%). Другое распределение имеет разделение гендерной идентичности студентов по типам: большинство из них относятся к андрогиному

типу (74,8%), когда как маскулинные и фемининный типы представлены меньшим количеством респондентов: 11,3% и 13,9% соответственно.

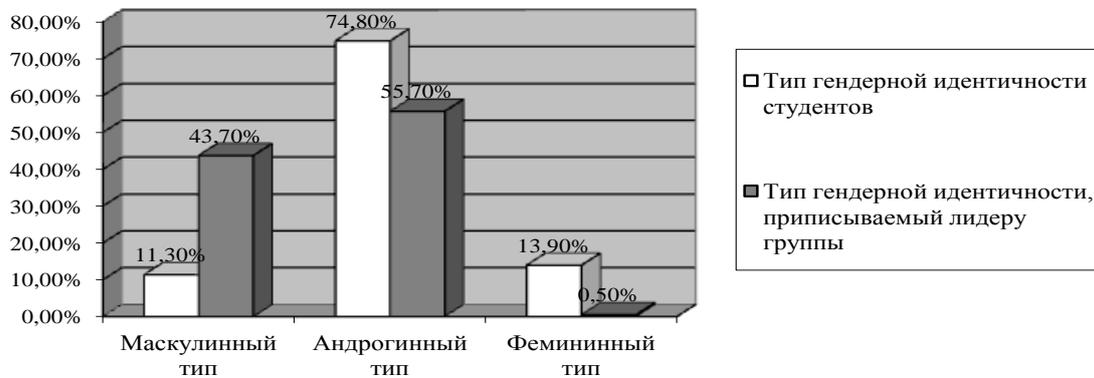

Рис 12. Тип гендерной идентичности, приписываемый лидеру группы и тип гендерной идентичности студентов

Мы сравнил индексы, полученные в ходе анализа бланков, и получили результаты, подтверждающие статистическую значимость проявления гендерного стереотипа в образе лидера группы (при $p \leq 0,01$, приложение С): представления о лидере (в сравнении с представлениями о себе) содержат более выраженные маскулинные качества. Подтверждением данного факта является также то, что характеристики, относящиеся к маскулинному типу, имеют в среднем 51% выбора, в фемининные характеристики – 21%. Кроме описанных выше данных, значимость маскулинных категорий в образе лидера группы доказывается и характером выбора качеств: практически все 20 из них были выбраны более чем 40% студентов. Исключение составили лишь «склонность к риску» (16%), «мужественность» (25%), «агрессивность» (2,6%), «удовлетворенность личных интересов» (12%) и «дух соревнования» (26%). Фемининные категории, напротив, в своем большинстве имеют низкий процент выбора, кроме категорий «понимание других» (70%), «жизнерадостность» (56%), «спокойствие» (54%) и «забота о людях» (47%).

Оценим различия в типе гендерных характеристик представителей различных статусных подгрупп внутри студенческого сообщества. Распределения типа гендерной идентичности студентов по статусам, а также типа гендерных представлений о лидере ученической группы представлены в таблице 12.

Таблица 12

Распределение типов гендерных ролей у разностатусных студентов и в их представлениях о лидере группы

Тип Статус	Тип гендерной идентичности студентов			Тип гендерных представлений о лидере группы		
	Высокий	Средний	Низкий	Высокий	Средний	Низкий
Маскулинный тип	28%	8%	3%	53%	42%	39%
Андрогинный тип	63%	80%	73%	47%	57%	61%
Фемининный тип	9%	12%	24%	0%	1%	0%

Как мы видим, гендерный стереотип в сторону маскулинизации образа лидера более всего проявляется в группе высокостатусных студентов. При этом в действительности мы наблюдаем наивысший процент маскулинного типа идентичности у реальных лидеров группы. Фемининный тип идентичности, напротив, встречается чаще в группе низкостатусных студентов, однако он практически отсутствует в представлениях о лидере.

При этом разница средних значений индекса гендерных представлений и представлений о себе является минимальной в группе лидеров (0,62) и увеличивается по мере снижения интрагруппового статуса (0,78 у среднестатусных, 0,95 у аутсайдеров). Вышеописанные данные подтверждают гипотезу исследования о том, что в студенческих группах представления о внутригрупповом статусе включают в себя гендерные стереотипы, заключающиеся в приписывании маскулинности высокостатусным личностям.

При этом мы наблюдаем наибольшую тенденцию к стереотипизации в группе высокостатусных студентов. Однако именно эта группа близка к

проявлению данного стереотипа в своем реальном поведении. Это демонстрирует адекватность понимания лидерами группы путей достижения высокого статуса и следование им.

Следующим этапом исследования стало изучение представлений студентов о человеке, занимающем низкое положение в группе. Аналогично изучению лидерской позиции, был применен вопросник С. Бем, где мы просили выделить качества человека, который никогда не сможет стать полноценным членом группы. Анализу подверглись характеристики, получившие более 20% выборов от студентов. Мы снизили пороговое значение по сравнению с данными по лидерской позиции по причине снижения общего количества выбора характеристик: при изучении представлений о лидере группы было получено 2915 выборов, в то время как о низкой статусной позиции – 1237, что на 58% меньше. В целом субъективная оценка сложности выбора характеристик при описании низкого статуса намного выше, некоторые респонденты комментировали заполнение данного вопросника фразами о том, что любой человек может быть принят группой и найти в ней себя.

Наибольший процент выбора получили такие качества, как «наигранность» (70%), «хмурость» (66%), «скрытность» (56%) и «малорезультативность» (50%). Следующие качества получили менее 40% выбора. Такой большой отрыв и высокая избирательность перечисленных четырех качеств указывает на их центральность в представлении о групповом аутсайдере. Студенты так же, как и школьники, предлагают два варианта образа низкостатусного члена группы: это либо погруженный в себя угрюмый человек, либо, напротив, демонстративный человек, желающий обратить на себя внимание. Однако, студенты выделяют обобщающее эти два варианта качество, указывающее на низкую степень включенности в общегрупповую деятельность.

Для кластерного анализа было выделено 15 категорий (таблица 13, приложение Т).

**Результаты кластерного анализа данных о представлении студентов о
низкостатусной личности в ученической группе**

№	Количество элементов кластера	Элементы кластера	Процент выбора данной характеристики	Средний процент выбора элементов кластера
1	5	Хмурость	66%	48%
		Скрытность	59%	
		Малорезультативность	50%	
		Застенчивость	35%	
		Тихий голос	28%	
2	4	Наигранность	70%	55%
		Падкость на лесть	55%	
		Агрессивность	55%	
		Гордость	39%	
3	4	Ревнивость	36%	28%
		Удовлетворение личных интересов	28%	
		Изменчивость	25%	
		Непредсказуемость	24%	
4	1	Властность	20%	20%
5	1	Инфантильность	30%	30%

Первый кластер обобщает качества, демонстрирующие зажатость и нелюдимость низкостатусного человека, ведущие за собой низкую вовлеченность в общую деятельность группы, а, следовательно, малорезультативность данного индивида. Второй кластер наоборот отражает человека демонстративного, что заключается в категориях «наигранность», «падкость на лесть», ставящего себя выше других членов группы, при этом «гордость» может доходить и до агрессивного выражения. Две первые группы качеств обладают наибольшей согласованностью выборов (48% и 55%), что говорит нам о высокой значимости данных характеристик в представлениях студентов о аутсайдере ученической группы. Таким образом, можно выделить два разнонаправленных пути, ведущих к принятию личности членами группы: с одной стороны, это зазнающееся

демонстративное поведение с агрессивными чертами, а с другой – нежелание человека идти на контакт и низкая степень значимости его деятельности для целей группы.

Следующие три кластера, скорее, дополняют эти два пути. Третья группа включает в себя черты индивидуализма: за счет стремления такого человека к удовлетворению личных интересов он предстает перед остальными членами группы как изменчивый и непредсказуемый, а качество «ревнивость» только дополняет образ ориентацией на себя и демонстративностью. Категории «власть» и «инфантильность» также являются уточняющими. С одной стороны, власть является крайним желанием добиться внимания и уважения со стороны группы, а инфантильность выражает варианты данного самоутверждения.

Отметим, что только одно из качеств, включенных в анализ представления студентов о низком статусе члена группы, проявилось при анализе образа высокостатусного человека. Категория «властность» получила 20% выборов в первом случае, и 42% - во втором. Остальные же характеристики не дублируются. При этом можно выделить ряд связанных по смыслу категорий. Так, качества индивидуалистической направленности, проявляющиеся в образе лидера группы («независимость», «собственная позиция», «самостоятельность», «склонность защищать свои взгляды») в образе аутсайдера группы находят свое гипертрофированное выражение в виде качеств «скрытность», «гордость», «удовлетворение личных интересов». Качества добровольной помощи другим и эмпатия, активно включенные в образ лидера группы здесь мы можем противопоставить демонстративному поведению, также в большей степени ориентированному на собственную личность. Таким образом, в самых общих категориях в представлениях студентов лидер является коллективистом, а аутсайдер – индивидуалистом.

Как и в случае с анализом лидера группы, статистический анализ не показал значимых различий в оценке образа низкостатусного студента разностатусными членами группы (приложение У). Таким образом, подтверждается гипотеза исследования о том, что представления об интрагрупповом статусе личности

схожи у разностатусных студентов. Все качества, проявившиеся при анализе общей выборке, имеют приблизительно равноценную значимость в каждой из страт. Однако наибольшие отличия показывает категория высокостатусных студентов. Их представления об аутсайдере выделяют в большей мере, чем остальных, качества «хмурость» (81% у лидеров – 62% у среднестатусных – 61% у низкостатусных) и «наигранность» (81% у лидеров – 67% у среднестатусных – 67% у низкостатусных). Эти два качества определяют общий настрой поведения предполагаемого аутсайдера. При этом в отличие от остальных студентов, высокостатусные выделяют для анализа категории «склонность к риску» (22%) и «мягкость» (28%), что утоняет образ аутсайдера либо как нерешительного, либо, напротив, как слишком рискованного. То есть мы можем сделать вывод, что лидеры группы лучше других подмечают тонкости поведения членов группы и более единодушны в этом моменте.

Мы сравнили процент выбора качеств, которые характерны для представления студентов о низкостатусном человеке, при самооценке студентов разных статусных подгрупп. Получены интересные результаты, статистически подтверждающие, что данные качества в различной степени проявляются в той или иной статусной прослойке студентов (при $p \leq 0,01$, приложение Ф). При этом ни одна из 15 характеристик не является ведущей у действительно низкостатусных членов группы, более всего они проявляются при самооценке либо среднестатусных, либо высокостатусных студентов, пусть и в низком проценте (в среднем 21%). Мы наблюдаем рассогласование между качествами, приписываемыми образу аутсайдера группы и качествами, свойственным реальным низкостатусным студентам по их собственной оценке.

Наконец, проверим гипотезу о включенности гендерных стереотипов в представления о статусе. Мы предположили, что образ низкостатусного человека будет включать больше фемининных характеристик, нежели чем оценка образа высокостатусного человека, а также оценка собственной личности. В действительности, из выбранных студентами 15 доминирующих качеств в образе аутсайдера, лишь четыре из них относятся к шкале фемининности вопросника

С. Бем, а три – к шкале маскулинности. Остальные характеристики – андрогинные, то есть не обладают гендерно-стереотипной спецификой. Статистические значения одновыборочного t-критерия также подтверждают, что среднее значения индекса гендерной направленности отличается от андрогинного показателя «0», однако стремится в сторону маскулинных значений ($t=-2,468$, приложение X). Однако мы выявили различия, касающиеся сравнения образа лидера и аутсайдера группы (при $p \geq 0,01$). Действительно, средний показатель индекса при анализе образа высокостатусного члена группы составил $-0,71$, в то время как в образе низкостатусного $-0,06$. Индекс гендерной идентичности респондента и индекс образа аутсайдера в целом схожи, их средние значения приближены к нейтральной (андрогинной) оценке ($0,11$ и $-0,06$ соответственно). Значимые гендерные различия не были найдены и при сравнении выборов разностатусных студентов. Таким образом, гипотеза исследования о преобладании фемининных характеристик в образе низкостатусного члена группы не нашла своего подтверждения. Тем самым, гипотеза имеет частичное доказательство.

2.3.2. Структура социальных представлений студентов о социальном статусе личности

В ходе исследования представлений студентов о высоком статусе человека в обществе было получено 763 ассоциации. Однако статистическому анализу были подвергнуты только те понятия, которые указали не менее 3% испытуемых. Таким образом, было получено 594 ассоциации. Анализ данных позволил выделить 18 групп характеристик (таблица 14). В ядро социального представления вошли два блока: авторитетность и влияние, а также власть и доминирование. Обе эти характеристики указывают на значимость высокостатусного человека в окружающей его среде, причем референтность может быть выражена через уважение, косвенное влияние на мнение других, а может проявляться в качестве прямого давления, с том числе с помощью властных полномочий. Устойчивое положение в структуре социальных

представлений о высоком статусе этих характеристик подкрепляет показатель субъективной значимости. Для категории «авторитетность и влияние» он составляет 8,44 (из возможных 10), для категории «власть и доминирование» – 8,71. Однако эмоциональная оценка позитивности этих качеств ниже значения всех остальных 18 категорий и составляет 5,77 и 5,24 соответственно.

Таблица 14

Структура социальных представлений студентов о высоком статусе личности в обществе

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	< 2,9	≥ 2,9
≥ 33	Авторитет, влияние (52; 2,35)	Сильная, волевая личность (63; 2,9)
	Власть, доминирование (41; 2,27)	Высокие интеллектуальные показатели (70; 3,03)
		Деньги, богатство (34; 3,21)
		Решительность (36; 3,47)
		Активность (41; 3,54)
< 33	Успешность (21; 1,81)	Порядочность, надежность (23, 2,96)
	Ответственность (27; 2,33)	Харизма (20; 3,10)
	Руководитель (24; 2,33)	Спокойствие, устойчивость (20, 3,25)
	Уважение (20, 2,55)	Образование (27; 3,26)
	Уверенность в себе (21; 2,81)	Коммуникативные навыки (31; 3,39)
		Эмпатия (23; 3,61)

Одна из частей периферической системы представления состоит из ассоциаций, которые часто проявляются, но имеют более низкий ранг. К этой группе относятся волевые черты личности, высокие интеллектуальные показатели, материальная составляющая (деньги, богатство), а также активность и решительность в деятельности. Данная группа характеристик может выступать с одной стороны средством достижения высокой референтности, которая отражена в зоне ядра (личностные и деятельные черты), с другой стороны – ее результатом (материальная сторона). Вторая часть периферической системы описывает

преимущественно мнение меньшинства исследуемой группы, так как включает группы ассоциаций с высоким рангом, однако низкой частотой. К ней относятся успешность, ответственность, уважение других, уверенность в себе, а также указание на занимаемые руководящие должности. Как видно, эти группы качеств более узконаправленные. Они служат для уточнения характеристик, входящих в ядро представления. При этом стоит отметить, что категория «руководство», в которую вошли такие ассоциации, как «чиновник», «президент», «директор», имеет наиболее нейтральную эмоциональную оценку (4,17 из возможных 7).

Вторая периферическая система – наименее устойчивая и подвержена ситуативным влияниям. В нее входят хорошее образование, харизма, порядочность и надежность, спокойствие и устойчивость, высокоразвитые коммуникативные качества, эмпатичные черты. Стоит отметить, что в представлениях о человеке, занимаемом высоком положении в обществе, проявляется тенденция к преобладанию маскулинных гендерных ролей (авторитет, власть, сильная личность, решительность и др.).

Следующая задача, стоящая перед нашим исследованием – выявить различия в социальных представлениях студентов различных статусных категорий. При анализе интегрального показателя статуса в группе было выделено три категории студентов: высокостатусные (лидеры) – 32 человека, 21% от выборки студентов, среднестатусные – 86 человек, 57% от выборки, низкостатусные (аутсайдеры) – 33 человека, 22% от выборки. Данное распределение говорит о представленности полной и четкой системы межличностных отношений в студенческих ученических группах, а также соотносится с результатами других эмпирических исследований [53; 97; 104].

Было установлено, что в представлениях лидеров о высоком статусе человека в обществе включено 125 ассоциаций, разделенных на 14 обобщающих характеристик, при этом в ядро вошли категории «сильная, волевая личность», «власть и доминирование», «руководство» (таблица 15). Интересен факт, что в ядро попали ассоциации, имеющие различную эмоциональную оценку: от

высокой для группы волевых качеств (6,61), до среднего показателя – «руководство» (4).

Таблица 15

**Структура социальных представлений высокостатусных студентов о
высоком статусе личности в обществе**

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	< 2,88	≥ 2,88
≥ 9	Власть, доминирование (15; 2,53)	Авторитет, влияние (12; 3)
	Сильная, волевая личность (18; 2,83)	Высокие интеллектуальные показатели (13; 3,3)
	Руководитель (11; 2,09)	
< 9	Образование (7; 2,57)	Активность (7; 3,14)
	Ответственность (5; 2,6)	Коммуникативные навыки (7; 3,14)
	Успешность (5; 2,6)	Деньги, богатство (6; 3,3)
	Уважение (6, 2,67)	Уверенность в себе (6; 3)
		Решительность (7; 3,57)

В периферическую систему попали характеристики, которые условно можно разделить на два блока. Первый из них составляют качества, уточняющие способ достижения руководящих, наделенных властью позиций. Так, «успешность» в какой-либо области вызывает «уважение» со стороны других людей, повышает «авторитет и влияние» потенциального лидера. На следующей ступени такой лестницы стоят качества, отраженные в ядре социального представления о высокостатусном человеке, а именно «руководство», «власть и доминирование». Второй блок включает в себя внутренние, личностные ресурсы, ведущие к достижению власти: «ответственность», «высокие интеллектуальные показатели», «образование». Такие группы ассоциаций, как «эмпатия», «порядочность и надежность», «спокойствие и устойчивость» не вошли в структуру социальных представлений студентов-лидеров, в отличие от представлений в других статусных подгруппах. Ее составляют скорее показатели активности, обращенные на саму личность, но не на других. Следовательно, по

мнению высокостатусных студентов, власть, руководящие должности и личностные качества, отраженные в ядре представления о высоком статусе, достигаются с помощью личной инициативы субъекта.

Ассоциации среднестатусных студентов (281 характеристика) также можно разбить на 14 обобщающих групп (таблица 16).

Таблица 16

**Структура социальных представлений среднестатусных студентов о
высоком статусе личности в обществе**

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	< 2,89	≥ 2,89
≥ 22	Авторитет, влияние (33; 2,09)	Высокие интеллектуальные показатели (39; 2,97)
		Сильная, волевая личность (31; 3,00)
		Активность (26; 3,58)
		Решительность (25; 3,48)
< 22	Власть, доминирование (20; 2,25)	Образование (14; 3,36)
	Ответственность (16; 2,38)	Харизма (15; 2,93)
		Деньги, богатство (19; 3,11)
		Коммуникативные навыки (14; 3,57)
		Порядочность, надежность (17; 3,12)

Отличительной особенностью социальных представлений этой общности является то, что в ядро представлений вошла только одна категория: «авторитет, влияние». Авторитет – это «внутреннее признание окружающими за индивидом права на принятие ответственного решения», в то время как власть – это «соотнесение господства и подчинения» [94]. Авторитет более уязвим к требованиям группы, чем приписанная властью руководящая должность (по сравнению с ядром представлений студентов-лидеров). Характеристики, поддерживающие авторитет высокостатусного члена общества, отражены в периферической зоне представлений среднестатусных респондентов.

Большинство из них описывают требования к ведению деятельности: «активность», «решительность», «ответственность», кроме того значимыми остаются группы ассоциаций «высокие интеллектуальные показатели» (показатель «образование» уходит на второй план – во вторую периферическую систему), а также «власть и доминирование», но здесь уже как вторичный фактор, идущий после достижения «авторитета и влияния». В представлениях среднестатусных студентов появляется также характеристика, не входящая в структуру других статусных категорий, а именно «харизма». Таким образом, помимо внешней активной позиции, высокостатусный член общества, по мнению представителей среднестатусной прослойки студенческих групп, обладает специфическими личностными чертами, выделяющими его на фоне других.

Структура социальных представлений низкостатусных отлична от высоко- и среднестатусных студентов и включает 108 ассоциаций, разбитых на 13 групп качеств (таблица 17). В данном случае ядро представлений состоит из категории «сильная, волевая личность», подразумевающей целеустремленность и дисциплинированность. Отличительной особенностью представления этой группы является расширение характеристик, входящих в периферическую часть. Условно их можно разделить на блок привилегий, которые получает целеустремленный человек: «власть, доминирование», «деньги, богатство» и блок, дополняющий описание человека, обладающего «сильной личностью», состоящий из крайне вариативных характеристик: «высокие интеллектуальные показатели», «ответственность», «порядочность, надежность», развитые «коммуникативные качества», а также «эмпатия» по отношению к другим, «уверенность в себе» и «активность» в деятельности. Высоко значимая для остальных студентов группа ассоциаций «авторитет и влияние» уходит в представлениях низкостатусных юношей и девушек на второй план.

Структура социальных представлений низкостатусных студентов о высоком статусе личности в обществе

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	< 2,94	≥ 2,94
≥ 8	Сильная, волевая личность (14; 2,79)	Высокие интеллектуальные показатели (18; 2,94)
		Деньги, богатство (9; 3,33)
		Активность (8; 3,75)
		Коммуникативные навыки (10; 3,3)
< 8	Уверенность в себе (5; 2,4)	Авторитет, влияние (7; 3,43)
	Власть, доминирование (6; 1,67)	Спокойствие, устойчивость (7; 3,86)
	Ответственность (6; 2,00)	Образование (6; 3,83)
	Эмпатия (7; 2,57)	
	Порядочность, надежность (5; 2,4)	

Таким образом, с понижением статусной позиции респондентов в их ученической группе, представления о высоком статусе человека в обществе изменяются следующим образом: лидеры говорят о значении руководящих должностей и властных полномочий, подкрепленных внутренним стержнем, среднестатусные студенты также отмечают значимость влияния, но уже не подкрепленного прямым давлением высокого статуса, имея в виду авторитет. В представлениях низкостатусных студентов эти характеристики уходят на второй план, уступая место категории «сильная, волевая личность», дополняют образ высокостатусного человека группы качествами, указывающими на заинтересованность в личности других людей. Тем самым образ человека, занимающего высокое положение в обществе, трансформируется с понижением группового статуса респондентов из хорошего руководителя в индивида, обладающего некоторой степенью референтности по отношению к другим, а затем в эмпатийного, личностно сильного человека.

Подобные результаты подтверждают гипотезу исследования о том, для лидеров студенческих групп значимой детерминантой положения в обществе являются властные полномочия, в то время как для низкостатусных студентов – личностные особенности. Таким образом, ядра социальных представлений студентов о статусе в обществе отличаются у представителей разных статусных категорий. Зафиксированный факт соотносится с теоретическими взглядами В. Дуаза, Дж. Виада, Б. Гафье о значимости влияния статусной структуры малых групп на формирование социальных представлений [156; 163].

Кроме того, разнятся показатели субъективной значимости ассоциаций. У лидеров наиболее ярко выступают понятия «успешность» (9,2), «активность» (8,86) и «ответственность» (8,8), у среднестатусных – «власть, доминирование» (8,8), «образование» (8,71), «авторитет, влияние» (8,73). Низкостатусные студенты, соглашаясь с остальными в оценке характеристик «ответственность» (9) и «власть, доминирование» (9), отмечают для себя группу «порядочность, надежность» (9).

Следующая зависимая переменная, рассматриваемая в данном исследовании, касается включенности гендерных стереотипов в социальные представления студентов о высоком статусе в обществе. Как было отмечено нами, в структуре социального представления студентов о высоком статусе в обществе включены такие группы характеристик, которые мы можем расценивать как стереотипно маскулинные [10; 11; 54]. К ним относятся такие качества, как «власть и доминирование», «сильная, волевая личность», «руководитель», «авторитет, влияние», «активность», «уверенность в себе», «решительность», «спокойствие, устойчивость», «образование». Данные категории занимают 40% от общего числа ассоциаций (240 ассоциаций), полученных в ходе анализа характеристик, данных студентами. Нас заинтересовал вопрос, действительно ли гендерные стереотипы проявляют себя настолько ярко в социальных представлениях о высоком статусе в обществе. Для этого проведем анализ данных, полученных с помощью методики семантического дифференциала О.Л. Кустовой.

Проверка с помощью критерия Манна-Уитни различий в оценке студентами проявления маскулинных и фемининных черт в образе высокостатусного человека статистически подтвердила проявление гендерного стереотипа ($U=2159$ при $p \leq 0,01$, приложение Ц). Маскулинные черты имеют большее проявление, нежели чем фемининные, при этом среднее значение по шкале маскулинности равно 5,5 (из возможных 7 баллов), а по шкале фемининности – 3,8, что свидетельствует о нейтральности фемининных качеств в оценке образа высокостатусного человека. Шкала «сильная личность» является наиболее значимой ($X_{\text{среднее}} = 6,4$), следом за ней идут шкалы «активный» и «образованный» ($X_{\text{среднее}} = 5,6$), «хорошо зарабатывает» и «широкий круг интересов» ($X_{\text{среднее}} = 5,5$), наиболее нейтральная маскулинная характеристика – «спортивный» ($X_{\text{среднее}} = 4,6$). Поддерживают маскулинный образ высокостатусного человека шкала аналитическое мышление, в противовес образному ($X_{\text{среднее}} = 4,9$), а так же рационализм ($X_{\text{среднее}} = 5,3$). Данные этих контрольных шкал статистически доказывают сдвиг в сторону предпочтения маскулинных черт в образе высокостатусного человека: $t=11,540$ при $p \leq 0,01$ (приложение X). При этом достоверных различий в оценке маскулинной и фемининной шкалы в образе общественного лидера по половому признаку не было обнаружено (приложение X). Это говорит о том, что как юноши, так и девушки склонны к оценке маскулинных черт, как более характерных для высокостатусного человека.

Факторный анализ шкал позволил выделить группы характеристик, имеющих корреляционные связи друг с другом, а также показать скрытые связи компонентов. С помощью применения метода главных компонент и с извлечением факторов с собственными значениями, превышающими единицу, вращения варимакс с нормализацией Кайзера получено 5 факторов (таблица 18, приложение X). Первый фактор составляют маскулинные шкалы «активность», «хороший заработок», «образованность», среднее значение которых составляет 5,6. Подобные категории были выделены нами в результате анализа ассоциаций с помощью методики Верджеса. Они входили в

периферическую систему и не позволяли нам говорить об их первичной значимости в структуре социального представления. Однако их высокая оценка с помощью метода семантического дифференциала подтверждает это и может уточнить нам путь достижения высокого авторитета и власти, отмеченных в ядре социального представления студентов о высоком статусе в обществе. В целом, активность, как личностная черта определяет направленность личности, а хорошее образование обеспечивает высокий заработок.

Таблица 18

Результат факторного анализа гендерных характеристик в представлениях старшеклассников о высоком статусе личности в обществе

№ фактора	Включенные в фактор шкалы	Факторная нагрузка	Среднее значение фактора (от 1 до 7)
1	Активность Хороший заработок Образованность	0,758 0,697 0,587	5,6
2	Внимательность к другим Сострадание	0,831 0,820	4,2
3	Аналитическое мышление Вспыльчивость Рациональность Отсутствие грубости Доверчивость	0,750 -0,590 0,568 0,555 -0,455	4,14
4	Спортивность Широкий круг интересов Сильная личность	0,814 0,618 0,566	5,5
5	Умение готовить	0,824	4,0

Второй фактор объединяет фемининные шкалы «внимательность к другим» и «сострадание» и может быть объединен категорией эмпатических черт. Среднее значение данных характеристик находится на нейтральном уровне (4,2), что говорит об их слабом проявлении в образе высокостатусного человека. Эти данные подтвердились нами при анализе свободных ассоциаций, где группа

«эмпатия» проявила себя лишь во второй периферической системе социального представления. Третий фактор имеет нейтральный средний показатель (4,14) и включает в себя контрольные шкалы «аналитическое мышление» и «рациональность», а также дополняется фемининными шкалами с низкими средними значениями, такими как «вспыльчивость», «доверчивость», «отсутствие грубости». Однако их значение некоторых из этих фемининных факторов ближе к противоположным полюсам: «спокойствие» и «недоверчивость». Таким образом, четвертый фактор может быть четко определен общей направленностью на индивидуалистический стиль, что в целом характерно для стереотипа маскулинности. Следующий немаловажный фактор (5,5) включает в себя маскулинные шкалы: «сильная личность», «широкий круг интересов», «спортивность» и демонстрирует личностные характеристики, дополняющие маскулинный образ высокостатусного в обществе человека. Заключительный пятый фактор не имеет под собой значимых оснований и включает лишь одну нейтрально оцененную студентами черту «умение готовить».

Таким образом, проведенный анализа данных семантического дифференциала позволяет сделать вывод о включенности гендерного стереотипа в образ высокостатусного в обществе человека и демонстрирует его направленность на маскулинный стиль, что подтверждает одну из частных гипотез исследования.

Перейдем к описанию социальных представлений студентов о низком статусе личности в обществе. Было получено 749 ассоциаций, но из анализа также были исключены понятия, отмеченные менее чем 3% испытуемых в каждой из статусных категорий. Увеличение валидных ассоциаций в сравнении с представлениями о высокостатусном человеке может говорить о более ярком образе низкостатусного человека в представлениях студентов (таблица 19). При этом субъективная оценка сложности заполнения опросного листа студентами о низком положении в обществе была ниже, нежели чем о высоком.

Количество ассоциаций, включенных в статистический анализ

Тип ассоциаций Тип представлений	Всего получено ассоциаций	Валидные ассоциации высокостатусных студентов	Валидные ассоциации среднестатусных студентов	Валидные ассоциации низкостатусных студентов
Представления о высокостатусном человеке	763	125	281	108
Представления о низкостатусном человеке	760	124	387	141

В зону ядра включены характеристики, которые можно разбить на три категории: особенности ведения деятельности – «пассивность, лень», личностные особенности, представленные категорией «низкая самооценка, скромность», а также ситуативные факторы: «неудачник», «бедность» (таблица 20). При этом наиболее негативно окрашенная характеристика здесь – это «неудачник» (1,91). В целом образ низкостатусного человека более вариативен, нежели образ высокостатусного. В связи с этим периферическая система представлена большим числом категорий. Собственно периферическая система состоит из «нецелеустремленности», «конформности», «низкого интеллекта», «агрессии», а также дополняется эмоциональной категорией «страдание, несчастье».

Часть, выражающая мнение меньшинства, включает «скрытность», «слабость», при чем как физическую, так и волевою, личностную, «отсутствие образования», что в целом отражает принадлежность человека к «дну» общества и указывает на его социально-экономический статус - «бомж, маргинал». Однако выделяется и группа положительных качеств: «доброта», «отзывчивость», «честность» и др., тем самым показывая, что низкостатусные люди не всегда ассоциируются с негативными характеристиками. Возможно, данные категории появились, как желание респондентов оправдать человека, занимающего низкое

положение в обществе, в качестве демонстрации толерантности по отношению к нему.

Таблица 20

Структура социальных представлений студентов о низком статусе личности в обществе

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	< 3	≥ 3
≥ 31	Пассивность, лень (81; 2,89)	Нецелеустремленность (36; 3,17)
	Низкая самооценка, скромность (57; 2,47)	Агрессия, злость (34; 3,09)
	Неудачник (43; 2,67)	Страдание, несчастье (34; 3,62)
	Бедность (39; 2,74)	Конформность, доверчивость (31; 3,55)
< 31	Скрытность (29; 2,69)	Низкий интеллект (30; 3,4)
	Без образования (29; 2,9)	Необщительность (26; 3,77)
	Слабая, бесхарактерная личность (26; 2,54)	Обычный, не выделяющийся (25; 3,04)
	Бомж, маргинал (23; 2)	Высокомерие, гордость (24; 3,42)
	Положительные, эмпатичные качества (23; 2,96)	Неопрятный, некрасивый внешний вид (23; 3,04)
	Слабость (22; 2,05)	Безответственность (23; 3,13)
		Рассеянность (23; 3,3)
		Зависимости (22; 3,23)
		Асоциальность (21; 3,43)

Вторая периферическая система социального представления, дополняя возможные причины низкостатусного положения индивида в обществе, включает «низкий интеллект», «необщительность», «высокомерие», «обычность», «безответность», «рассеянность», «зависимости» (наркотические, алкогольные, игровые), «асоциальность» (от невозможности приспособиться к нормам общества до убийц, мошенников, проституток). При этом большинство черт низкого статуса личности поддаются изменению, то есть являются либо приобретенными личностными чертами, либо указанием на образ жизни и деятельности, таким

образом, при желании измениться студенты видят возможность повышения своего статусного положения в обществе.

Отметим, что большинство групп ассоциаций являются прямой противоположностью черт, включенных в социальные представления о высоком статусе члена общества. Мы можем выделить 14 таких дихотомических категорий: «пассивность – активность», «низкая самооценка – уверенность в себе», «неудачник – успешный», «бедность – богатство», «без образования – образование», «слабая личность – сильная личность», «низкий интеллект – высокие интеллектуальные показатели», «необщительность – коммуникативные навыки», «обычный – харизма», «безответственность – ответственность», «рассеянность – спокойствие, устойчивость», а также включенность категории «эмпатия» как в представления о высоком, так и о низком статусе. При этом любопытно, что некоторые из этих дихотомических категорий имеет различную силу в структуре социального представления в зависимости от объекта представления, что подтверждено статистически с помощью t-критерия Стьюдента для независимых выборок, а также критерия Манна-Уитни (в случае невозможности применения t-критерия из-за отсутствия нормального распределения, либо неравенства дисперсий). Так, в социальном представлении о низком статусе меньший ранг, а значит, большую центральность в структуре социального представления имеют категории «пассивность – активность» ($t=-2,317$), «неудачник-успешный» ($p=,036$) (приложение Ц). В социальном представлении о высоком статусе в обществе, напротив, имеют меньший ранг такие категории, как «сильная - слабая личность» ($t=-16,426$), «ответственность – безответственность» ($t=2,168$). Таким образом, на формирование низкого в обществе статуса, по мнению студентов, оказывает влияние социальная пассивность индивида, вызывающая неудачи, в то время как высокий статус в большей мере зависит от возможности принять ответственность за свои решения за счет силы воли индивида.

Рассмотрим результаты исследования социального представления о низком статусе разностатусных представителей студенческой группы.

Ответы высокостатусных студентов включили 124 валидные ассоциации, которые были разделены нами на 15 групп. Ядро их социального представления можно представить в виде взаимосвязи характеристик следующим образом: «лень, пассивность, бездеятельность» (14; 2,43) такого человека приводят к «бедности» (8; 2,88) в связи с отсутствием стимула к работе, что, в свою очередь, порождает отношение к нему как к «неудачнику, неуспешному» (15; 2,67) и формирует «низкую самооценку» (17; 2,88) субъекта. Группа «лень, пассивность, бездеятельность» имеет наиболее высокие показатели субъективной значимости для студентов (8,5), что может говорить о первопричине низкого статуса в обществе в глазах респондентов. Таким образом, как и в описании высокого статуса, для высокостатусных студентов значимой детерминантой положения в обществе является фактор активности в деятельности. Периферическая зона представления уточняет, во-первых, причины такого образа: «низкие интеллектуальные показатели» (8; 3,63), «без образования» (7; 2,57), «нет целеустремленности» (9; 3), «бесхарактерность» (7; 1,86), «закрытость» (5; 2,8), во-вторых, говорит о последствиях – «дно общества (маргинал, бомж)» (5; 2,8), в-третьих, выражает отношение высокостатусных респондентов к нему – «страдание, несчастье, жалость» (5; 2,6).

Представления среднестатусных студентов о низком статусе личности составляют 387 понятий, поделённых на 20 категорий. В ядре социального представления расположены группы «низкая самооценка» (31; 2,13) и «бедность» (21; 2,95). Однако периферическая часть представления состоит из широкого диапазона характеристик, которые с трудом можно разделить на более крупные категории: «лень, пассивность, бездеятельность» (47; 3), «нет целеустремленности» (18; 2,83), «слабый» (13; 1,77), «обычный» (21; 3,10), «скрытный» (18; 2,67), «без образования» (15; 2,93), наивность (6; 4), «неудачник» (19; 2,58), «страдание, несчастье, жалость» (23, 3,52). Подобная структура социального представления достаточно подвижна, что может указывать на вариативность отношения каждого среднестатусного респондента к человеку, занимающему низкое положение в обществе. Отметим, что наибольшую

субъективную значимость получили группы «слабый» (8,23) и «нет целеустремленности» (8,72), что указывает на личностный ресурс, однако, так же, как и в представлениях высокостатусных студентов, описывается отношение к деятельности.

141 ассоциация низкостатусных студентов была разделена на 17 групп. Ядро представления можно так же, как и представления высокостатусных студентов, представить в виде взаимосвязи характеристик: «бесхарактерность» (10; 2,8) личности порождает «лень, пассивность, бездеятельность» (20; 2,95), что в итоге ведет к «бедности» (10; 2,2), отношение к человеку, как к «неудачнику» (9; 2,89), как крайний результат всего этого – нахождение на «дне общества (маргинал, бомж)» (8; 1,63) и отношение к миру с «агрессией, грубостью» (12; 2,25). Как мы видим, структура ядра представления аутсайдеров напоминает ядро представления высокостатусных студентов, однако оно более уточнено и включает большее количество элементов у низкостатусных. Периферическая часть состоит всего из 4-х групп, конкретизирующих личностные особенности человека, занимающего низкое положение в обществе. Это «слабость» (6; 2,5), «скрытность» (6; 2,67), «нет целеустремленности» (9; 4), «низкие интеллектуальные показатели» (5; 2,8).

Отметим, что ядро представления о низком статусе в обществе более всего расширено при оценке аутсайдерами группы (7 категорий), при этом периферическая зона – зона возможных изменений – достаточно сужена по сравнению с остальными статусными слоями (4 категории у низкостатусных, 9 – у среднестатусных, 7 – у лидеров групп). Вспомним, что в образе высокостатусного человека у лидеров группы наблюдались те же тенденции увеличения количества ассоциаций в зоне ядра представления. Мы связываем это с тем, что студенческая группа, являясь референтной средой для молодежи, может представлять собой уменьшенную копию отношений в более широкой социальной среде. При этом, по результатам исследования Ю.М. Кондратьева, члены студенческих групп 2-3 года обучения отличаются более реалистичным видением своего интрагруппового статуса, нежели чем начале обучения в ВУЗе [61]. Кроме того, одной из функций

социальных представлений является детерминация индивидуального поведения. Поэтому мы можем предполагать, что как высокостатусные, так и низкостатусные студенты опирались при ответе на вопрос исследования на субъективное понимание причины *своего* высокого или низкого статусного положения, т.е. выделенные характеристики были ассоциированы в большей степени со своим индивидуальным опытом, что вызвало увеличение количества ассоциаций в зоне ядра представления. Таким образом, гипотеза исследования о том, что ядра социальных представлений высокостатусных студентов о высоком статусе личности в обществе и низкостатусных студентов о низком статусе личности в обществе отличаются наибольшей категориальной наполненностью в отличие от других статусных слоев, подтвердилась.

Проанализируем результаты исследования включенности гендерного компонента в представления о низком статусе личности в обществе. Статистический анализ с помощью критерия Манна – Уитни показал значимость различий в оценке образа низкостатусного человека по шкалам «фемининность» и «маскулинность» ($U=19526$ при $p \leq 0,01$, приложение Ч). При этом среднее значение по шкале фемининности составило 3,8 балла, что говорит о нейтральности данных характеристик в образе низкостатусного человека, а по шкале маскулинности - 2,8 что свидетельствует не только об отсутствии выраженности маскулинных качеств в представлении о низком общественном статусе, а скорее об антимаскулинных тенденциях. Резкое различие по шкале маскулинности между оценками высокого и низкого общественного статуса подтверждается статистически ($t = -25,516$, приложение Ш). Наиболее сильно проявляется тенденция в оценке низкостатусного человека как личностно слабого ($X_{\text{среднее}} = 2,4$), пассивного ($X_{\text{среднее}} = 2,6$), а также с узким кругом интересов ($X_{\text{среднее}} = 2,87$), что подтверждает элементы ядра центрального представления, выделенные в вышеизложенном анализе данных. Как и в случае с оценкой качеств высокостатусного человека, образ низкостатусного индивида не изменяется при оценке юношами и девушками, то есть не зависит от пола респондентов (приложение Щ).

Таким образом, в данном исследовании также подтверждается связь традиционно принятых в обществе маскулинных гендерных качеств и образа низкостатусного члена: слабая выраженность маскулинных черт является характерной чертой образа человека, занимающего низкое положение в обществе.

Отметим особенности представлений студентов о статусе в обществе и о статусе в группе (таблица 21).

Таблица 21

Основные особенности представлений студентов о статусе личности в группе и обществе

	<i>Представления о высоком статусе в группе</i>	<i>Представления о высоком статусе в обществе</i>
<i>Общая направленность представления</i>	Упорство и активность, эмпатийные черты	Авторитет и влияние
<i>Различия внутри статусных категорий</i>	Нет значимых различий.	Различия в представлениях.
<i>Гендерный компонент</i>	Маскулинные черты в образе.	Маскулинные черты в образе.
	<i>Представления о низком статусе в группе</i>	<i>Представления о низком статусе в обществе</i>
<i>Общая направленность представления</i>	Скрытность, демонстративность, малорезультативность.	Пассивность, низкая самооценка, бедность, неудачник
<i>Различия внутри статусных групп</i>	Нет значимых различий.	Различия в представлениях.
<i>Гендерный компонент</i>	Гендерные стереотипы не проявляются.	Отсутствие маскулинных черт ведет к низкому статусу.

Представления о высоком статусе личности в группе и обществе у студентов имеют различные ориентации. Представления о высоком статусе личности в обществе основываются на показателях авторитета и влияния, то есть той роли, которую эти личности играют для окружающих. Представления о высоком статусе личности в группе более конкретны и ориентированы на межличностные отношения. Здесь отмечается личностный труд, а также

эмпатийные черты возможного группового лидера. Кроме того, статусное положение респондента в ученической группе не влияет на его представления о высоком статусе в группе, в то время как социальные представления о высоком статусе в обществе разностатусных студентов имеют различия. Так, студенты-лидеры склонны в больше мере выделять качества руководства, среднестатусные студенты говорят о высокой референтности, а студенты-аутсайдеры склонны опираться на эмпатийные черты. Как в образе лидера группы, так и в представлениях о высокостатусном члене общества был обнаружен гендерный стереотип: студенты склонны приписывать им маскулинные характеристики. Таким образом, гендерное неравенство, свойственное российскому менталитету, находит свое проявление в представлениях студентов.

Ядро социального представления студентов о низком статусе личности в обществе включает в себя ряд взаимосвязанных характеристик, таких как пассивность и лень, низкая самооценка, бедность и неудачи. Представления о низком статусе в группе имеют низкую степень дифференциации. Однако на первый план выходят черты либо замкнутости, либо демонстративности. Студенты подчеркивают, что такой член группы не полезен для групповой деятельности. Так же как и при анализе представлений о высоком статусе, представления о низком статусе в группе не отличаются у представителей разных внутригрупповых статусных страт, в то время как представления о низком статусе в обществе имеют отличия. Представления о низком статусе в группе не включают каких-либо особенностей, связанных с гендерными ролями. Социальные представления о низкостатусном члене общества отличаются низкой степенью маскулинности образа, при том фемининные черты имеют нейтральную оценку.

2.4. Сравнительный анализ представлений старшеклассников и студентов об интрагрупповом и социальном статусах личности

При изучении представлений о статусе личности в группе мы опирались на гипотезу об отсутствии значимых различий в представлениях старшеклассников и

студентов. Данное предположение возникло на основе анализа характерных для возраста отношений внутри референтной группы. Мы исходили от того факта, что представления о предполагаемом лидере и аутсайдере внутри группы строятся на основе требований группы к её членам. Так как объектом наших представлений выступили ученические группы, то и их цели имели общую направленность и ориентированы не только на общегрупповые задачи, но и на положительные неформальные взаимоотношения между членами сообщества.

Сравнение качеств, выбранные студентами и старшеклассниками как присущих образу лидера группы показало, что они не имеют значимых отличий. Как для школьников, так и для студентов в образе лидера группы значимы характеристики активной жизненной позиции в плане деятельности: «быстрое принятие решений», «способность к лидерству», «склонность вести за собой», сила духа, проявляющаяся в чертах «сильная личность» и «вера в себя», а так же эмпатийные черты «способность помочь» и «понимание других». Отсутствие различий подтверждено статистически ($t=0,689$ при $p \leq 0,492$).

Мы также сравнили качества, присущие образу аутсайдера группы. Характеристики «наигранность», «хмурость», «скрытность» и «малорезультативность» являются наиболее избираемыми как у студентов, так и у старшеклассников.

Таким образом, гипотеза исследования о том, что представления об интрагрупповом статусе личности схожи у разностатусных старшеклассников и студентов, подтверждается.

Мы предположили, что социальные представления студентов о статусе личности в обществе отличаются категориями ядра, а также их большей согласованностью и взаимосвязанностью в сравнении с представлениями старшеклассников.

При анализе социального представления о высокостатусном члене общества как старшеклассники, так и студенты представили достаточное число валидных ассоциаций. Однако их структура различается. Школьники выделяют в ядре представления достаточно четкие критерии, отличающего высокостатусного

члена общества: интеллект, авторитет и деньги. Студенты же в большей степени обобщают частные категории и представляют характеристики, скорее указывающие на особенность деятельности и положение индивида в иерархии общественных и межличностных отношений. Это либо авторитет и влияние (что характерно для неформальных ситуаций взаимодействия), либо власть и доминирование (формально заданные роли). При этом объединяющая ядра этих представлений характеристика «авторитет, влияние» имеет одинаковые показатели как субъективной значимости (8,44 у студентов, 8,0 у школьников), так и эмоциональной оценки (5,77 у студентов, 5,75 у школьников). Таким образом, характеристика референтности в образе общественного лидера является центральной во всех исследуемых возрастах. В то время как «власть, доминирование» проявляет себя в зоне меньшинства старшеклассников. То есть для школьников данная характеристика является значимым, но частным появлением высокой статусной позиции и не является центральным звеном представления. Для студентов же показатели «высокий интеллект» и «деньги, богатство» уходят в зону периферии, показывая с одной стороны путь достижения высокой статусной позиции, а с другой – её результат.

Исходя из различной смысловой наполненности зоны ядра представления, характеристики периферии по-разному проявляют себя в представлениях школьников и студентов. Сходно расположение черты «сильная, волевая личность» в первой периферической зоне представления, так как данная характеристика является проявлением характера индивида с высоким статусом, уточняющей черты «руководство» в периферической зоне меньшинства, а также «эмпатии» и «коммуникативных навыков» во второй периферической зоне. В остальном же социальные представления отличны. От старшеклассников были получены ассоциации, которые в большей степени описывают обобщенные характерные личностные и внешние черты в образе высокостатусного человека: «внешняя атрибутика», «негативные личностные качества», «маскулинные черты». Студенты отличаются более детальным представлением о таком индивиде, так как в их периферическую зону вошли характеристики,

способствующие плодотворной деятельности как в деловой, так и в личной сфере. Это черты «решительность», «активность», «успешность», «ответственность», «уважение», «уверенность в себе».

Перейдем к сравнению социальных представлений старшеклассников и студентов о низком статусе в обществе. Студенты включают в ядро представления о низком статусе четыре категории: «пассивность, лень», «низкая самооценка», «бедность» и «неудачник». При этом наиболее центральным является характеристика отсутствия какой-либо деятельности, которая может быть вызвана низкой самооценкой, а вести к бедности. Неудачник – это ситуативный фактор или более конкретный образ, приписываемый другими этому человеку. Интересным является тот факт, что ядро социального представления школьников о низком статусе в обществе включает в себя ряд таких же характеристик: «пассивность и лень», «бедность», «низкая самооценка». Однако центральной чертой в образе низкостатусного человека для старшеклассников является «бедность», которая может исходить как от «пассивности», «низкой самооценки», так и от «низкого интеллекта». Кроме того, школьники выделяют и возможную «алчность» низкостатусного члена общества. Любопытно и то, что максимально близко к ядру представления старшеклассников приближена категория эмпатийных черт, в то время как у студентов она находится в периферической зоне меньшинства. Таким образом, ядро представления школьников и студентов имеют схожие характеристики, но школьники обладают более расширенным ядром представления.

В случае анализа данных, полученных от студентов, периферическая зона имеет множество различных групп ассоциаций. Они уточняют возможные пути, ведущие к низкой позиции в обществе. Студенты понимают, что современные общественные отношения порождают множество причин, ведущих к низкому положению в обществе. При этом студенты выделяют как личностные черты объекта представления, так и понимание их эмоционального состояния, что отражено в категории «страдание, несчастье», находящееся в периферической зоне представления. Старшеклассники же не так подробно наполняют

смысловыми категориями зону возможных изменений. Опираясь на свой небольшой социальный опыт, школьники могут выделить лишь те категории, которые имеют большую социальную выпуклость: агрессия, зависимости, внешние черты. Кроме того, ряд старшеклассников пытается связать образ низкостатусного человека с конкретными личностями и народностями. Лишь во второй периферической части представления старшеклассников мы выявили конкретные личностные черты в образе низкостатусных, а также отношение респондентов к ним.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что структура представления студентов о высоком и низком статусе в обществе отличается большей проработанностью и логичностью, нежели чем структура данных представлений у школьников. Старшеклассники, не имея возможности опираться на субъективные знания, ориентируются на стереотипные эталоны статуса, которые они черпают от агентов социализации. Ими могут стать средства массовой информации, родители, учителя, сверстники, которые, так или иначе, упоминают принятые в культуре маркеры статуса в обществе. Студенты ВУЗов же имеют не только более развитое социальное мышление [72], но и более расширенный социальные опыт. Это дает возможность корректировать свои социальные представления, выстраивая их более четкую структуру с опорой на требования реальности (в случае предмета нашего исследования – это область деятельности), а не на стереотипы. Основываясь на этом, подтверждается частная гипотеза исследования о том, что социальные представления студентов о статусе в обществе отличаются категориями ядра, а также их большей согласованностью и взаимосвязанностью в сравнении с представлениями старшеклассников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая анализ представлений студентов о высоком и низком статусе личности в обществе и группе, подведем итоги и сформулируем следующие **ВЫВОДЫ:**

1. Детерминирующими компонентами в изучении представлений старшеклассников и студентов о статусе в группе и обществе являются возраст, интрагрупповой статус и гендерные характеристики.

2. Представления разностатусных старшеклассников и студентов об интрагрупповом статусе не имеют существенных различий, что обусловлено схожестью функционирования ученических сообществ на данных возрастных этапах. В представлениях школьников и студентов образ лидера группы содержит характеристики активной деятельности, а также черты волевой личности, способной к эмпатийным отношениям с другими. Низкостатусный член группы, напротив, отстранен от общения и ориентирован не на общегрупповую деятельность, а на собственные потребности.

3. Представления старшеклассников и студентов о социальном статусе личности имеют качественные отличия. Ядро представлений студентов о социальном статусе личности имеет более обобщенные характеристики, а периферическая часть представления логично уточняет содержание центральных элементов. Представления школьников, не имеющих богатого социального опыта, более стереотипизированы и менее связаны друг с другом.

4. В ядре социального представления старшеклассников о высоком социальном статусе личности заключены категории «высокие интеллектуальные показатели», «авторитет, влияние», а также демонстрирующие результат достижения высокого статуса – «деньги, богатство». Зона периферии представления наполнена поясняющими категориями, однако, они имеют характер внешних обобщений. Ядро социального представления старшеклассников о низком статусе в обществе содержит характеристики «бедность», «пассивность, лень», «низкие интеллектуальные показатели», «низкая самооценка», «алчность, корысть».

5. Ядро социального представления студентов о высоком статусе личности в обществе состоит из категорий «авторитет, влияние» и «власть, доминирование», достижение которых поясняют характеристики, входящие в периферическую зону. В ядре социального представления студентов о человеке, занимающем низкий статус, заключены три взаимосвязанных блока: особенности ведения деятельности – «пассивность, лень», личностные особенности – «низкая самооценка, скромность», а также ситуативные факторы – «неудачник», «бедность».

6. Ядра представлений о социальном статусе личности отличаются у представителей разных статусных категорий по количеству элементов и по их содержательной направленности как у старшеклассников, так и у студентов. При этом ядра социальных представлений высокостатусных студентов о высоком статусе в обществе и низкостатусных студентов о низком статусе в обществе отличается наибольшей категориальной наполненностью. В группах старшеклассников, напротив, среднестатусная прослойка обладает наиболее расширенным, а также приближенным к общему показателю группы ядром представления.

7. Лидеры студенческих групп в качестве значимой детерминанты положения в обществе выделяют властные полномочия, а низкостатусные студенты – силу личности. Высокостатусные и низкостатусные старшеклассники при оценке социального положения человека в первую очередь ориентируются на уровень авторитетности личности, а также её интеллектуальные показатели.

8. В представлениях как старшеклассников, так и студентов проявляются гендерные стереотипы относительно образа высокостатусного и низкостатусного человека в обществе. Маскулинные гендерные характеристики явно проявляются в образе высокостатусного человека, их слабая выраженность характеризует образ низкостатусного члена общества. Фемининные же черты в обоих случаях имеют нейтральную оценку, то есть их проявление в целом не определяет статус человека в обществе.

9. Обнаружено рассогласование характеристик, входящих в представления о своих качествах реальных лидеров и аутсайдеров ученических групп, с представлениями об этих статусных позициях в группе как в старшем школьном, так и студенческом периодах.

Таким образом, в ходе описания результатов исследования был подтвержден ряд частных гипотез, что доказывает общее предположение о том, что представления старшеклассников и студентов об интрагрупповом статусе имеют больше сходства, в то время как социальные представления о статусе личности в обществе – больше различий, что обусловлено возрастными, гендерными характеристиками учащихся, а также их положением в ученической группе.

На основании представленных выводов можно выдвинуть ряд **рекомендаций** для дальнейшей практической и исследовательской работы:

1. Статус является значимой характеристикой в старшем школьном и студенческом возрасте, так как на данных возрастных этапах происходит самоопределение индивидов в профессиональной, а значит общественной сфере. Тематические дискуссии, мастер-классы, круглые столы и другие формы групповой работы, где главной целью будет обсуждение феномена статуса в группе и обществе, в частности вопроса представлений об образе высокостатусных и низкостатусных индивидом, будут способствовать развитию социального мышления школьников и студентов, гибкости их поведения в условиях постоянно трансформирующегося общества. Всё это должно стать одной из задач работы с учащимися психологической службы учебного заведения, классных руководителей, тьюторов и кураторов. Немаловажным является психологическая работа с низкостатусными учащимися в рамках предотвращения возможных деструктивных форм поведения, а также более серьезных личностных последствий, которые могут основываться на нарушении восприятия социальной действительности вследствие непринятия индивида референтной группой.

2. Результаты исследования позволили выявить качества, входящие в структуру представления о высокостатусной личности как в группе (активность в деятельности, эмпатические черты, самоуверенность), так и в обществе (авторитетность, влияние, властные полномочия – у студентов, высокий интеллект, авторитетность, влияние, богатство – у старшеклассников). Использование результатов исследования возможно в процессе профориентационных занятий со школьниками, а также при консультировании студентов по планированию их профессионального и личностного становления. Работая с мотивированными на достижение высоких статусных позиций юношами и девушками, рекомендуется обращать внимание и развивать данные черты, что позволит им быть более компетентными в вопросах реализации своих жизненных целей.

3. В данном исследовании были изучены вопросы взаимосвязи представлений студентов и старшеклассников с внутригрупповой статусной позицией и гендерными особенностями представлений. Однако неизученными остаются другие немаловажные факторы, влияющие на формирование отношения к социально значимым феноменам, такие как социально-экономический статус респондентов, другие возрастные и профессиональные группы и др. Большое поле зависимых и при этом значимых характеристик требует внимания исследователей-психологов. Расширение понимания структуры представлений о статусе на данных возрастных этапах может внести большой вклад в понимание функционирования ученических групп и более крупных социальных сообществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абраменкова В.В. Социальная психология детства. – Москва: ПерСэ, 2008. 432 с.
2. Абульханова К.А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности). Избранные психологические труды. – Москва: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999. 224 с.
3. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. – Москва: Мысль, 1991. 299 с.
4. Андреева Г.М. Психология социального познания: учебное пособие / Г.М. Андреева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Аспект Пресс, 2009. 303 с.
5. Андреева Г.М. Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. – 5-е издание, исправленное и дополненное. – Москва: Аспект Пресс, 2006. 363 с.
6. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы: Учеб. пособие для вузов. – Москва: Аспект Пресс, 2002. 287 с.
7. Байбекова Г.П. Роль социальных представлений в развитии личности студента: Дис. ... канд. психол. наук. – Астрахань, 2003, 215 с.
8. Барчунова Т.В. «Эгоистический гендер» или Воспроизводство гендерной асимметрии в гендерных исследованиях // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 180–192.
9. Барчунова Т.В. Эксклюзия и инклюзия сообщества гендерных исследователей // Преодоление. Материалы международной весенней школы «Социальные эксклюзии в переходном обществе: пути преодоления» / Науч. ред. Ф.М. Бородкин. Новосибирск: СибНово-Центр. 2000. С. 216–226.
10. Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / Пер. с англ. – Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 336 с.

11. Бендас Т.В. Гендерная психология: Учебное пособие. – Санкт-Петербург: Питер, 2006. 431 с.
12. Бендас Т.В. Психология лидерства: Учебное пособие. – Санкт-Петербург: Питер, 2009. 448 с.
13. Бендас, Т.В. Гендерные исследования лидерства / Т.В. Бендас // Вопросы психологии: издаётся с января 1955 года / Ред. Е.В. Щедрина. 2000. №1 январь-февраль. С. 87–96.
14. Березина Е.Б. Содержание и структура обыденных представлений о болезнях в молодежной среде: Дисс. ... канд. психол. наук. – Москва, 2011.
15. Берн Ш. Гендерная психология. — Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 318 с.
16. Беспалов Д.В. Динамика лидерства в группах подростков и юношей // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования: науч.-практ. журн. 2011. № 3(12). С. 49–59.
17. Блок М.К. Социальные представления о демократии: комплексное исследование: Автореф. дис..канд. психол. наук. – Тверь, 2005. 20 с.
18. Бовина И. Б. Социальная психология здоровья и болезни: [монография] / И. Б. Бовина. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Аспект Пресс, 2008. 265 с.
19. Бовина И. Б. Стратегии исследования социальных представлений // Социологический журнал. 2011. № 3. С. 5–23.
20. Бовина И.Б. Теория социальных представлений: история и современное развитие // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 5–20.
21. Божович Л.И. Личность и её формирование в детском возрасте. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. 400 с.
22. Буева, Л. П. Социальная среда и сознание личности /Л. П. Буева. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1968. 268 с.
23. Вещева Н.С. Гендерные стереотипы и гендерные представления // Теория и практика гендерных исследований в мировой науке. – Пенза: Социосфера. -2010. № 3. С. 151–155.

24. Вовченко О.М. Гендерное равенство как социально-философская проблема: диссертация ... доктора философских наук. -- Москва, 2000. 254 с.
25. Володарская Е.А. Социально-психологическая концепция имиджа науки в обществе: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. – Москва, 2009. 46 с.
26. Володарская Е.А. Социально-психологические особенности коммуникации в межгрупповом взаимодействии науки и общества // Человеческий капитал. 2013. № 9. С. 24–28.
27. Воронцов Д.В. Гендерная психология общения. – Ростов на Дону: Изд-во ЮФУ, 2008. 208 с.
28. Гендина О. А. Трансформация гендерных представлений: парадоксальный характер и важнейшие тенденции // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2015. №2 (32). С. 277–280.
29. Гоян И.Н., Малкович М.М. Особенности семейного взаимодействия и его роль в становлении гендерных представлений детей дошкольного возраста // Проблемы современного педагогического образования. Издательство: Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (Ялта). 2015. №47-4. С. 168–177.
30. Гребенникова В. М., Щербина А. И. Инфантилизация молодежи как актуальная проблема социально-психологической безопасности государства // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 24. С. 52–56.
31. Гусева Ю.Е. Влияние социально–исторических изменений в обществе на трансформацию гендерных представлений в популярной прессе: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Санкт-Петербург, 2007.
32. Давыдов Ю.Н. Античная предыстория социальной науки // Философия науки. Вып. 6. – Москва: ИФ РАН. 2000. С. 160–186.
33. Дементий Л.И., Нечепоренко О.П. Особенности социальных представлений об успехе и успешной личности у лиц с различным социальным статусом // ОмГУ. 2007. №2. С. 37–45.

34. Дементий Л.И., Нечепоренко О.П. Прототипы неуспешного человека в сознании россиян // ОНВ. 2011. №4 (99). С. 144–147.
35. Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. – Москва: Изд-во Моск. ун-та Москва, 1987. С. 127.
36. Донцов, А.И., Стефаненко Т.Г. Социальные стереотипы: вчера, сегодня, завтра // Социальная психология: хрестоматия / сост. Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. – Москва: Аспект Пресс, 2008. С. 170–187.
37. Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. 400 с.
38. Емельянова Т.П. Репрезентация угрозы здоровью: типы социальных представлений о ВИЧ-инфицировании и СПИДе [Электр. ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2010. № 2. Педагогика. Психология.
39. Емельянова Т.П. Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 6. С. 39–47.
40. Ермилова В.П. Психологические условия возникновения и преодоления статуса «отверженный» в подростковой среде: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Тамбов: Тамбов. гос. ун-т., 2007. 22 с.
41. Женщины в обществе: реалии, проблемы, прогнозы / Отв. ред. Н.М. Римашевская. – Москва: Наука, 1991. 125 с.
42. Жолудева С.В., Рогов Е.И. Особенности профессиональных представлений сотрудников дошкольных образовательных учреждений // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2015. Том 23. № 1. С. 108–117.
43. Зимняя И.А. Педагогическая психология. Учебник для вузов. Изд. второе, доп., испр. и перераб. – Москва: Издательская корпорация «Логос», 2000. 384 с.

44. Ильин В. А. Психология лидерства: учебник для бакалавриата и магистратуры / В. А. Ильин. – Москва: Издательство Юрайт, 2015. 311 с.
45. Киреева З.А. Социально-психологическая структура аттракции и её влияние на социометрический статус личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Ярославль: Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова, 2008. 24 с.
46. Клецина И. С. Гендерная социализация. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. 92 с.
47. Клёцина И.С. Психология гендерных отношений. Теория и практика. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2004. 408 с.
48. Клецина И.С., Прохорова О.Л. Гендерная компетентность: психологическое содержание и специфика проявления в межличностных отношениях // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина: научн. журн. 2010. № 2. Т. 5. Психология. С. 38–50.
49. Ключко О.И. Отечественный вариант гендерных исследований // Общественные науки и современность. 2007. № 4. С. 172–176.
50. Книппенберг Д., Хогг М. А. Лидерство и власть. Процессы идентичности в группах и организациях / пер. с англ. – Харьков: Издательство «Гуманитарный Центр», 2012. 408 с.
51. Ковтун Г. С., Куперман А. А. Гендерные представления современной студенческой молодежи (на материале г. Владивостока) // Женщина в российском обществе. 2017. №1 (82). С. 53–63.
52. Козлов В.В., Шухова Н.А. Гендерная психология. Учебник для вузов. – Санкт-Петербург: Речь, 2010. 270 с.
53. Коломинский Я.Л. Социальная психология взаимоотношений в малых группах. Учебное пособие для психологов, педагогов, социологов. – Москва: АСТ, 2010. 446 с.
54. Кон И.С. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Введение в гендерные исследования. – Ч.1. уч. Пособие / Под ред. И.А. Жеребкиной. – Харьков: ХЦГИ, 2001; Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. С. 562–605.

55. Кон И.С. Психология ранней юности. – Москва: Просвещение, 1989. 256 с.
56. Кон И.С. Ребенок и общество: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – Москва: Издательский центр «Академия», 2003. 336 с.
57. Кондратьев М. Ю. Авторитет личности и роли в реально функционирующей малой группе // Социально-психологические проблемы образования. Вопросы теории и практики: Сборник научных трудов. Выпуск 4. Часть I / Под ред. М. Ю. Кондратьева. – Москва: МГППУ, 2006. С. 28–55.
58. Кондратьев М.Ю. Методический алгоритм определения интегрального внутригруппового статуса члена контактного сообщества // Социальная психология и общество. 2014. Том 5. № 3. С. 125–142.
59. Кондратьев М.Ю. О социально-психологическом аспекте разработки проблематики студенчества в отечественной психолого-педагогической науке [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2012. № 1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n1/50831.shtml
60. Кондратьев М.Ю., Емельянова Е.В. Социально-психологические особенности взаимосвязи самооценки и личностно-ролевой взаимопредставленности студентов // Социальная психология и общество. 2011. № 1. С. 56–73.
61. Кондратьев М.Ю., Кондратьев Ю. М. Психология отношений межличностной значимости. – Москва: ПЕР СЭ, 2006. 272 с.
62. Кондратьев Ю.М. Особенности отношений межличностной значимости и взаимовосприятия в студенческих учебных группах // Социальная психология и общество. 2012. № 2. С. 62–79.
63. Коннелл Р. Структура гендерных отношений // «Неприкосновенный запас». 2012. №3(83). С. 11–41.
64. Корж Е.М. Некоторые критерии оценки достижения жизненного успеха // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2008. № 1. С. 31–47.

65. Короченцева А.В. Представления студентов о внешнем облике политиков и отношение к ним: дис. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Д., 2006. 239 с.
66. Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М. Социальная психология малой группы: Учебное пособие для вузов. – Москва: Аспект Пресс, 2001. 318 с.
67. Кузьмин В.П. Исторические предпосылки и гносеологические основания системного подхода // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 3. С. 3–14.
68. Кулагина, И.Ю. Возрастная психология (Развитие ребенка от рождения до 17 лет): Учебное пособие / И.Ю. Кулагина. 5-е изд. – Москва: Изд-во УРАО, 1999. 176 с.
69. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. Учебник для вузов. – Санкт-Петербург: Питер, 2001. 544 с.
70. Логинова И.А. Особенности социальных представлений о целях школьного образования в различных социальных группах: Автореф. ... канд. психол. наук. – Самара, 2005.
71. Лорбер Дж. Пол как социальная категория // Альманах THESIS. 1994. Выпуск 6 (Женщина, мужчина, семья). С. 127–136.
72. Маслюк Н.А. Особенности социального мышления студентов высших и средних специальных учебных заведений: диссертация ... кандидата психологических наук. – Москва, 2006.
73. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – Москва: АСТ, Хранитель, 2006. 880 с.
74. Московичи С. Методологические и теоретические проблемы психологии // Психологический журнал. 1995. Том 16, №2. С. 3–14.
75. Мудрик А.В. Социализация вчера и сегодня. – Москва: Московский психолого-социальный институт, 2006. 432 с.
76. Мылласова О. В. Особенности гендерных представлений современных мужчин и женщин о себе [Электронный ресурс] / О. В. Мылласова // XVIII Международная конференция памяти проф. Л.Н. Когана «Культура, личность,

общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 19-20 марта 2015 г., г. Екатеринбург. – Екатеринбург: [УрФУ]. 2015. С. 2200–2210.

77. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: Учебник для студ. вузов. – 4-е изд., стереотип. – Москва: Издательский центр «Академия», 1999. 456 с.

78. Нефедова Н.И. Социальные представления об успехе // Вестник ВолГУ. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2003. №3. С. 141–147.

79. Никулин С.А., Сачкова М.Е. Особенности позиции среднестатусного подростка в системе отношений школьного класса // Психологическая наука и образование. 2010. № 5. С. 60–67.

80. Новикова Л.И. Детский коллектив и подросток. – Москва: Знание, 1979. 32 с.

81. Осипова Д. В. Особенности гендерных представлений современной молодежи // Управленческое консультирование. 2009. №4. С. 200–209.

82. Парсонс, Т. Система современных обществ: пер. с англ. / Т. Парсонс. – Москва: Аспект Пресс, 1998. 270 с.

83. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. – Москва: Мысль, 1971. 352 с.

84. Паттисон А.С. Особенности социальных представлений о русских людях у чехов и американцев: дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2011. 210 с.

85. Пащенко-де Превиль Е., Дрозда-Сенковска Е. Социальные представления об ответственности у молодежи России и Франции: кросскультурный анализ // Психологический журнал. 2013. 34(2). С. 87–98.

86. Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1988. 208 с.

87. Петровский А.В. Проблема развития личности с позиций социальной психологии // «Вопросы психологии». 1987. №1. С. 15–26.

88. Петровский А.В. Трёхфакторная модель значимого другого // Вопросы психологии. 1991. №1. С. 7–18.
89. Политова С. П. Особенности современного социального представления о личности террориста // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2007. №1. С. 131–143.
90. Почебут Л. Г., Газогарева Е.Н. Социальные представления о лидерстве // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. №1. С.125–135.
91. Почебут Л. Г., Мейжис И.А. Социальная психология». Учебное пособие. – Санкт-Петербург: Изд-во Питер, 2010. 672 с.
92. Почебут Л.Г., Безносков Д.С. Психологический анализ социальных представлений русских // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. №2. С. 15–23.
93. Практикум по гендерной психологии / Под ред. И.С. Клециной. — Санкт-Петербург: Питер, 2003. 479 с.
94. Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. – Москва: ПЕР СЭ, 2006. 176 с.
95. Радина Н.К., Никитина А.А. Социальная психология мужественности: социально – конструктивистский подход. – Москва: «Компания Боргес», 2011. 172 с.
96. Разина Т.В., Володарская Е.А. Образ идеального ученого у современной российской молодежи // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 4. С. 8–25.
97. Расходчикова М.Н. Взаимосвязь этапов вхождения в ученическую группу и статусной позиции старшеклассников и студентов: Дис. ... канд. психол. наук. – Москва: Моск. гор. психолого-пед. ун-т, 2009. 122 с.
98. Реан А. А., Коломинский Я. Л. Социальная педагогическая психология. – Санкт-Петербург: Издательство «Питер», 2000. 416 с.
99. Рогов Е.И. Особенности профессиональных представлений студентов в ходе вузовской профессионализации // Профессиональные становления: теория и реальность / под ред. Е.И. Рогова. Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2008. 160 с.

100. Рубинштейн С.Л. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн // Проблемы общей психологии. — Санкт-Петербург: Питер, 2000. 712 с.
101. Рябов О.В. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. — Москва: Ладомир, 2001. 202 с.
102. Сабельникова Е.В., Хмелева Н.Л. Инфантилизм: теоретический конструкт и операционализация // Образование и наука. 2016. №3. С. 89–105.
103. Сарджвеладзе Н.И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой. — Тбилиси: Мецниереба, 1989. 204 с.
104. Сачкова М.Е. Среднестатусный учащийся в образовательном пространстве. Монография. — Москва: Изд-во СГУ, 2011. 348 с.
105. Сачкова М.Е. Среднестатусный учащийся: онтогенетический аспект анализа. — Москва: Янус-К, 2011. 160 с.
106. Сачкова М.Е., Тимошина И.Н. Психологическое благополучие в контексте представлений студентов о высоком социальном статусе // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2016. №4. С. 80–87.
107. Селезнёва Е.В., Долотова О.Б. Представления студентов о качествах и поведении лидера // Акмеология. 2016. №4. С. 106–114.
108. Сидоренков А.В. Социальная психология малых групп: учебное пособие — Ростов на Дону: Феникс, 2012. 381 с.
109. Слаква С.П. Психология малой группы: учебное пособие — Москва: Экзамен, 2004. 160 с.
110. Слободчиков В.И. Цукерман Г.А. Интегральная периодизация общего психического развития // Вопросы психологии. 1996. №5. С. 38–51.
111. Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. — Москва: Информация XXI век, 2002. 256 с.
112. Современная психология. Состояние и перспективы исследований. Часть 3. Социальные представления и мышление личности [Текст]: материалы юбилейной научной конференции ИП РАН, 28-29 января 2002 г. — Москва:

Институт психологии РАН, 2002 – Современная психология. Состояние и перспективы исследований. Часть 3. Социальные представления и мышление личности Абульханова К. А. 2002. 288 с.

113. Солимчук А.В. Представления о социальнопсихологических характеристиках и внешнем облике неформального лидера малой группы // Science Time. 2014. № 12(12). С. 464–472.

114. Соловьева С. А., Андреева Е. А. К вопросу о проблемах формирования смысложизненных ориентиров личности в период молодости // Теория и практика общественного развития. 2015. №8. С. 253–255.

115. Степанова Л.Г. Введение в гендерную психологию: курс лекций – Москва: МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2012. 536 с.

116. Сусанова И. А. Влияние социальных представлений и аттитюдов на принятие решения в разных культурах // Известия АлтГУ. 2013. №2 (78). С. 64–67.

117. Тажутдинова Г.Ш. Влияние лидера на формирование направленности личности подростка: Монография. – Махачкала: ДИПК ПК, 2008. 84 с.

118. Тартаковская И.Н. Социология пола и семьи. - Самара, 1997, 132 с.

119. Темкина А.А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в советской России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4–15.

120. Уманский Л.И. Психология организаторской деятельности школьников: учебное пособие / Л.И. Уманский. – Москва: Просвещение, 1980. 160 с.

121. Утлик В.Э. Психологический климат студенческой группы // Инновации в образовании. №8. 2010. С. 32–42.

122. Федотова С. В. Восприятие социального статуса личности в современном российском обществе: диссертация ... кандидата Психологических наук: 19.00.05 / Федотова Светлана Владимировна; [Место защиты: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова]. – Москва, 2016. 370 с.

123. Федотова С.В. Структура социальных представлений молодежи о социальном статусе // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек в современном мире». 2015. № 4. С. 37–45.
124. Фельдштейн, Д.И. Проблемы возрастной и педагогической психологии: избранные психологические труды. – Москва: Международная педагогическая академия, 1995. 368 с.
125. Филинкова Е.Б. Отношение старшеклассников к деньгам и способам их зарабатывания // Социальная психология и общество. 2010. № 1. С. 152–173.
126. Филиппов А.А. Категория социального статуса в зарубежной и отечественной социологии / Университет им. В.И. Вернадского. // Вопросы современной науки и практики. 2012. №1. С. 306–313.
127. Ханин Ю.Л., Буланова Г.В. Статус и эмоциональное состояние личности в группах разного уровня развития // Вопросы психологии. 1981. №5. С. 124–129.
128. Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – Санкт-Петербург: издательство «Дмитрий Буланин», 2000. 303 с.
129. Хухлаев О.Е., Балашова Е.А. Социальные представления об отношениях руководства и подчинения: кросс-культурные различия // Социальная психология и общество. 2010. № 1. С. 91–105.
130. Шамионов Р.М., Тугушева А.Р. Представления о социальной успешности и самоопределении молодежи [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2009. №3.
131. Шанькова А.П. Структура социальных представлений о политическом лидере у людей с разным типом личностного конструкта «я – общество» // Идеи, гипотезы, поиск. – Магадан, 2008. Вып. 15. С. 11–14.
132. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. – Москва: Ин-т психологии РАН; КСП+; Акад. проект, 1999. 448 с.
133. Шмуракова М.Е. Взаимосвязь осознания и переживания младшими подростками межличностных отношений в классе с их индивидуальными

характеристиками: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Минск: Белорус. гос. пед. ун-т им. Максима Танка, 2001. 19 с.

134. Шустова А.В. Социальные представления различных социальных групп о гражданском обществе в современной России: Автореф. дис. канд. психол. наук. – Москва, 2012. 21 с.

135. Щедрина Е. В. Значимый круг общения и способы его экспериментального выявления // Социально-психологические проблемы формирования личности и учебно-воспитательного коллектива / Под ред. Е. В. Шороховой и др. Москва: Б. и., 1975. С. 134–141.

136. Эксакусто Т.В., Вакуленко В.Н. Гендерные представления мужчин, воспитывавшихся в неполных семьях // Современные проблемы науки и образования. 2014. №6. URL: <http://www.science-education.ru/120-16759>

137. Эльконин Д.Б. Психическое развитие в детских возрастах: избранные психологические труды / Д.Б. Эльконин. – Издание 2-е, стереотипное. – Москва: Институт практической психологии ; Воронеж: НПО МОДЭК, 1997. 416 с.

138. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Пер. с англ. – Москва: Флинта, 2006. (Серия: Библиотека зарубежной психологии). 342 с.

139. Юркова Е. В., Клецина И. С. Гендерные роли // Гендерная психология: хрестоматия / сост. Е. Е. Ли. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та. 2010. С. 100–103.

140. Юферева Т. И. Образы мужчин и женщин в сознании подростков // Вопросы психологии. 1985. №3. С.84–91.

141. Якимова Е.В. Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы. – Москва: Инион, 1999. 115 с.

142. Abric J.-C. A structural approach to social representations. In K. Deaux & G. Philogène (Eds.) // Representations of the Social. – Oxford, UK, Malden, MA: Blackwell.2011. P. 42–47.

143. Abric J.-C. L'analyse structurale des représentations sociales// Les méthodes des sciences humaines / Sous la dir. S. Moscovici, F. Buschini. – P.: Presses Universitaires de France. 2003. P. 375–392.

144. Abric J-C. La recherche du noyau central et de la zone muette des représentations sociales // *Méthodes d'étude des représentations sociales* / J-C. Abric. Ramonville Saint-Agne, 2003.
145. Bauer M.W., Gaskell G. Social representations theory: a progressive research programme for social psychology // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2008. 38 (4). P. 335–353.
146. Bauer M.W., Gaskell G. Towards a paradigm for research on social representations // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 1999. 29 (2). P. 163–186.
147. Clemans K.H., De Rose L.M. Gender in Adolescence: Applying a Person-in-Context. Approach to Gender Identity and Roles // *Handbook of Gender Research in Psychology* / J.C. Chrisler, D.R. McCreary. – New York: Springer, 2010. P. 527–557.
148. Clémence A. Sens et analyse des différences dans les représentations sociales // *Méthodes d'étude des représentations sociales* / J-C. Abric. – Ramonville Saint-Agne: Erès. 2003. P. 165–178.
149. Codol. J.P. Note terminologique sur l'emploi de quelques expressions concernant les activités et processus cognitifs en psychologie sociale // *Bulletin de Psychologie*. 1969. 23. P. 63–71.
150. Daalmans S., Kleemans M., Sadza A. Gender Representation on Gender-Targeted Television Channels: A Comparison of Female- and Male-Targeted TV Channels in the Netherlands // *Sex Roles*. 2017.v. 77.Issue 5–6. P. 366–378.
151. Dany L. From the Study of Social Practices to the Study of «Distance to the Object» // *Papers on Social Representations*. 2016. Volume 26. Issue 2. P. 6.1–6.19.
152. Dany L., Apostolidis T., Harabi S. Distance to the object and social representations: replication and further evidences // *Spanish journal of social psychology*. 2014. vol.17. P.1–9.
153. de Rosa A.S. Social Representations and Attitudes: Problems of coherence between the theoretical definition and procedure of research // *Papers on Social Representations*. 1993. 2(3). P. 178–192.

154. Doise W. Human rights studied as normative social representations // *Representations of the social: bridging theoretical traditions* / Ed. by K. Deaux, G. Philogène. – Oxford: Blackwell Publishers. 2001. P. 96–112.
155. Doise W. Introduction: Self as social representation? // *Social Identity. International perspectives.* – London: Sage, 1998. 269 p.
156. Doise W., Clémence A., Lorenzi-Cioldi F. Représentations sociales et analyses des données. Collection «Vies Sociales». Grenoble: Presses Universitaires. 1992. 261 p.
157. Doise W., Spini D., & Clémence A. Human rights studied as social representations in a cross-national context // *European Journal of Social Psychology.* 1999. 29(1). P. 1–29.
158. Duveen G. The development of social representations of gender // *Papers on social representations.* 1993. 2. P. 171–177.
159. Duveen G., Lloyd B. Introduction // *Social representations and the development of knowledge* / Ed. by G. Duveen, B. Lloyd. Cambridge: Cambridge University Press. 1990. P. 3–20.
160. Feiring C. Gender identity and the development of romantic relationships in adolescence // *The development of romantic relationships in adolescence.* – New York: Cambridge University Press. 1999. P. 211–232.
161. Flament C. Structure, dynamique et transformation des représentations sociales // In J. C. Abric (Ed.), *Pratiques sociales et représentations.* – Paris: PUF. 1994. P. 37–58.
162. Flament C., Rouquette M.-L. Anatomie des idées ordinaires. – Paris: Armand Colin, 2003. 176 p.
163. Gaffié B. Confrontations des Représentations Sociales et construction de la réalité. *Journal International sur les Représentations Sociales.* 2004. Vol. 2, n. 1. P. 6–19.
164. Guimelli C. Le modèle des schèmes cognitifs de base (SCB): Méthodes et applications // *Méthodes d'étude des représentations sociales* / Sous la dir. JC. Abric. – Ramonville Saint-Agne: Erès. 2003. P. 119–143.

165. Guimelli C. Pratiques nouvelles et transformation sans rupture d'une représentation sociale. La représentation de la chasse et de la nature // In. J.L. Beauvois, R.V. Joule & J.M. Monteil (Eds.). Perspectives cognitives et conduites sociales. 1989. V. 2. P. 117–138.
166. Guimelli C., Jacobi D. Pratiques nouvelles et transformation des représentations sociales // Revue Internationale de Psychologie Sociale. 1990. 3(3). P. 307–334.
167. Handbook of the Psychology of Women and Gender / edited by R.K. Unger. – Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons Inc. 2004. 556 p.
168. Howarth C. A social representation is not a quiet thing: exploring the critical potential of social representations theory // British journal of social psychology. 2006. 45 (1). P. 65–86.
169. Jodelet D. Social representations: the beautiful invention // Journal for the theory of social behavior. 2008. 38(4). P. 411–430.
170. Kenneavy K. Adolescent gender attitudes: structure and media influence: Unpublished doctoral dissertation. – Chapel Hill: University of North Carolina, 2008. 208 p.
171. Lobel T., Nov-Krispin N. Gender Discriminatory Behavior During Adolescence and Young Adulthood: A Developmental Analysis // Journal of Youth and Adolescence. 2004. Vol. 33, № 6. P. 535–546.
172. Markova I. Amédée or how to get rid of It: Social representations from a dialogical perspective // Culture and Psychology. 2000. 6 (4). P. 419–460.
173. Markova I., Moodie E., Farr R., Drozda-Senkowska E., Eros F., Plichtova J., Gervais M., Hoffmannova J., Millerova O. Social representations of the individual: a post-communist perspective // European journal of social psychology. 1998. V. 28. № 5. P. 797–827.
174. Moliner P. Une approche chronologique des représentations sociales // La dynamique des représentations sociales / Ed. by P. Moliner. – Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble. 2001. P. 245–268.

175. Moliner P., Vidal J. Stéréotype de la catégorisation et noyau de la représentation sociale // *Revue internationale de psychologie sociale*. 2003. Vol. 16. P. 157–176.
176. Moscovici S. *La Psychanalyse: Son image et son public*. 2ème ed. – Paris: Presses Universitaires de France, 1976. 506 p.
177. Moscovici S. The history and actuality of social representations // *The psychology of the social* / Ed. by U. Flick. – Cambridge: Cambridge University Press. 1998. P. 209–247.
178. Moscovici S. The phenomenon of social representations // *Social representations: Explorations in social psychology*. S. Moscovici / Ed. by G. Duveen. – New York: New York University Press. 2000. P. 18–77.
179. Mugny G., Souchet L., Quiamzade A., Codaccioni C. Processus d'influence sociale et représentations sociales // In P. Rateau & P. Moliner (Eds.), *Représentations sociales et processus sociocognitifs*. – Rennes: PUR. 2009. P. 123–149.
180. Peltea B.B. Impact of change in social representations regarding gender roles and its reflection in motion pictures // *Procedia: Social and Behavioral Sciences*. 2015. 187. P. 384–389.
181. Schneider D.J. *The psychology of stereotyping*. – New York: The Guilford Press. 2004. 705 p.
182. Serrano O., Serena E. The potential of social representations theory (srt) for gender equitable research // *Acta colombiana de psicología*. 2013. 16(2). P. 63-70.
183. Shaffer D. *Social and Personality Development*. – Belmont: Wadsworth Pub Co. 2009. 623 p.
184. Show M.E. *Group Dynamics: the Psychology of Small Group Behavior*. – New York: Hill Book Company. 1976. 464 p.
185. *The Developmental Social Psychology of Gender* / edited by Eckes T., Trautner H.M. – Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates. 2000. 475 p.
186. *The Psychology of the Social*. – Cambridge University Press. 1998. 285 p.

187. Vergès P. L'Evocation de l'argent: Une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // Bulletin de psychologie. 1992. Tome XLV. № 405. P. 203–209.

188. Wagner W. Queries about social representation and construction // Journal for the Theory of Social Behaviour. 1996. 26. P. 95–120.

189. Wagner W., Valencia J., Elejabarrieta F. Relevance, discourse and the “hot” stable core of social representations – A structural analysis of word associations // British journal of social psychology. 1996. V. 35. №3. P. 331–351.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Кластерный анализ характеристик в представлениях о высоком статусе личности в ученической группе старшекласников

Порядок агломерации (кластеров)

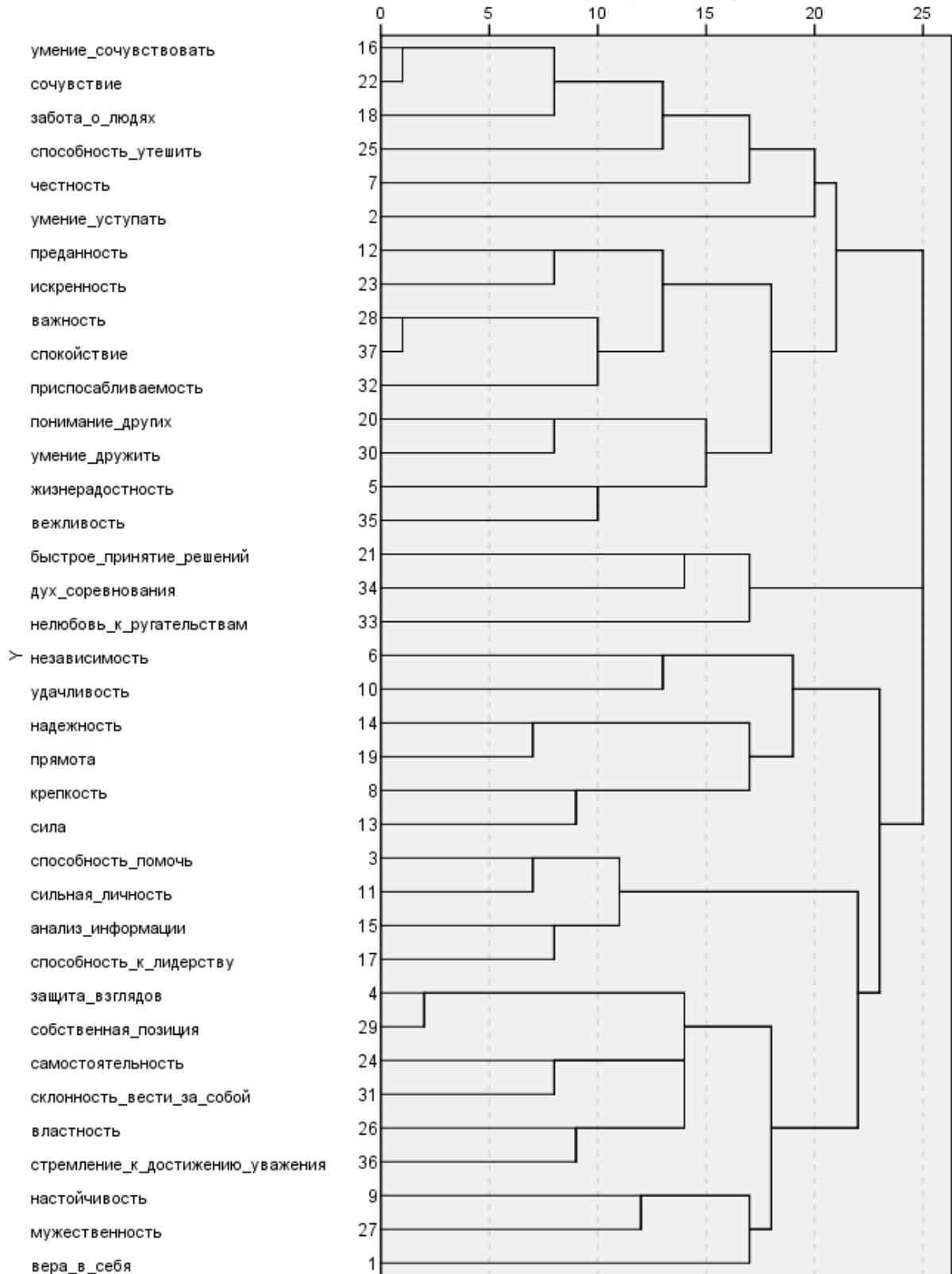
Этап	Объединенный кластер		Коэффициенты	Этап первого появления кластера		Следующий этап
	Кластер 1	Кластер 2		Кластер 1	Кластер 2	
	1	16		22	,457	
2	28	37	,454	0	0	13
3	4	29	,436	0	0	22
4	3	11	,342	0	0	15
5	14	19	,337	0	0	25
6	12	23	,335	0	0	17
7	15	17	,332	0	0	15
8	20	30	,331	0	0	23
9	16	18	,326	1	0	19
10	24	31	,321	0	0	20
11	26	36	,309	0	0	20
12	8	13	,304	0	0	25
13	28	32	,301	2	0	17
14	5	35	,301	0	0	23
15	3	15	,276	4	7	33
16	9	27	,266	0	0	26
17	12	28	,249	6	13	29
18	6	10	,244	0	0	30
19	16	25	,235	9	0	24
20	24	26	,229	10	11	22
21	21	34	,228	0	0	27
22	4	24	,222	3	20	28
23	5	20	,199	14	8	29
24	7	16	,174	0	19	31
25	8	14	,170	12	5	30
26	1	9	,167	0	16	28
27	21	33	,164	21	0	35
28	1	4	,154	26	22	33
29	5	12	,148	23	17	32
30	6	8	,142	18	25	34
31	2	7	,118	0	24	32
32	2	5	,096	31	29	36
33	1	3	,086	28	15	34
34	1	6	,070	33	30	35
35	1	21	,042	34	27	36
36	1	2	,026	35	32	0

Принадлежность к кластерам

Наблюдение	Кластеры 6
вера_в_себя	1
умение_уступать	2
способность_помочь	3
защита_взглядов	1
жизнерадостность	4
независимость	5
честность	2
крепкость	5
настойчивость	1
удачливость	5
сильная_личность	3
преданность	4
сила	5
надежность	5
анализ_информации	3
умение_сочувствовать	2
способность_к_лидерству	3
забота_о_людях	2
прямота	5
понимание_других	4
быстрое_принятие_решений	6
сочувствие	2
искренность	4
самостоятельность	1
способность_утешить	2
властность	1
мужественность	1
важность	4
собственная_позиция	1
умение_дружить	4
склонность_вести_за_собой	1
приспосабливаемость	4
нелюбовь_к_ругательствам	6
дух_соревнования	6
вежливость	4
стремление_к_достижению_уважения	1
спокойствие	4

Дендрограмма с использованием метода межгрупповых связей

Совмещение кластера перемасштабированных расстояний

Приложение Б

Сравнение распределения выбора характеристик, присущих образу высокостатусного члена группы между представителями различных статусных слоев старшеклассников

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Знач.	Решение
1	Распределение о_лидере_группы является одинаковым для категорий статус.	Критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок	,977	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

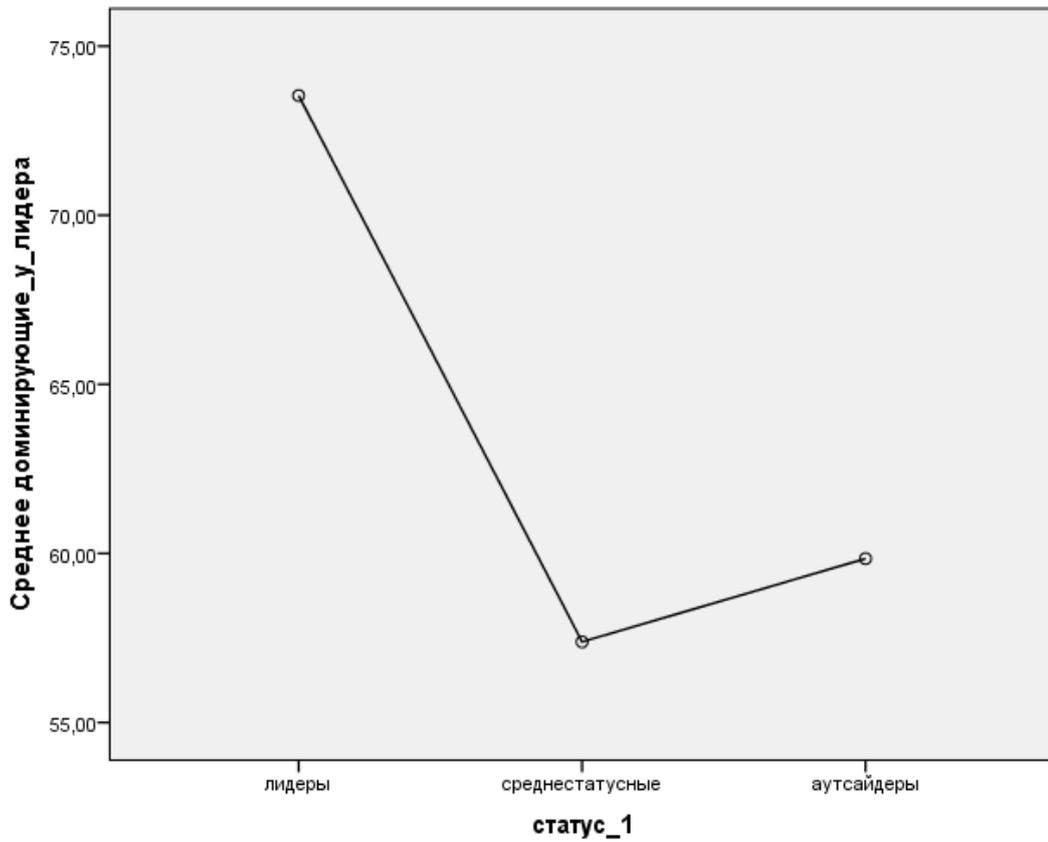
Приложение В

Сравнение характеристик, доминирующих в выборе высокостатусных школьников в представлениях о высоком статусе члена группы с другими респондентами

ANOVA

доминирующие у лидера

	Сумма квадратов	ст.св.	Средний квадрат	F	Знач.
Между группами	1969,436	2	984,718	3,288	,049
Внутри групп	10780,000	36	299,444		
Всего	12749,436	38			

Различия между самооценкой характеристик различных статусных групп
старшекласников

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Знач.	Решение
1	Распределения лидеры, среднестатусные and аутсайдер одинаковы.	Двухфакторный ранговый дисперсионный анализ Фридмана для связанных выборок	,758	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Различия между оценкой образа лидера и самооценкой своей личности у
старшекласников

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Знач.	Решение
1	Медиана разностей между лидерами и представл_о_лидере равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,632	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Знач.	Решение
1	Медиана разностей между представл_о_лидере и среднестатусные равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,691	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Знач.	Решение
1	Медиана разностей между представл_о_лидере и аутсайдеры равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,269	Нулевая гипотеза принимается.

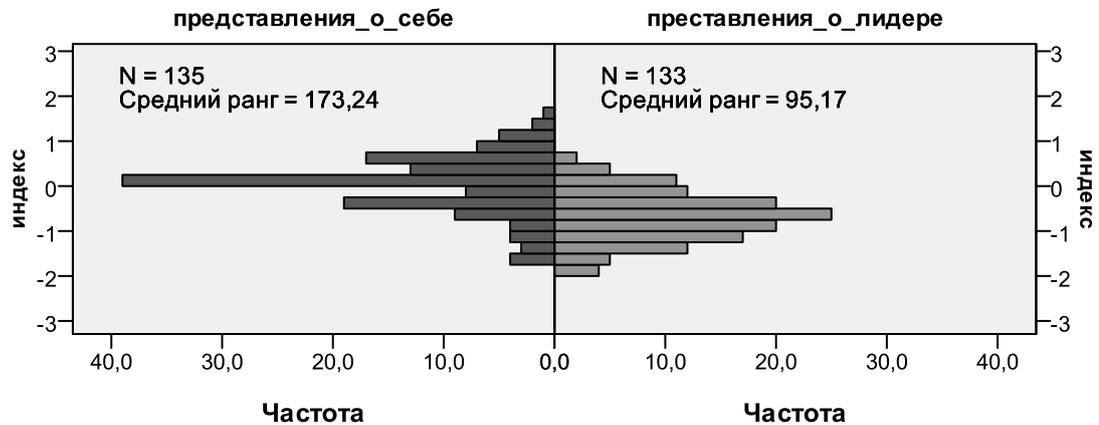
Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен 0,05.

Различия между оценкой образа лидера и самооценкой своей личности у старшекласников по методике С. Бем

Итоги по проверке гипотезы				
	Нулевая гипотеза	Критерий	Знач.	Решение
1	Распределение индекс является одинаковым для категорий представления_о_лидере_и_о_себе.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,000	Нулевая гипотеза отклоняется.
Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,01.				

Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок

представления_о_лидере_и_о_себе

Всего	268
U Манна-Уитни	14 208,000
W Вилкоксона	23 388,000
Статистика критерия	14 208,000
Стандартная ошибка	633,182
Стандартизованная статистика критерия	8,261
Асимптотическая знч. (2-сторонний критерий)	,000

Приложение Ж

Результаты кластерного анализа данных о представлении старшекласников о
низком статусе личности в ученической группе

Порядок агломерации (кластеров)

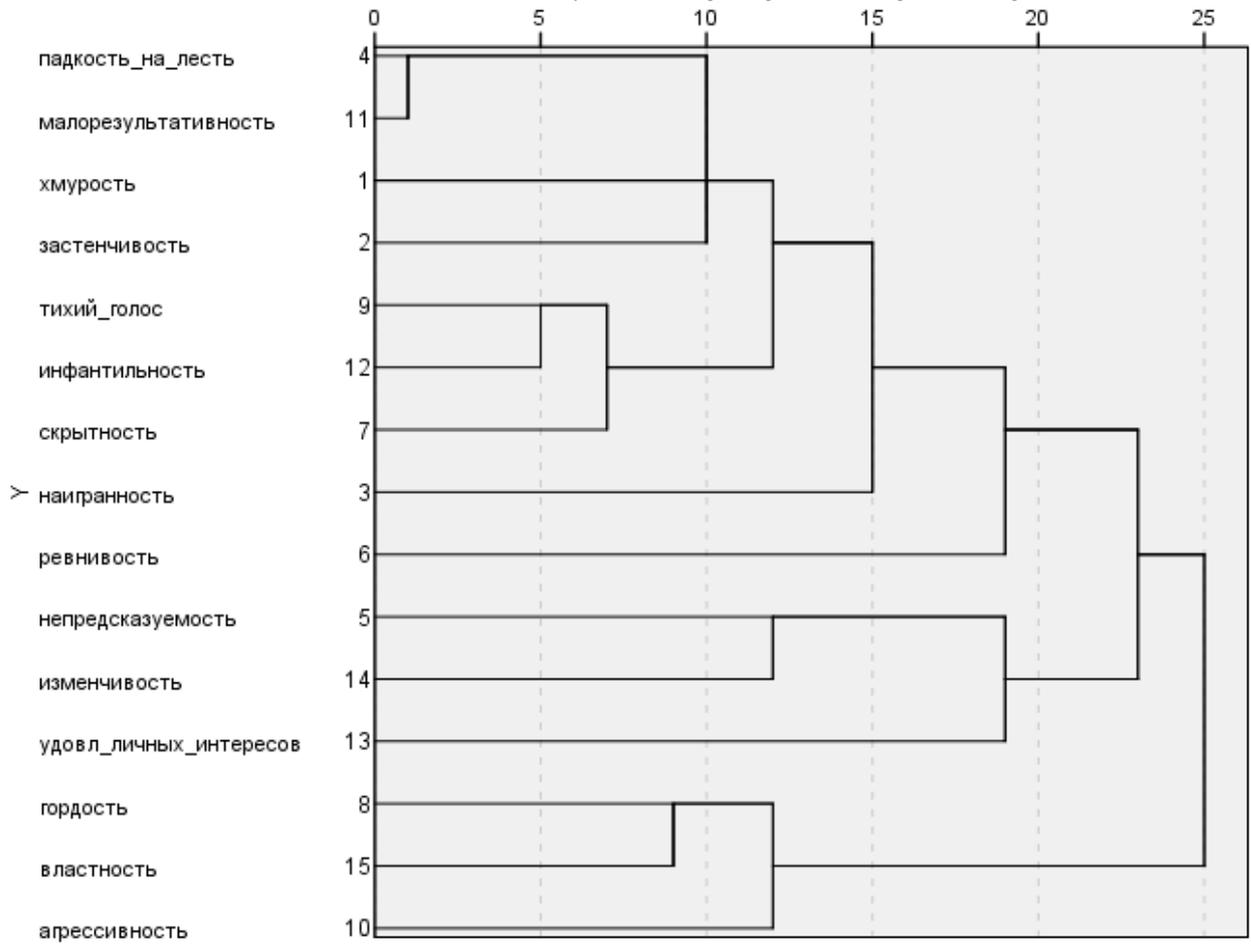
Этап	Объединенный кластер		Коэффициенты	Этап первого появления кластера		Следующий этап
	Кластер 1	Кластер 2		Кластер 1	Кластер 2	
1	4	11	,444	0	0	5
2	9	12	,371	0	0	3
3	7	9	,326	0	2	9
4	8	15	,300	0	0	7
5	1	4	,275	0	1	6
6	1	2	,271	5	0	9
7	8	10	,243	4	0	14
8	5	14	,239	0	0	12
9	1	7	,238	6	3	10
10	1	3	,196	9	0	11
11	1	6	,127	10	0	13
12	5	13	,124	8	0	13
13	1	5	,054	11	12	14
14	1	8	,006	13	7	0

Принадлежность к кластерам

Наблюдение	Кластеры 3
хмурость	1
застенчивость	1
наигранность	1
падкость_на_лесть	1
непредсказуемость	2
ревнивость	1
скрытность	1
гордость	3
тихий_голос	1
агрессивность	3
малорезультативность	1
инфантильность	1
удовл_личных_интересов	2
изменчивость	2
властность	3

Дендрограмма с использованием метода межгрупповых связей

Совмещение кластера перемасштабированных расстояний

Приложение 3

Сравнение распределения выбора характеристик, присущих образу
низкостатусного члена группы между представителями различных статусных
слоев старшеклассников

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Знач.	Решение
1	Распределение низкий_статус является одинаковым для категорий статус_респондент	Критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок	,189	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05

Приложение И

Различия между оценкой образа низкостатусного и высокостатусного членов группы, а также самооценкой своей личности у старшеклассников по методике С. Бем

Статистика группы

	группа	N	Среднее значение	Стандартная отклонения	Среднекв. ошибка среднего
индексы_бем	о аутсайдере	133	,1477	,38201	,03312
	у себя	133	-,0196	,70517	,06115

Критерий для независимых выборок

	Критерий равенства дисперсий Левина	t-критерий для равенства средних						
		F	Знач.	t	ст.св.	Знач. (2-х сторонняя)	Разность средних	Среднеквадратичная ошибка разности
индексы_бем	Предполагаются равные дисперсии	45,421	,000	2,407	264	,017	,16737	,06954
	Не предполагаются равные дисперсии			2,407	203,333	,017	,16737	,06954

Статистика группы

	группа	N	Среднее значение	Стандартная отклонения	Среднекв. ошибка среднего
индексы_бем	о аутсайдере	133	,1477	,38201	,03312
	о лидере	131	-,6717	,54440	,04756

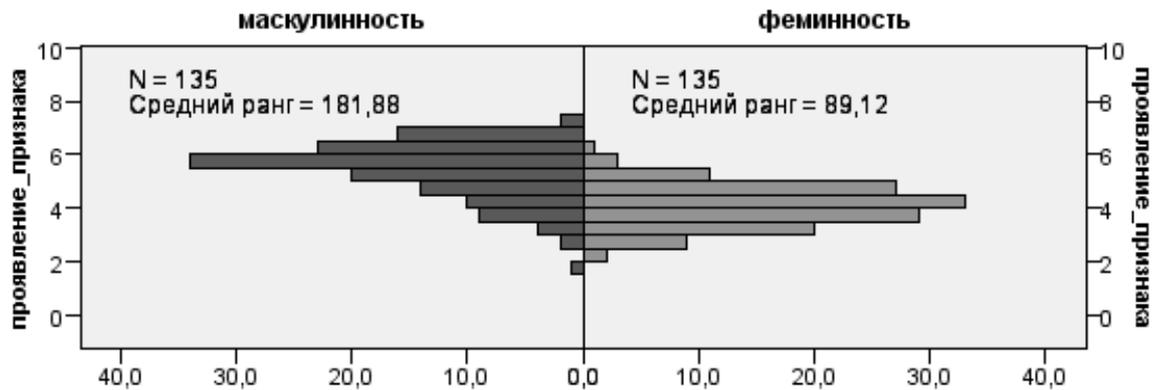
Критерий для независимых выборок

	Критерий равенства дисперсий Левина	t-критерий для равенства средних						
		F	Знач.	t	ст.св.	Знач. (2-х сторонняя)	Разность средних	Среднеквадратичная ошибка разности
		индексы_бем	Предполагаются равные дисперсии	14,492	,000	14,174	262	,000
	Не предполагаются равные дисперсии			14,137	232,758	,000	,81942	,05796

Приложение К

Статистический анализ результатов изучения гендерных характеристик в представлениях старшеклассников о высоком социальном статусе личности

Распределение значений факторов «маскулинность» и «фемининность» в представлении старшеклассников о высоком статусе личности в обществе

Различия в проявлении маскулинных и фемининных черт при оценке разностатусными старшеклассниками образа высокостатусного человека в обществе

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Знач.	Решение
1	Распределение высокостатусных является одинаковым для категорий м_ф1.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,001	Нулевая гипотеза отклоняется.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Знач.	Решение
1	Распределение среднестатусных является одинаковым для категорий м_ф2.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,000	Нулевая гипотеза отклоняется.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Знач.	Решение
1	Распределение низкостатусных является одинаковым для категорий м_ф3.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,000	Нулевая гипотеза отклоняется.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05

Смещение значений контрольных шкал, присущих высокому статусу личности в обществе, в сторону маскулинности в выборке старшеклассников по методике семантического дифференциала

Одновыборочная статистика

	N	Среднее значение	Стандартная отклонения	Среднекв. ошибка среднего
ф_м	135	5,0296	1,18253	,10178

Одновыборочный критерий

	Значение критерия = 4					
	Т	ст.св.	Знач. (2-х сторонняя)	Разность средних	95% доверительный интервал для разности	
					Нижняя	Верхняя
ф_м	10,117	134	,000	1,02963	,8283	1,2309

Факторный анализ шкал семантического дифференциала о представлениях старшекласников о высоком статусе личности в обществе

Повернутая матрица компонентов^а

	Компонент				
	1	2	3	4	5
слабая_личность_сильная_личность					,688
пассивный_активный				,719	
образное_мышление_аналитическое_мышление					,780
необразованный_образованный					,463
черствый_внимательный	,728				
недоверчивый_доверчивый				-,597	
безразличный_сочувствующий	,881				
интуиция_рациональный		,695			
сдержанный_вспыльчивый		-,791			
мало_зарабатывает_хорошо_зарабатывает				,812	
не_умеет_готовить_умеет_готовить			,710		
грубит_не_грубит		,597			
неспортивный_спортивный			,813		
узкий_круг_интересов_широкий_круг_интересов			,550		

Метод выделения факторов: метод главных компонент.

Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера.

а. Вращение сошло за 8 итераций.

Приложение Л

Значения субъективной значимости характеристик в социальных представлениях о низком статусе личности в обществе при сравнении ответов низкостатусных и высокостатусных старшеклассников

Статистика группы

	группы	N	Среднее значение	Стандартная отклонения	Среднекв. ошибка среднего
субъективная_значимость	лидеры	15	6,5500	1,42181	,36711
	низкостатусные	15	7,4520	1,11507	,28791

Критерий для независимых выборок

		Критерий равенства дисперсий Левина		t-критерий для равенства средних			
		F	Знач.	t	ст.св.	Знач. (2-х сторонняя)	Разность средних
субъективная_значимость	Предполагаются равные дисперсии	1,358	,254	-1,933	28	,063	-,90200
	Не предполагаются равные дисперсии			-1,933	26,495	,064	-,90200

Приложение М

Анализ проявления гендерного стереотипа в представлениях школьников о
низком статусе личности в обществе

Итоги по проверке гипотезы				
	Нулевая гипотеза	Критерий	Знач.	Решение
1	Распределение маскулинность_фемининность является одинаковым для категорий шкала.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,000	Нулевая гипотеза отклоняется.
Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.				

Приложение Н

Различия индексов шкалы маскулинности в представлениях старшеклассников о
высоком и низком статусе личности в обществе

Статистика группы

	статус	N	Среднее значение	Стандартная отклонения	Среднекв. ошибка среднего
шкала_маскулинности	низкий	133	2,9761	1,13859	,09873
	высокий	133	5,3159	1,04938	,09099

Критерий для независимых выборок

		Критерий равенства дисперсий Левина		t-критерий для равенства средних				
		F	Знач.	t	ст.св.	Знач. (2-х сторонняя)	Разность средних	Среднеквадратичная ошибка разности
шкала_маскулинности	Предполагаются равные дисперсии	1,797	,181	-17,427	264	,000	-2,33985	,13426
	Не предполагаются равные дисперсии			-17,427	262,262	,000	-2,33985	,13426

Кластерный анализ характеристик в представлениях о высоком статусе личности
в ученической группе студентов

Порядок агломерации (кластеров)

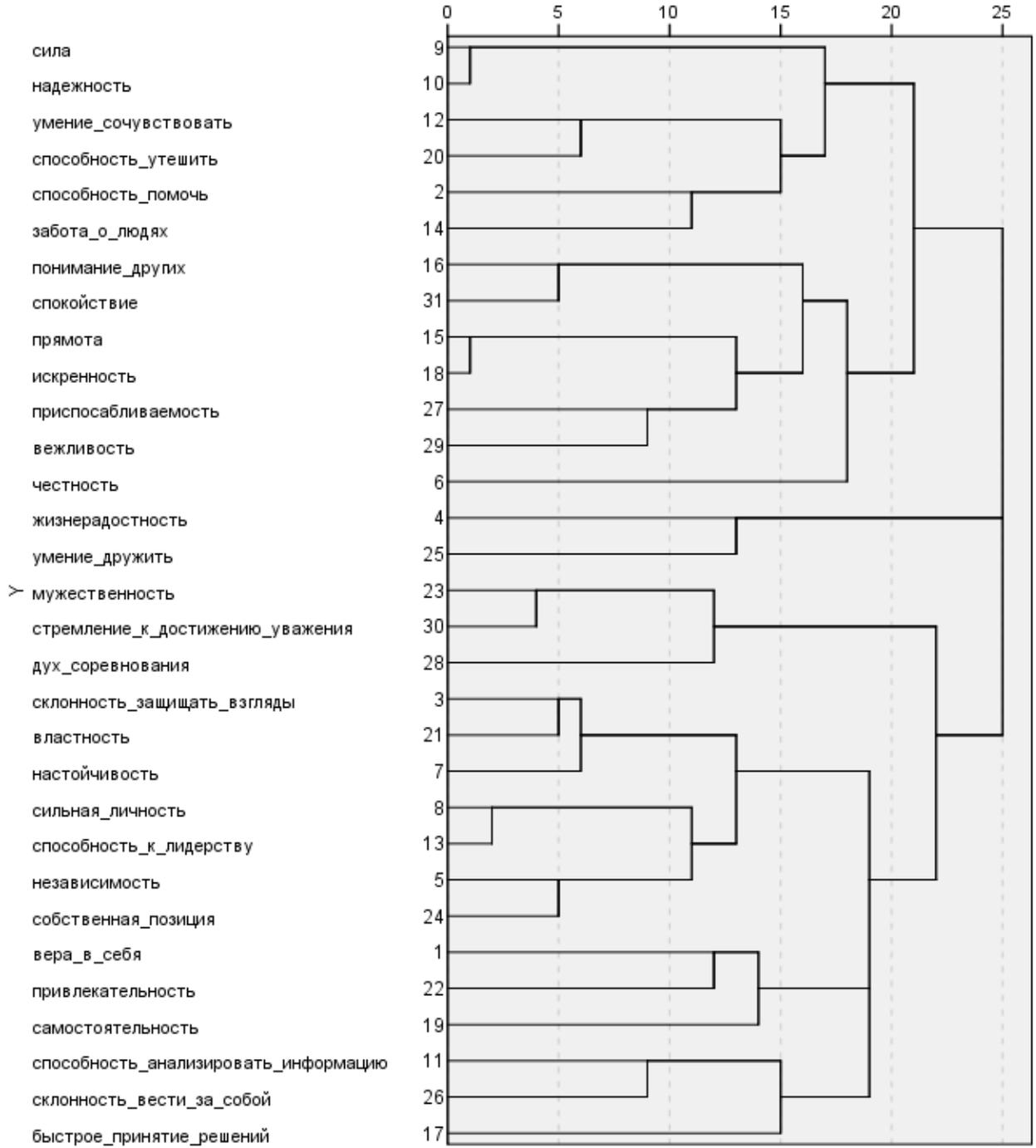
Этап	Объединенный кластер		Коэффициенты	Этап первого появления кластера		Следующий этап
	Кластер 1	Кластер 2		кластера		
				Кластер 1	Кластер 2	
1	9	10	,378	0	0	23
2	15	18	,370	0	0	17
3	8	13	,358	0	0	12
4	23	30	,337	0	0	14
5	5	24	,319	0	0	12
6	16	31	,317	0	0	22
7	3	21	,314	0	0	8
8	3	7	,302	7	0	16
9	12	20	,300	0	0	21
10	11	26	,260	0	0	20
11	27	29	,259	0	0	17
12	5	8	,238	5	3	16
13	2	14	,237	0	0	21
14	23	28	,229	4	0	28
15	1	22	,224	0	0	19
16	3	5	,208	8	12	26
17	15	27	,205	2	11	22
18	4	25	,205	0	0	29
19	1	19	,196	15	0	25
20	11	17	,185	10	0	25
21	2	12	,179	13	9	23
22	15	16	,167	17	6	24
23	2	9	,151	21	1	27
24	6	15	,136	0	22	27
25	1	11	,134	19	20	26
26	1	3	,127	25	16	28
27	2	6	,097	23	24	30
28	1	23	,086	26	14	29
29	1	4	,050	28	18	30
30	1	2	,041	29	27	0

Принадлежность к кластерам

Наблюдение	Кластеры 5
вера_в_себя	1
способность_помочь	2
склонность_защищать_взгляды	1
жизнерадостность	3
независимость	1
честность	4
настойчивость	1
сильная_личность	1
сила	2
надежность	2
способность_анализировать_информацию	1
умение_сочувствовать	2
способность_к_лидерству	1
забота_о_людях	2
прямота	4
понимание_других	4
быстрое_принятие_решений	1
искренность	4
самостоятельность	1
способность_утешить	2
властность	1
привлекательность	1
мужественность	5
собственная_позиция	1
умение_дружить	3
склонность_вести_за_собой	1
приспосабливаемость	4
дух_соревнования	5
вежливость	4
стремление_к_достижению_уважения	5
спокойствие	4

Дендрограмма с использованием метода межгрупповых связей

Совмещение кластера перемасштабированных расстояний

Приложение П

Сравнение распределения выбора характеристик, присущих образу высокостатусного члена группы между представителями различных статусных слоев студентов

Итоги по проверке гипотезы				
	Нулевая гипотеза	Критерий	Знач.	Решение
1	Распределение анализ_по_статусам является одинаковым для категорий статус.	Критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок	,802	Нулевая гипотеза принимается.
Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.				

Различия между самооценкой характеристик различных статусных групп студентов

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Знач.	Решение
1	Распределения VAR00007, VAR00008 and VAR00009 одинаковы.	Двухфакторный ранговый дисперсионный анализ Фридмана для связанных выборок	,442	Нулевая гипотеза принимается.

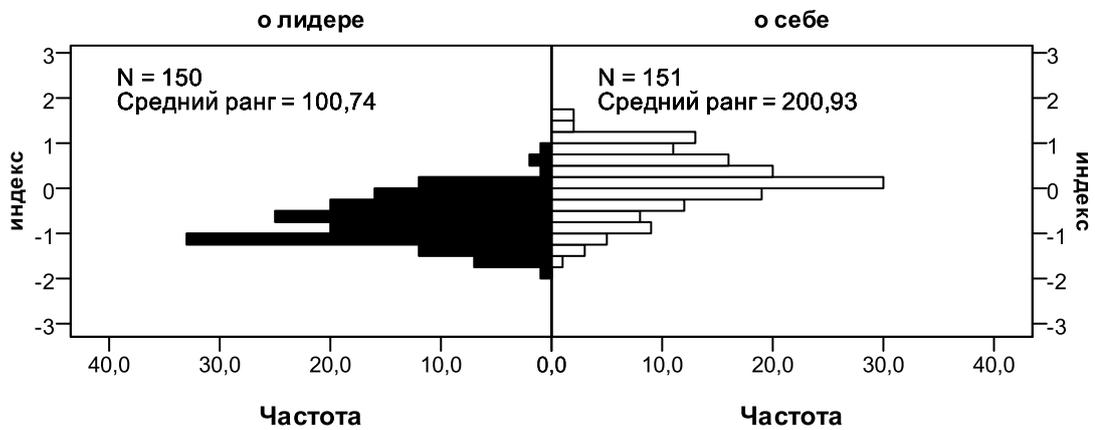
Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,

Различия между оценкой образа лидера и самооценкой своей личности у студентов по методике С. Бем

Итоги по проверке гипотезы				
	Нулевая гипотеза	Критерий	Знач.	Решение
1	Распределение индекс является одинаковым для категорий представления_о_лtdере_группы_и_о_себе.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,000	Нулевая гипотеза отклоняется.
Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,01.				

Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок

представления_о_лtdере_группы_и_о_себе

Всего	301
U Манна-Уитни	18 864,000
W Вилкоксона	30 340,000
Статистика критерия	18 864,000
Стандартная ошибка	753,863
Стандартизованная статистика критерия	10,000
Асимптотическая знч. (2-сторонний критерий)	,000

Приложение Т

Результаты кластерного анализа данных о представлении студентов о низком статусе личности в ученической группе

Порядок агломерации (кластеров)

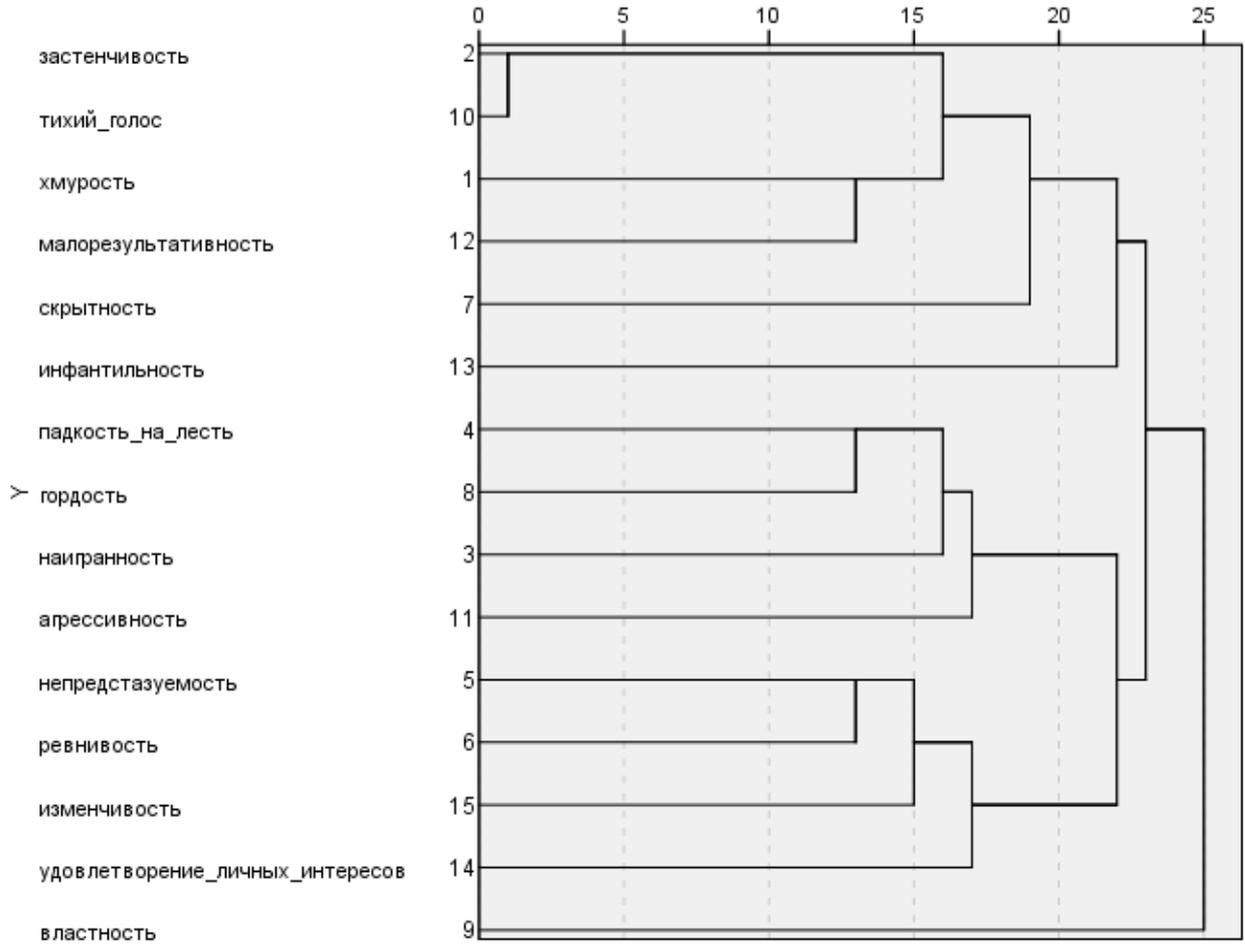
Этап	Объединенный кластер		Кoeffициенты	Этап первого появления кластера		Следующий этап
	Кластер 1	Кластер 2		кластера		
				Кластер 1	Кластер 2	
1	2	10	,596	0	0	6
2	5	6	,319	0	0	5
3	1	12	,317	0	0	6
4	4	8	,316	0	0	7
5	5	15	,272	2	0	9
6	1	2	,249	3	1	10
7	3	4	,239	0	4	8
8	3	11	,218	7	0	11
9	5	14	,209	5	0	11
10	1	7	,169	6	0	12
11	3	5	,102	8	9	13
12	1	13	,091	10	0	13
13	1	3	,084	12	11	14
14	1	9	,022	13	0	0

Принадлежность к кластерам

Наблюдение	Кластеры 5
хмурость	1
застенчивость	1
наигранность	2
падкость_на_лесть	2
непредстазуемость	3
ревнивость	3
скрытность	1
гордость	2
властность	4
тихий_голос	1
агрессивность	2
малорезультативность	1
инфантильность	5
удовлетворение_личных_интересов	3
изменчивость	3

Дендрограмма с использованием метода межгрупповых связей

Совмещение кластера перемасштабированных расстояний

Приложение У

Сравнение распределения выбора характеристик, присущих образу
низкостатусного члена группы между представителями различных статусных
слоев студентов

Итоги по проверке гипотезы				
	Нулевая гипотеза	Критерий	Знач.	Решение
1	Распределение качества_бем_низкий_статус является одинаковым для категорий статус_в_группе.	Критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок	,784	Нулевая гипотеза принимается.
Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.				

Приложение Ф

Распределение выбора характеристик в представлениях студентов о низком статусе личности в группе, при самооценке студентов разных статусных подгрупп

Итоги по проверке гипотезы				
	Нулевая гипотеза	Критерий	Знач.	Решение
1	Распределения лидеры_о_себе, среднестатусные_о_себе and аутсайдеры_о_себе одинаковы.	Двухфакторный ранговый дисперсионный анализ Фридмана для связанных выборок	,034	Нулевая гипотеза отклоняется.
Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,01.				

Приложение X

Статистический анализ результатов изучения гендерных характеристик в представлениях студентов о высоком социальном статусе личности

Смещение значений контрольных шкал, присущих высокому статусу личности в группе, в сторону маскулинности в выборке студентов по методике семантического дифференциала

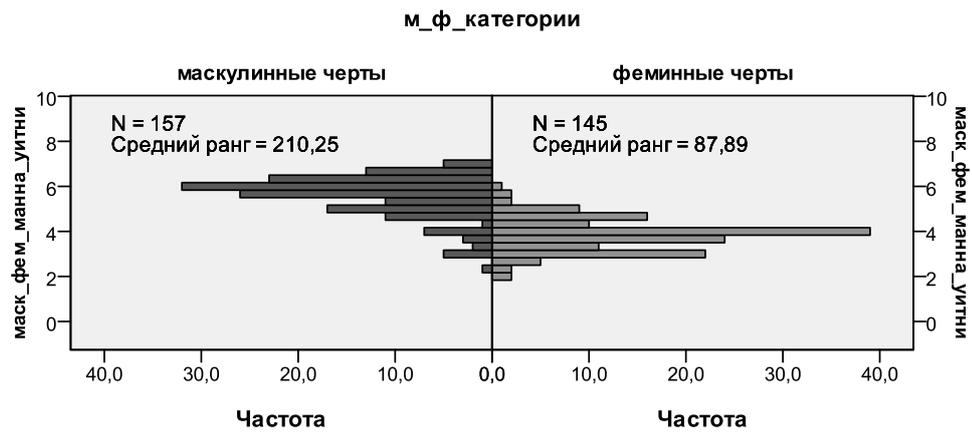
Одновыборочный критерий

	Значение критерия = 0					
	Т	ст.св.	Знач. (2-х сторонняя)	Разность средних	95% доверительный интервал для разности	
					Нижняя	Верхняя
образ_низкостатусного_бем_индекс	-2,468	150	,015	-,06689	-,1205	-,0133

Различия в оценке студентами проявления маскулинных и фемининных черт в образе высокостатусного человека

Итоги по проверке гипотезы				
	Нулевая гипотеза	Критерий	Знач.	Решение
1	Распределение маск_фем_манна_уитни является одинаковым для категорий м_ф_категории.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,000	Нулевая гипотеза отклоняется.
Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,01.				

Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок

Всего	302
U Манна-Уитни	2 159,000
W Вилкоксона	12 744,000
Статистика критерия	2 159,000
Стандартная ошибка	757,377
Стандартизованная статистика критерия	-12,178
Асимптотическая знч. (2-сторонний критерий)	,000

Сдвиг в сторону предпочтения маскулинных черт в образе высокостатусного человека в представлениях студентов

Одновыборочная статистика

	N	Среднее значение	Стандартная отклонения	Среднекв. ошибка среднего
ф_м	151	5,0530	1,12124	,09125

Одновыборочный критерий

	Значение критерия = 4					
	Т	ст.св.	Знач. (2-х сторонняя)	Разность средних	95% доверительный интервал для разности	
					Нижняя	Верхняя
ф_м	11,540	150	,000	1,05298	,8727	1,2333

Отсутствие различий в оценке маскулинной и фемининной шкалы в представлениях о высоком статусе личности в группе по половому признаку

Итоги по проверке гипотезы				
	Нулевая гипотеза	Критерий	Знач.	Решение
1	Распределение маскулинность является одинаковым для категорий пол.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,418	Нулевая гипотеза принимается.
2	Распределение фемининность является одинаковым для категорий пол.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,136	Нулевая гипотеза принимается.
Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,01.				

Факторный анализ шкал семантического дифференциала о представлениях студентов о высоком статусе личности в обществе

Повернутая матрица компонентов^a

	Компонент				
	1	2	3	4	5
слабая_личность_сильная _личность		,412		,566	
пассивный_активный	,758				
образное_мышление_анал итическое_мышление			,750		
необразованный_образова нный	,587				,392
человеческий_внимательный		,831			
недоверчивый_доверчивы й	-,332	,466	-,455		
безразличный_сочувствую щий		,820			
интуиция_рациональный			,568		,396
сдержанный_вспыльчивый	-,503		-,590		
мало_зарабатывает_хоро шо_зарабатывает	,697				
не_умеет_готовить_умеет _готовить					,824
грубит_не_грубит		,404	,555		
неспортивный_спортивный				,814	
узкий_круг_интересов_ши рокий_круг_интересов	,517			,618	

Метод выделения факторов: метод главных компонент.

Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера.

a. Вращение сошло за 8 итераций.

Приложение Ц

Сравнение рангов одинаковых категорий в представлениях о высоком и низком статусе личности в обществе у студентов

Статистика группы

	принадлежность	N	Среднее значение	Стандартная отклонения	Среднекв. ошибка среднего
пассивность_активность	представление о низком статусе	80	2,9000	1,47210	,16459
	представление о высоком статусе	41	3,5366	1,34346	,20981

Критерий для независимых выборок

		Критерий равенства дисперсий Левина		t-критерий для равенства средних		
		F	Знач.	t	ст.св.	Знач. (2-х сторонняя)
пассивность_активность	Предполагаются равные дисперсии	,615	,434	-2,317	119	,022
	Не предполагаются равные дисперсии			-2,387	87,583	,019

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Знач.	Решение
1	Распределение неудачник_успешный является одинаковым для категорий принадлежность_неудачник_успешный.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,036	Нулевая гипотеза отклоняется.
Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.				

Статистика группы

	значение слабая сильная личность	N	Среднее значение	Стандартная отклонения	Среднекв. ошибка среднего
слабая_сильная_личность	низкий	26	2,5385	1,30325	,25559
	высокий	63	8,4286	1,62356	,20455

Критерий для независимых выборок

	Критерий равенства дисперсий Левина		t-критерий для равенства средних			
	F	Знач.	t	ст.св.	Знач. (2-х сторонняя)	Разность средних
слабая_сильная_личность	,807	,372	-	87	,000	-5,89011
Предполагаются равные дисперсии			16,426			
Не предполагаются равные дисперсии			-	57,731	,000	-5,89011
			17,993			

Статистика группы

	значение_ответственность_безответственность	N	Среднее значение	Стандартная ошибка	Среднее значение
			е	ая	в. среднего
ответственность_безответственность	низкий	23	3,1304	1,14035	,23778
	высокий	27	2,3333	1,41421	,27217

Критерий для независимых выборок

	Критерий равенства дисперсий Левина		t-критерий для равенства средних			
	F	Знач.	t	ст.св.	Знач. (2-х сторонняя)	Разность средних
ответственность_безответственность	1,703	,198	2,168	48	,035	,79710
Предполагаются равные дисперсии						
Не предполагаются равные дисперсии			2,206	47,875	,032	,79710

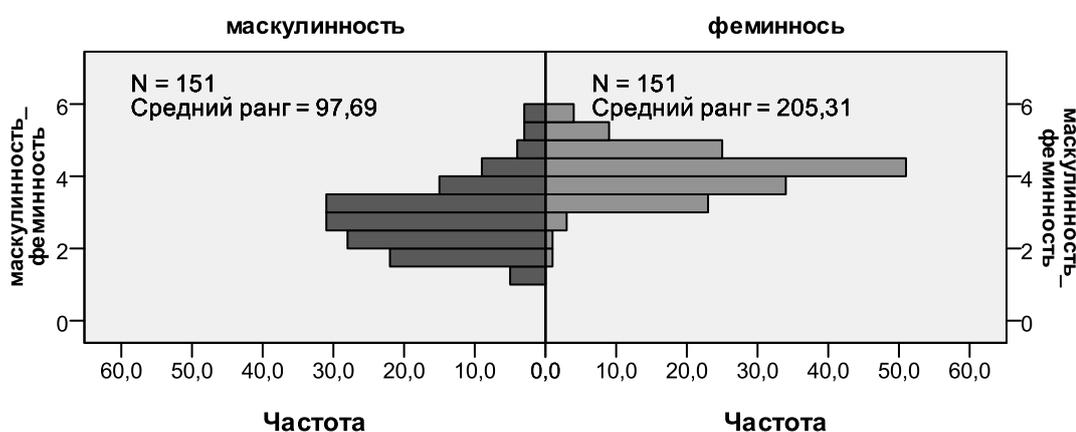
Приложение Ч

Различия в оценке студентами образа низкостатусного человека по шкалам «фемининность» и «маскулинность» по методике семантического дифференциала

Итоги по проверке гипотезы				
	Нулевая гипотеза	Критерий	Знач.	Решение
1	Распределение маскулинность_фемининность является одинаковым для категорий значение_м_ф.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,000	Нулевая гипотеза отклоняется.
Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,01.				

Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок

значение_м_ф

Всего	302
U Манна-Уитни	19 526,000
W Вилкоксона	31 002,000
Статистика критерия	19 526,000
Стандартная ошибка	757,637
Стандартизованная статистика критерия	10,725
Асимптотическая знч. (2-сторонний критерий)	,000

Одновыборочная статистика

	N	Среднее значение	Стандартная отклонения	Среднекв. ошибка среднего
м_ф	151	3,4868	,90911	,07398

Одновыборочный критерий

	Значение критерия = 4					
	Т	ст.св.	Знач. (2-х сторонняя)	Разность средних	95% доверительный интервал для разности	
					Нижняя	Верхняя
м_ф	-6,937	150	,000	-,51325	-,6594	-,3671

Приложение Ш

Различие по шкале маскулинности между оценками высокого и низкого статуса личности в обществе в группе студентов

Статистика группы

	низкий_высокий_статус	N	Среднее значение	Стандартная отклонения	Среднекв. ошибка среднего
маскулинность_низкий_высокий_статус	низкий статус	151	2,8202	,93707	,07626
	высокий статус	151	5,5287	,90733	,07384

Критерий для независимых выборок

	Критерий равенства дисперсий Левина	t-критерий для равенства средних					
		F	Знач.	t	ст.св.	Знач. (2-х сторонняя)	Разность средних
маскулинность_низкий_высокий_статус	Предполагаются равные дисперсии	,392	,532	- 25,516	300	,000	-2,70848
	Не предполагаются равные дисперсии			- 25,516	299,689	,000	-2,70848

Приложение Ш

Отсутствие различий в оценке маскулинной и фемининной шкалы в образе низкостатусного члена общества по половому признаку

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Знач.	Решение
1	Распределение маскулинности является одинаковым для категорий пол.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,353	Нулевая гипотеза принимается.
2	Распределение феминности является одинаковым для категорий пол.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,167	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен